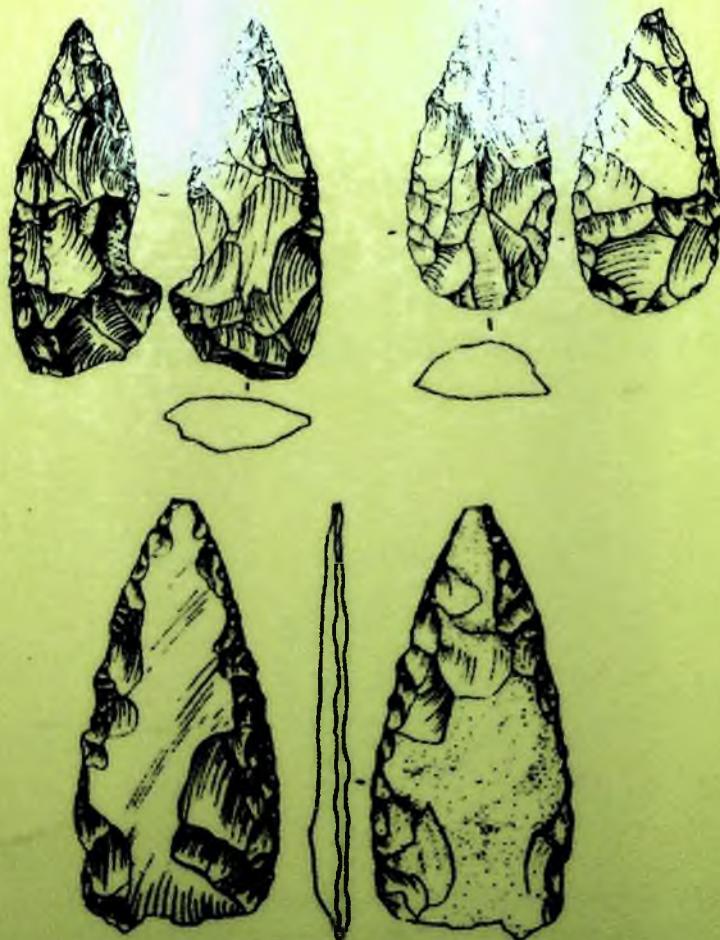

Н. К. АНИСЮТКИН

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТИНКА 1
И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
К ВЕРХНЕМУ НА ЮГО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

**Санкт-Петербург
2005**

**Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры
Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции. Вып. 2**

Н.К. Анисюткин

**ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА СТИНКА 1
И ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА
К ВЕРХНЕМУ НА ЮГО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

**Государственный археологический
Музей-Заповедник "Костенки"**

Санкт-Петербург 2005

Н.К. Анисюткин

**Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода
от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы**

Ответственный редактор серии: д. и. н. М.В. Аникович

Ответственный редактор выпуска: д. и. н. М.В. Аникович

Редакторы выпуска: к. и. н. Н.И. Платонова
к. и. н. В.В. Попов

Монография посвящена публикации материалов многослойной палеолитической стоянки Стинка 1, расположенной на юго-западе Украины, в долине р. Днестр. Наряду с археологическими раскопками, на стоянке проведены геолого-геоморфологические и палинологические исследования, которые являются фундаментом относительной геохронологии. Основное внимание уделено двум палеолитическим слоям со сходными индустриями. Комплекс верхнего слоя определён, как ранний этап своеобразного “молдавского селета”, нижнего - как подлинный средний палеолит, который представляет собой специфический “преселет типа Стинка”. В книге рассмотрена проблема перехода от среднего палеолита к верхнему - с учётом новейших данных, полученных в последние годы по Костёнковско-Борщёвскому району.

Утверждено к печати на заседании Учёного совета ИИМК РАН 30 ноября 2005 г.

Рецензент: д. и. н. С.Н. Астахов

Оригинал-макет: Л.Н. Анисюткин

Сборник подготовлен и опубликован в рамках программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (№ 23), проект: «Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса»

**Russian Academy of Sciences
Institute for the Material Culture History**

N.K. Anisyutkin

**PALAEOLITHIC SITE STINKA I AND THE PROBLEM OF
THE MIDDLE/UPPER PALAEOLITHIC TRANSITION IN
THE SOUTH-WEST OF EASTERN EUROPE**

State archaeological Museum-Reserve 'Kostenki'

Saint-Petersburg 2005

ОТ РЕДАКЦИИ

Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция ИИМК РАН действует с 1999 г. С самого начала исследования велись в тесном сотрудничестве с Государственным археологическим музеем-заповедником "Костенки". В организационном плане мы фактически работаем, как единое целое.

В течение всего 7-летнего периода наши работы были сосредоточены, преимущественно, на изучении древнейших памятников Костенковско-Борщевского района, залегающих ниже линз вулканического пепла ("нижняя гумусированная толща"). В первую очередь, это многослойная стоянка Костенки 12, на которой в настоящий момент завершён очередной цикл разносторонних археологических и геоархеологических исследований (1999-2004). Кроме того, экспедицией проводились раскопки многослойных стоянок Костенки 1 (2004-2005), 8 (2005) и 11 (2003-2004).

Основной задачей всех этих работ с самого начала являлось уточнение хроностратиграфии памятников ранней поры верхнего палеолита в Костенковско-Борщевском районе, их взаимная корреляция и, в конечном счете – корреляция с общими геолого-стратиграфическими схемами. Такое направление предполагает тесное и постоянное сотрудничество с учеными-естественниками самого различного профиля. Данная установка была сполна реализована нами на практике.

Благодаря многолетнему сотрудничеству с д-ром Дж. Ф. Хоффкером (Институт изучения Альп и Аляски при Университете штата Колорадо, США), к полевым работам и обработке полученных материалов оказались привлечены геоархеолог проф. В.Т. Холлидэй (Университет штата Аризона, США), геоморфологи д-р Р.И. Макфайл (Институт археологии при Университетском колледже, Лондон, Великобритания), д-р П. Гольдберг (Археологический отдел Бостонского университета, США), д-р Б. Картер (Государственный университет штата Оклахома, США), а также специалист по радиометрическому датированию д-р Ст. Форман (Университет штата Иллинойс, Чикаго, США). Благодаря их общей работе, за истекший период была получена целая серия IRSL и OSL-датировок многослойных стоянок Костенки 1 и 12, выделен горизонт с пеплом в раскопах на обеих этих стоянках, проведены тафономические исследования, микро- и макроморфологический анализ древних отложений.

Определение фаунистических остатков из раскопок 1999-2004 гг. произведено к.б.н. И.Е. Кузьминой (ЗИН РАН, Санкт-Петербург), палинологический анализ – к.г.н. Г.М. Левковской (ИИМК РАН, Санкт-Петербург). Палеомагнитный анализ разреза на Костенках 12 осуществлен к.г.н. Г.А. Поспеловой (Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, Москва), разреза на Костенках 1 – проф. Р. Ловлие (Бергенский университет, Норвегия). Специальное исследование палеопочв производится д.г.н. проф. Б.Ф. Апариним (С.-ПбГУ, Россия).

В настоящее время к работам нашей экспедиции в области геоархеологии активно подключилась исследовательская группа, возглавляемая д.г.н. проф. А.А. Величко (ГИН РАН, Москва). Кроме того, сейчас появилась возможность провести работы по

AMS-датированию Костенок 12 в рамках исследовательской программы проекта EFCHEd, осуществляемого совместно британскими и российскими учеными (рук. проекта д-р Р. Хаусли, Университет Глазго, Великобритания).

Подобное направление работ в общем и целом совпадает с разработками, осуществляемыми Костенковской палеолитической экспедицией ИИМК РАН на многослойных стоянках Костенки 14 и 16 (нач. к.и.н. А.А. Синицын) и Борщевским отрядом ИИМК РАН – на многослойной стоянке Борщево 5 (нач. к.и.н. С.Н. Лисицын). Своевременная публикация полученных данных способствует их взаимной корреляции.

Хорошо известно, что проблематика Костенковского палеолита отнюдь не является узко региональной. Она охватывает узловые проблемы, по меньшей мере, первых двух третей верхнепалеолитической эпохи Восточной Европы, а по большому счету затрагивает и проблематику палеолита других частей Европейского континента, даже Северной Азии. Встающие при этом задачи, по нашему мнению, могут успешно решаться лишь коллегиально, группой равноправных в научно-организационном отношении специалистов-палеолитоведов. В сущности, и сейчас дело складывается на практике именно таким образом. Главное при этом – искать и находить приемлемые для всех формы сотрудничества.

Предварительные результаты работ Костенковско-Борщевской археологической экспедиции были доложены на презентациях памятников (Костенки 1, 11, 12) в ходе Международной конференции "Костенки и верхний палеолит Евразии: общее и локальное (к 125-летию открытия палеолита в Костенках)". Тезисы и путеводители по памятникам были опубликованы [Аникович, Платонова (ред.), 2004]. Отдельные публикации по некоторым итогам наших работ имеются и в ряде других изданий, как на русском, так и на английском языках.

В настоящее время редакторскую подготовку проходят 2 сборника "Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции" (вып. 1 и 3). Оба сборника включают не только статьи непосредственных участников нашей экспедиции, но также иногородних и зарубежных авторов. Соответственно, их тематика выходит за региональные рамки Костенковско-Борщевского района – и даже за рамки Восточной Европы в целом. Учитывая сказанное выше о проблематике палеолита Костенок, это вполне естественно.

Предлагаемый читателю второй выпуск Трудов Костенковско-Борщевской археологической экспедиции является публикацией монографии д.и.н. Н.К. Анисюткина (ИИМК РАН) "Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на территории юго-западной части Восточной Европы". Включение ее в данную издательскую серию не случайно. Николай Кузьмич Анисюткин является сотрудником нашей экспедиции с 2002 г. Он участвовал в раскопках многослойных стоянок Костенки 1 и 12. Именно работа в Костенках, по его собственным словам, во многом способствовала пересмотру его прежних взглядов на Стинковскую стоянку.

Данный памятник, расположенный на территории юго-западной части Украины, в пространственном отношении весьма далек от Костенок. Тем не менее, поднятая на основе стинковских материалов проблематика перехода от среднего к верхнему палеолиту имеет самое прямое отношение к основной теме работ Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. С результатами наших исследований тесно связаны и многие выводы, к которым пришел автор монографии. В частности, Н.К. Анисюткин принял развиваемую М.В. Аниковичем аккультурационную модель формирования "архаичного" (селетоидного) варианта верхнего палеолита, к которому следует отнести верхний слой Стинки 1. Каменная индустрия этого слоя (подобно слою Костенки 12/III) соответствует начальному верхнему палеолиту Восточной Европы, где элементы мустье, верхнего палеолита и микока формируют единый ансамбль селетоидного технокомплекса, отличаясь естественной региональной спецификой. Ключевое значение для понимания переходного процесса имеет более архаичный набор каменных орудий нижнего слоя, что, наряду с типично среднепалеолитической технологией первичного расщепления камня, позволяет определить его как "преселет типа Стинка". Таким образом, предлагаемая публикация есть не только наиболее полное обобщение старых материалов, добытых еще в 1960-х гг., но и новая их интерпретация, несколько расходящаяся с укоренившимися в археологической литературе суждениями по поводу Стинковской стоянки.

Монография Н.К. Анисюткина подготовлена и опубликована в рамках программы Президиума РАН "Этнокультурное взаимодействие в Евразии" (№ 23), проект: "Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса" (рук. д.и.н. М.В. Аникович). Надеемся, что эта книга будет интересна не только специалистам по археологии палеолита, но и всем, кто занимается проблематикой становления верхнего палеолита Евразии.

Начальник Костенковско-Борщевской археологической экспедиции,

д.и.н. М.В. Аникович

Директор Государственного археологического музея-заповедника "Костенки",

к.и.н. В.В. Попов

*Посвящается моей жене –
Светлане Леонидовне Розановской*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	10
<i>Глава 1. История исследования стоянки</i>	14
<i>Глава 2. Методика раскопок</i>	21
<i>Глава 3. Геоморфология, стратиграфия и палинология стоянки</i>	25
<i>Глава 4. Условия залегания и характеристика культурных слоев стоянки, планиграфия и палеоэкология</i>	44
<i>Глава 5. Датировка Стинки 1 и вопросы хроностратиграфии среднего палеолита Приднестровья</i>	53
<i>Глава 6. Каменная индустрия стоянки</i>	65
<i>Глава 7. Вопросы культурной принадлежности</i>	138
<i>Глава 8. Проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на территории Восточного Прикарпатья и в Центральной Европе</i>	144
<i>Глава 9. Некоторые итоги исследования стоянки Стинка 1</i>	167
<i>Заключение</i>	170
<i>Литература</i>	173
<i>Список сокращений</i>	184
<i>Summary</i>	185

ВВЕДЕНИЕ

Юго-западная часть Русской равнины очень богата палеолитическими памятниками и по своему географическому положению может рассматриваться, как некая пограничная зона между Балканами, Центральной и Восточной Европой (Рис.1). Здесь с глубочайшей древности отмечены разнообразные контакты между различными культурными группами населения, формировавшимися в разные периоды человеческой истории, начиная с палеолита. Возможно, именно с Балканского полуострова начали проникать на остальную часть Европы первые группы сапиентных людей, ставших творцами древнейших верхнепалеолитических индустрий. Это обстоятельство имеет большое значение для постановки и решения целого ряда проблем палеолитической истории Европы. По сути, каждый вновь обнаруженный здесь палеолитический памятник, относящийся к первой половине позднего плейстоцена, может дать ценнейшую, а порой неожиданную, информацию. Одним из таких памятников является Стинка 1.

Открытие в Среднем Приднестровье новой стоянки Стинка 1, со своеобразной каменной индустрией, резко отличающейся от регионального молодовского мустье, как и дальнейшее обнаружение аналогичных индустрий на прилегающих территориях, явилось важным событием в науке и было отмечено отечественными исследователями палеолита [Коробков, 1971: 70; Гвоздовер, Лазуков, 1981: 110; Археология, 1985: 52]. Каменная индустрия Стинки 1 стала рассматриваться в качестве специфического варианта мустье (Анисюткин, 1969; Гладилин, 1976: 105). Позднее ряд ученых отметил определенное сходство стинковских среднепалеолитических комплексов с региональным верхним палеолитом [Григорьева, 1975; Станко, 1982; Борзияк, 1976, 1980, 1981; Коваленко, 1993; Сапожников, 1994; Kozłowski, 1995, Ситник, 1999, 2000, 2003]. Так стинковский вариант начал рассматриваться, как индустрия, переходная от среднего палеолита к верхнему, в данном регионе Восточной Европы (Рис. 2).

Правда сейчас, спустя много лет, стинковские материалы в данной проблематике отошли на второй план. На мой взгляд, это вызвано, прежде всего, отсутствием абсолютных дат, которым в настоящее время уделяется очень большое внимание. К тому же, индустрия стоянки Стинка 1 характеризуется совокупностью таких признаков, которые весьма необычны для мустье и напоминают, в значительной мере, тайякские комплексы. Для их понимания первостепенное значение имеет выявление наиболее существенных технико-типологических признаков, образующих своеобразные "сопряженные" группы, которые типичны для всех памятников, относящихся к стинковскому варианту, но не характерны для классического мустье. Указанная особенность достаточно сложно воспринимается большинством современных ученых [Матюхин, 2004]. Следует отметить, что на современном этапе исследований наблюдается очень большое

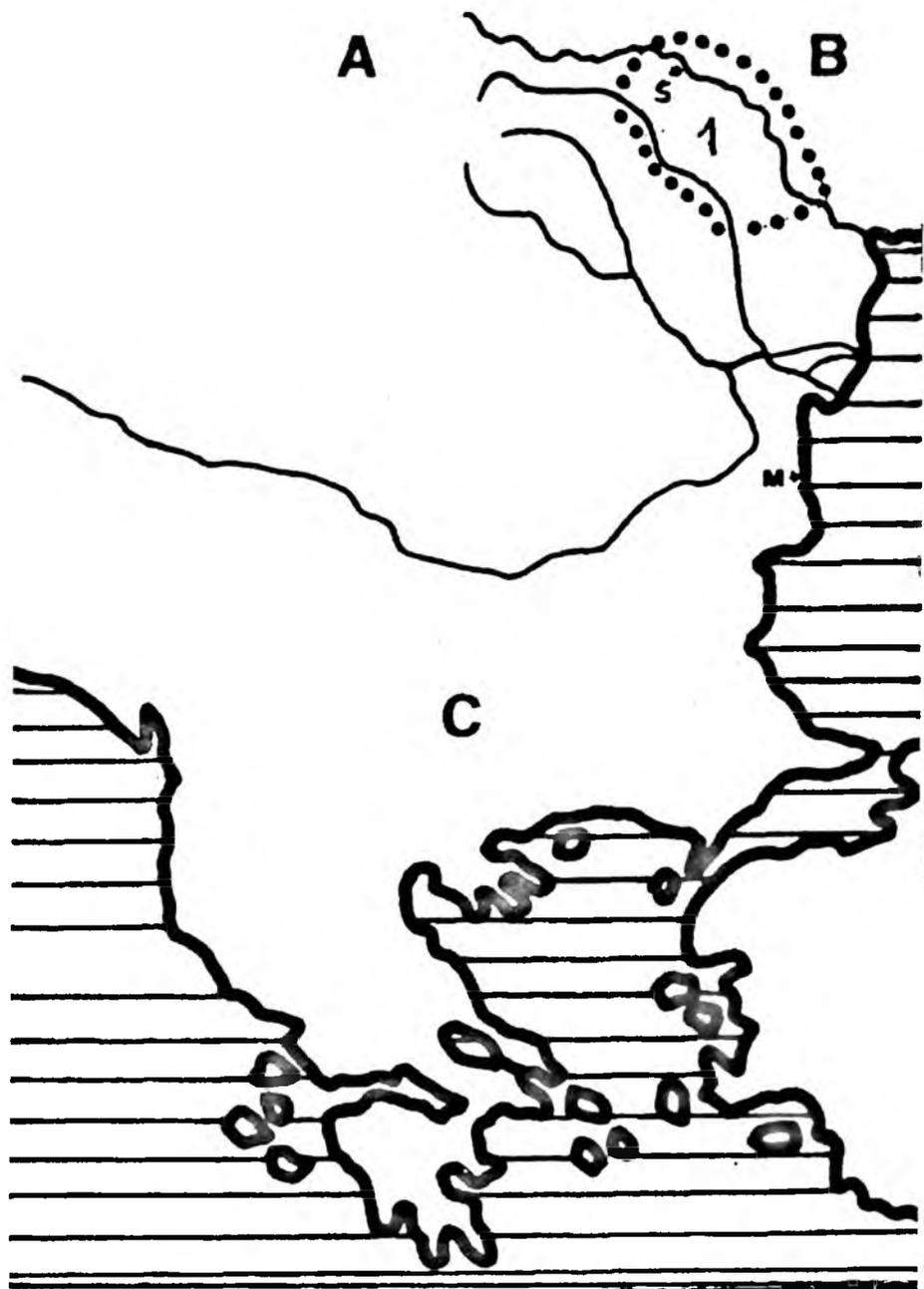

Рис. 1. Карта географического положения стоянки Стинка 1 (отмечено - S) в пределах Европы. А - Центральная Европа. В - Восточная Европа. 1 - междуречье Днестра и Прута (отмечено пунктиром). С - Балканы. М-Маая.

внимание к изучению палеолитических технологий, но утрачивается интерес к углубленному типологическому анализу каменных орудий. В этом отношении весьма показательным замечание известного европейского авторитета в указанной области, бельгийского профессора М.Отта, представленное в предисловии к книге французских палеолитоведов Р-У. Демарса и Р. Лорена [Demars, Laurent, 1992, p. 9]: "La typologie n'est plus a la mode" ("Типология больше не в моде").

Прежний подход, связанный еще с именем Ф. Борда, уделял максимальное внимание особенностям морфологии каменных орудий, а также всем элементам каменных индустрий, включая технику первичной и вторичной обработки. Ныне это отодвинуто

на второй план. В большинстве современных работ мы можем наблюдать преобладание общих рассуждений с опорой на технологию и "ведущие ископаемые".

Накопление новых фактов и новых идей в настоящее время побудило меня вновь обратиться к стинковским материалам. Внимательно проанализировав дневниковые записи и полевые чертежи, пересмотрев заново коллекции каменных изделий, я пришел к целому ряду новых выводов. В результате я отказался, как от понятия "стинковская культура", так и от более широкого понятия "зубчатое мутье" [Анисюткин, 2001], посчитав их недостаточными. Крайняя необходимость такой работы вызвана, с одной стороны, желанием представить с наибольшей полнотой все те источники, которым прежде не уделялось достаточного внимания. С другой стороны, с момента обобщенной публикации стинковских материалов истекло уже 30 лет. Сейчас очень важно проанализировать источники заново, с учетом прогресса в области изучения четвертичного периода, достигнутого за это время.

Уже после 1970-х годов, когда проводились основные исследования стоянки, были сделаны серьезные открытия не только в области исследования стратиграфии лессово-почвенной формации позднего плейстоцена, но и непосредственно в археологии палеолита. Очень интересные данные получены при изучении проблемы перехода от среднего палеолита к верхнему. Новые разработки существенно изменили наши представления по этой проблеме, позволив пересмотреть некоторые устоявшиеся положения, которые совсем недавно казались незыблемыми.

Раскопки стоянки Стинка 1, проведенные еще в 1966, 1967, 1969 гг., вкпе с геологическими, литологическими и палинологическими исследованиями, дали возможность выявить два культурных слоя, установив их разную сохранность: почти полную нарушенность и вероятную переотложенность верхнего слоя и частичную сохранность нижнего культурного слоя. Предполагается, что хронологически нижний слой стоянки соответствует очень холодному ранневюрмскому стадиалу, который предшествовал одному из прохладных интерстадиалов среднего вюрма (предположительно: моерсхофд). Отложения этого последнего представлены, как можно допустить, гумусированной прослойкой, перекрывающей лессовидный суглинок с остатками нижнего культурного слоя. В свою очередь, отложения, с которыми связаны каменные изделия верхнего слоя, формировались, скорее всего, в период интерстадиала хенгело. Если рассматривать его индустрию, как древнюю верхнепалеолитическую, то следует признать: это наиболее ранний памятник верхнего палеолита в регионе.

Необходимо отметить, что работа, в которой стинковский материал рассматривается по-новому, была проведена в начале 2000-х гг. В это время я по приглашению М.В. Аниковича (начальника Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН) принимал участие в раскопках нижних слоев древнейшего верхнего палеолита таких памятников, как Костенки 1 и Костенки 12. Очень важным оказалось непосредственное знакомство с материалами стоянок, а также научные дискуссии по проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему, состоявшиеся на Международной

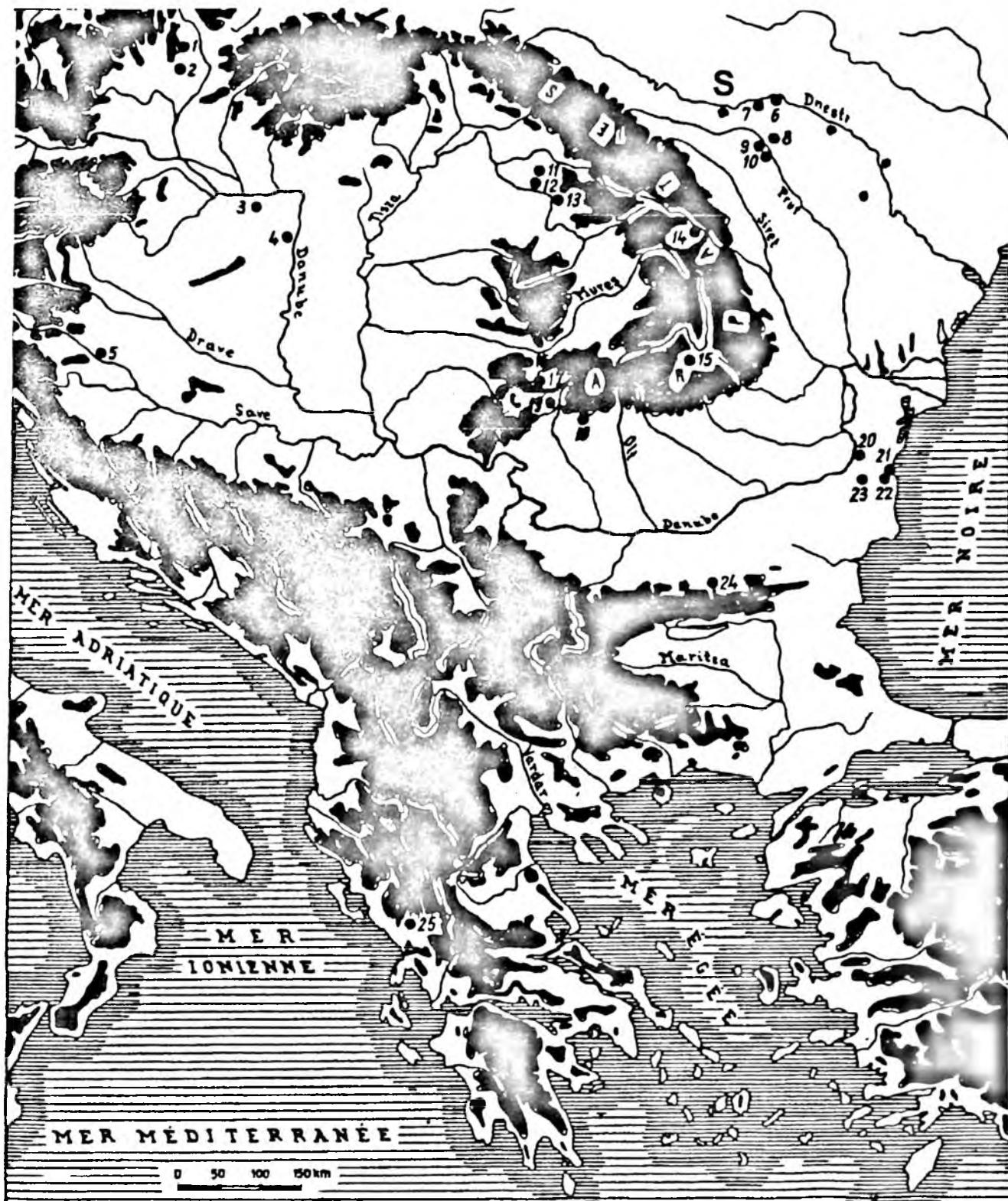

Рис. 2. Карта стоянок европейского среднего палеолита, материалы которых используются в монографии. 1-Кульна, 2-Богунце, 6-Кормань 4, 7-Молодова 1 и 5; 8-Старые Дуруиторы, Буздужаны 1, Мерсына; 9-Миток-Валя Изворулуй; 10-Рипичени-Извор; 21-Мамая, 24-Бачо Киро. S-Стинка 1.

конференции "Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии" (проведена в с. Костенки 23-26 августа 2004 г.). Новые материалы, новые концепции позволили увидеть стинковскую проблематику в несколько ином свете. Изложению этой новой трактовки, нового видения давно известных материалов и посвящена моя книга, предлагаемая сейчас читателю.

Основная задача настоящей монографии заключается в следующем:

1 – публикация материалов стоянки с акцентом на те вопросы, которым в более ранних работах уделено недостаточное внимание;

2 – корреляция данных стратиграфии, литологии и палинологии стоянки с общими данными разреза второй надпойменной террасы р. Днестр, полученными на основе междисциплинарных исследований опорных стоянок региона, включая Кормань 4, Кетросы, Молодова 1 и 5; выявление геохронологического положения Стинки 1 в позднем плейстоцене Восточной Европы;

3 – определение места каменных индустрий стоянки в системе развития средне-го и начала верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы.

Новое прочтение "стинковской летописи" позволяет по-новому оценить это интересное явление ("стинковскую культуру") в палеолите Европы, которое должно сегодня рассматриваться в рамках селетоидного технокомплекса, включая и нижний слой. Последний может быть определен, как своеобразный среднепалеолитический "преселет" типа Стинка, демонстрируя особый вариант трансформации в верхний палеолит, когда на смену спонтанной эволюции пост-тайякоидного (ориньякоидного) технокомплекса выступает стимулированная эволюция, выражающаяся в неожиданном внедрении в комплекс каменных орудий листовидных острий-бифасов. Указанный тип, являющийся важнейшим элементом микока, практически отсутствовал или был в зачаточном состоянии на предшествующем этапе развития, но стал господствующим на более поздних этапах, переориентировав индустрию на селетоидный путь развития.

Важно вновь подчеркнуть, что материалы стоянки Стинка 1 представляют собой не аморфный и случайный набор каменных изделий, а полнокровную археологическую коллекцию, где основные стинковские формы и их группировка были продублированы сходными ансамблями каменных орудий на ряде других однокультурных среднепалеолитических памятников. Тем самым подтверждалась и проверялась реальность своеобразного "стинковского эксперимента". В первую очередь, это индустрии пещерной стоянки в гроте Буздужаны 1 и открытых стоянок Бетово на Десне и Мамая в румынской Добрудже, где культурные слои выявлены непосредственно в непо потревоженных четвертичных отложениях.

Глава 1

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ

Стоянка Стинка 1 была открыта в 1964 году во время моей первой разведки в Приднестровье (Рис. 3). Тогда же удалось установить, что археологический материал по-разному концентрируется на различных участках мыса высокой террасы Днестра (Рис 4). Так непосредственно на его самой крайней северной оконечности находки каменных изделий отсутствуют [Анисюткин, 1966]. Здесь под тонким слоем пахоты (до

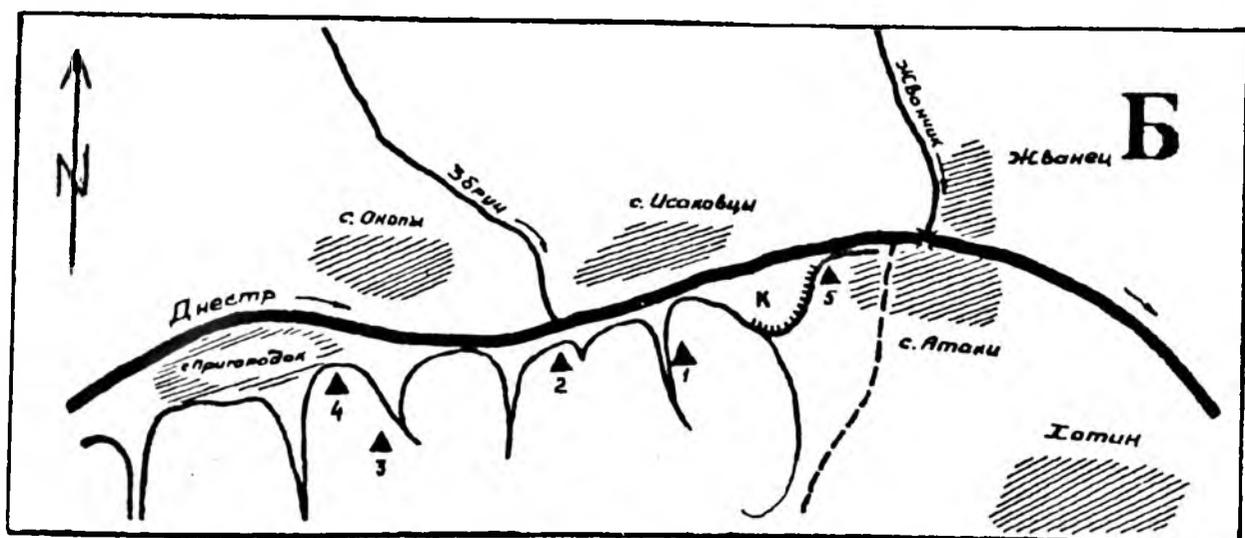
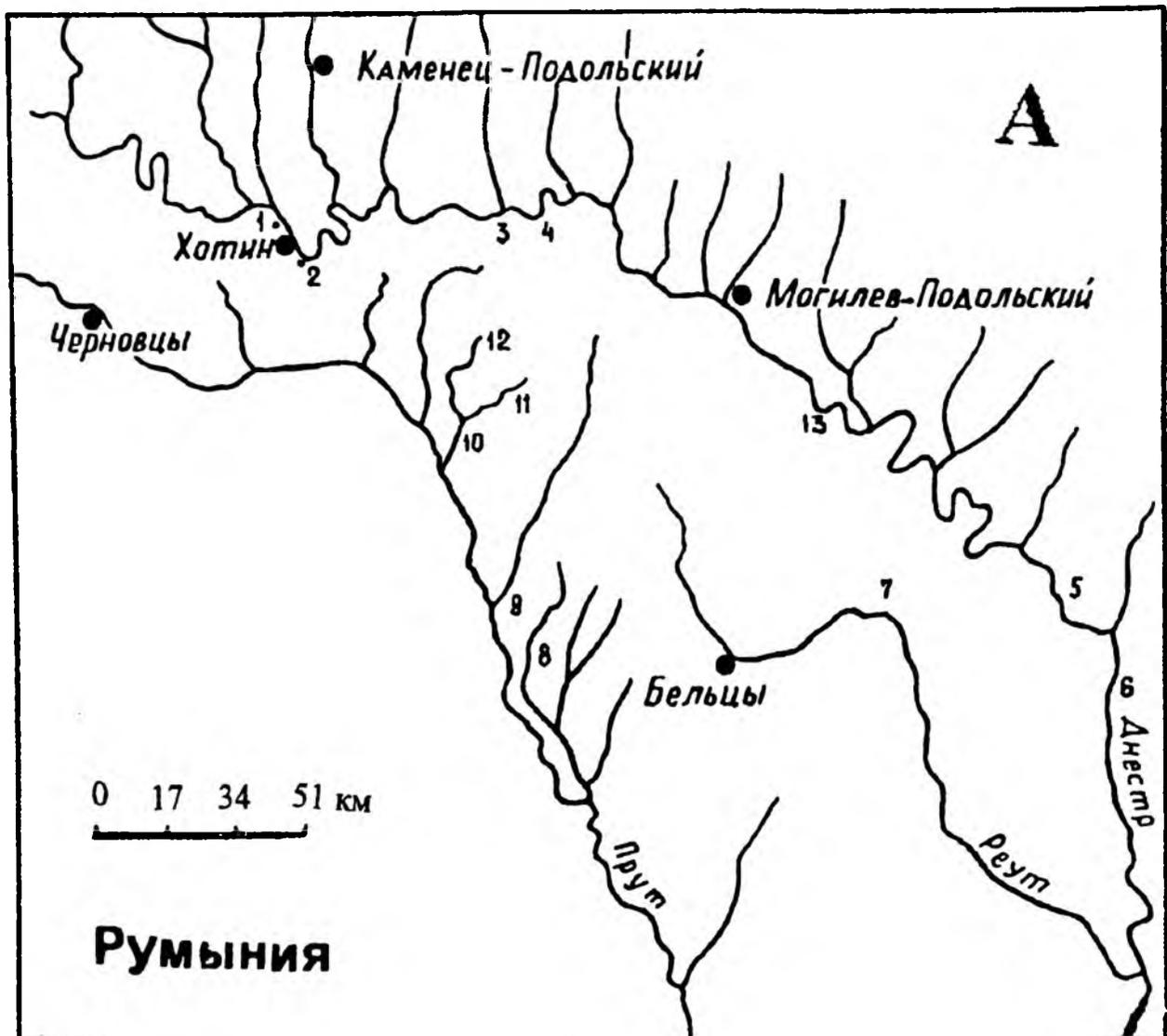

Рис 3. Карта основных памятников среднего палеолита Русской равнины (Праслов, 1984). Условные обозначения: а-единичные местонахождения, б-группы местонаждений открытого типа, в-единичные стоянки пещерного типа, г-группы стоянок пещерного типа. 1-Радванская гора, 2-Королево, 3-Молодова 1 и 5, Кормань 4; 4-Стинка 1, Кетросы; 5-Старые Дуриторы, Буздужаны 1; 6-Выхватинцы, 7-Мерсына, 15-Бетово, Коршево, Хотылево.

10 см) сразу же прослеживался галечник - аллювий IV надпойменной террасы. Выше по склону мощность отложений увеличивается.

Археологический материал, представленный кремневыми и кварцевыми изделиями, группировался примерно в 45-50 м южнее северной оконечности мыса только вдоль западного борта Каменного яра – глубокого и относительно узкого оврага с постоянным водотоком, который является источником хорошей пресной воды. Это обстоятельство имело важное значение для функционирования палеолитических стоянок.

На противоположном, восточном склоне Стинки Малой, где с 1964 по 1966 гг. действовал гравийный карьер, находки каменных изделий единичны. Их коллекция включает непатинированные предметы энеолитического времени и десяток покрытых патиной кремней палеолитического облика. Среди них были изделия, как верхнепалеолитических типов, так и архаичные, в том числе выразительное зубчатое орудие на обломке пластины. Выявленные здесь позднеплейстоценовые отложения, перекрывающие аллювий данной террасы, имеют мощность около 1,5 м. Однако расчистки не позволили обнаружить никаких скоплений археологического материала. Это естественно, если принять во внимание отсутствие рядом водного источника, который был совершенно необходим обитателям доисторических стоянок.

▲ - местонахождения К - карьер

Рис. 4. А. Карта расположения стоянок раннего и среднего палеолита в долинах Днестра и Прута. Условные обозначения: 1. Стинка 1, Осыпка. 2. Кетросы, Шипот 1 и 2. 3. Молодова 1 и 5. 4. Кормань 4. 5. Хоробра. 6. грот Выхватинцы. 7. Бобулешты 5. 8. грот Бутешты. 9. грот Старые Дуруиторы. 10. Мерсына. 11. Бездужаны 1. 12. гроты Тринка 1-3. 13. Ярово.

Б. Схематическая карта распространения стоянок Стинковской группы: 1. Стинка 1, 2. Стинка 2, 3. Стинка 3 (Калининка), 4-Стинка 4, 5-Осыпка.

Напротив, на западном склоне мыса, находки на поверхности были многочисленны (Рис. 6,7). Они представлены сотнями выразительных изделий, включая нуклеусы, орудия, отщепы, пластины и пластинки, которые группировались на эродированном (западном) склоне, примыкая к роднику.

Показательно, что после того, как в 1967 г. на склонах оврага был посажен лес, количество подъемного материала очень резко сократилось, в чем я смог убедиться уже в 1984 г., во время моего последнего посещения стоянки. Поэтому ожидать в дальнейшем получение существенного подъемного материала вряд ли возможно.

Уже в ходе работ 1964 г. на стоянке удалось выделить два участка локализации материала с различными комплексами каменного инвентаря. Верхнепалеолитические изделия локализовались в северной части местонахождения, а среднепалеолитические несколько южнее [Анисюткин, 1966]. Поэтому прежде всего необходимо было выявить границы комплексов.

Шурф № 1, поставленный в 1964 году на предполагаемой границе локализаций подъемного материала, дал находки бесспорного верхнего палеолита по всей толще (около 80 см) и только в четвертом штыке, т.е. в основании суглинка, обнаружилось отдельные кремневые и кварцевые изделия мустьероидного облика. В следующем 1965 г. была проведена более масштабная шурфовка местонахождения с целью поиска "продуктивной линзы" переложенных (или перемещенных) каменных изделий. Тогда я предполагал, что речь идет о памятнике с разрушенным культурным слоем, хотя теплилась и слабая надежда на более благоприятный результат. Так уже в шурфе № 3, который находился в 48 м южнее шурфа № 1, были встречены находки лишь мустьероидного облика, впрочем, немногочисленные. В числе их имелся типичный дисковидный нуклеус, однако все остальные кремневые изделия оказались недостаточно выразительными. Напротив, среди находок из соседнего шурфа № 4, наряду с архаичными изделиями был найден выразительный нуклеидный скребок высокой формы, который, хотя и происходил из верхней части суглинка, но все же не давал однозначного ответа на принадлежность его к тому или иному комплексу. Позднее, после раскопок 1967 года и окончательного установления двуслойности памятника, удалось отнести его к верхнему слою [Анисюткин, 1969; 1978].

Лишь в шурфах 8 и 9 нам тогда удалось выйти на "продуктивную линзу" с относительно многочисленными изделиями среднепалеолитического облика, связанными с различными литологическими горизонтами: единичные отщепы происходили из светло-коричневого суглинка, а 43 предмета, включая ядрища и выразительные орудия, - из нижележащего красновато-бурого, глинистого суглинка с многочисленной галькой и гравием. Несмотря на то, что все находки были несомненно перемещены и даже переложены, появилась возможность в ходе раскопок "собирать" материал, который предполагался неглубоко (50-60 см от современной дневной поверхности), привязывать его к той или иной прослойке суглинка (или, если речь шла о единой толще, к той или иной

Рис. 5. Общий вид стоянки Стинка 1 с востока (с моста через Днестр). Место стоянки отмечено стрелкой.

глубине от современной дневной поверхности) – и пытаться на данной основе упорядочить полученные данные, получить какую-то дополнительную и важную информацию.

Подобная стратегия добывания ("сбора") археологического материала была для меня в тот момент основополагающей. Важным оказалось то, что данный переотложенный материал мог быть подразделен, учитывая стратиграфические данные шурфов 8 и 9, на две группы (вероятно, разновременных), которые были приурочены к разнотипным отложениям: к коричневому суглинку или к красновато-коричневой глине с галькой и гравием.

Раскоп 1, основу которого составил первоначально шурф № 10 (2x2 м), был вначале заложен между шурфами 3-4 и 8-9, на месте локализации находок исключительно среднепалеолитического облика. Здесь в маломощном коричневом суглинке были найдены отдельные кремневые изделия верхнепалеолитического и мустьероидного облика, а в основании – в красновато-коричневой глине – несколько десятков архаичных изделий. Находки были явно переотложены. Тем не менее, удалось установить, что на данном участке смешанный материал группируется только в пахотном слое и в верхней части четвертичных отложений.

Далее раскоп продолжался – по мере распространения "продуктивной линзы". На ряде центральных квадратов нельзя было выделить разные типы суглинков, но зато появилась возможность выявить два условных слоя. Нижний слой на этом участке, в свою очередь, подразделялся на два горизонта. Это подразделение не полностью себя оправдало, но помогло тогда "защитить" (как минимум на 80%) нижний слой от возможной и заметной примеси верхнепалеолитических материалов. Отдельные находки этих последних выявлялись на крайних северо-западных квадратах раскопа, встречаясь совместно с артефактами верхнего слоя, но преимущественно в верхней части суглинков. На большей же части раскопа 1 и раскопа 3 1969 г. кремневые изделия верхнепалеолитического облика отсутствовали. В дальнейшем, на восточных квадратах раскопа,

расположенных вверх по склону, был выявлен участок с двумя культурными слоями, разделенными стерильной прослойкой толщиной 30-40 см.

В 1965 г. был организован и начал работу Палеолитический отряд, входивший в состав Западно-Украинской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Идея создания отряда принадлежала начальнику экспедиции Г.И. Смирновой, которой я выражаю свою сердечную благодарность.

Стационарные раскопки проводились в 1966, 1967 и 1969 гг. В 1967 г. на стоянке работала геологическая группа Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР, возглавляемая известным геологом И.К. Ивановой. Эта группа работала, как на самом раскопе 1, исследуя его восточный участок (квадраты по линии К и отчасти Л), так и в непосредственной близости от него, проводя расчистки склоновых отложений вдоль правого борта Каменного яра. К сожалению, участок с наиболее хорошо сохранившимся нижним культурным слоем (кв. по линии М,Л), включая остатки очага, были исследованы уже после завершения работ геологов.

В 1967 г. на Стинке 1 были отобраны образцы на спорово-пыльцевой анализ. В следующем (1968) году стоянку посетили А.П. Черныш и И.К. Иванова, а также, но несколько позднее, С.Н. Бибииков. В 1969 г. небольшие раскопки велись южнее раскопа 1, на свободном от посевов участке, который получил название раскоп 3. Здесь была выявлена та же стратиграфия, что и на раскопе 1, включая участок с сохранившимся нижним культурным слоем. К сожалению, этот раскоп не был точно привязан к предыдущему, так как в данном случае пришлось бы нанести ущерб взошедшим посевам озимой пшеницы.

Таким образом, в 1960-х гг. удалось установить существование трех разновременных комплексов. Верхнепалеолитический (граветтский) локализовался на северо-западной и северной оконечностях мыса; среднепалеолитический, представленный двумя слоями – южнее. Следы четвертого – голоценового комплекса, представленного единичными непатинированными кремневыми изделиями явно энеолитического облика, рассеяны по всей поверхности мыса.

Стоянка до сих пор не раскопана целиком. Сохранились небольшие участки восточнее и юго-восточнее линии М, где возможно продолжение раскопок. Правда, здесь отмечается выклинивание нижнего культурного слоя, а поэтому рассчитывать на обильный материал вряд ли возможно. Выразительный нижний слой можно встретить и на северной линии квадратов 2, но только на восточном участке раскопа 1 (кв. Л-М). В то же время верхний слой там может быть очень сильно деформирован и скорее всего находки каменных изделий слоя будут смешаны с находками верхнего палеолита.

В заключение этого раздела я хочу с величайшей признательностью отметить сотрудников моей экспедиции, активно участвовавших в исследовании стоянки Стинка 1. В раскопках разных лет, кроме Н.К. Анисюткина (начальника отряда) принимали участие В.Э. Кунин, В.В. Кривицкий, И.В. Осокин, И.В. Зимарева и В.В. Зимарев (Го

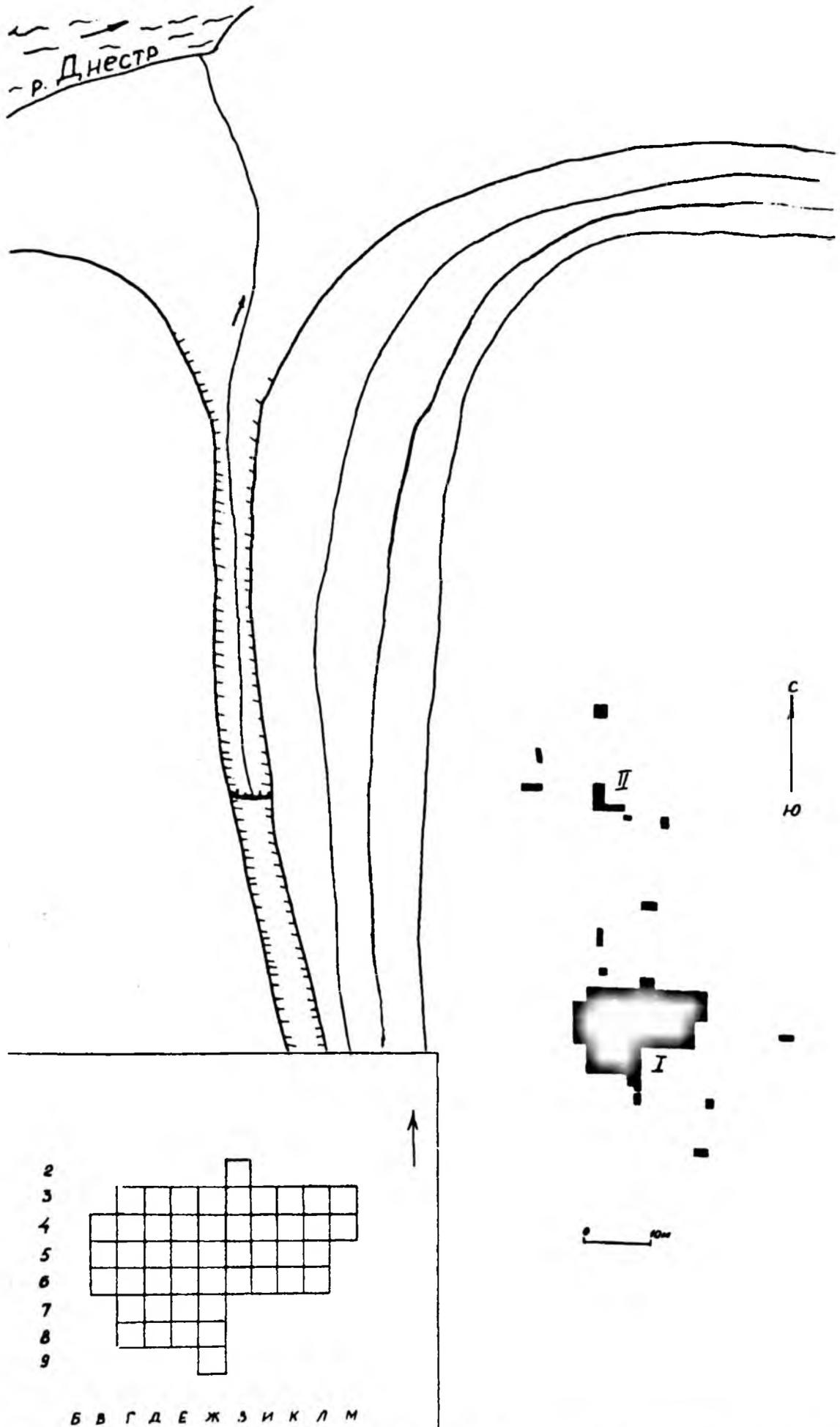

Рис. 6. Схематический план стоянки Стинка 1. Условные обозначения: 1-раскоп 1, 2-раскоп 2. В левом нижнем углу дан план раскопа 1.

сударственный Эрмитаж), Л.Н. Ткачук (Черновицкий университет), научные сотрудники ленинградских НИИ - С.Л. Розановская и Н.В. Слепова, а также студенты Каменец-Подольского педагогического института А.Ф. Гуцал, В. Стороженко, К. Крайний, А. Троян. Последние в 1967 году были мне любезно посланы на археологическую практику профессором И.С. Винокуром, которому я также выражаю свою сердечную благодарность.

Глава 2

МЕТОДИКА РАСКОПОК

В раскопках такого сложного археологического объекта, как Стинка 1, где в маломощных отложениях наблюдались следы разнообразных эрозионных нарушений, вынужденно был применен вариант пещерной методики, азы которой я постигал в студенческие годы в Кударской палеолитической экспедиции (Южная Осетия) под руководством такого выдающегося ученого, как В.П. Любин. Основное внимание, как положено в данном случае, естественно, было сконцентрировано на стратиграфическом положении каменных изделий и особенно на микростратиграфии.

Отложения с культурными слоями вскрывались не на широкой площади, а участками 2х2 м, путем продвижения вверх по склону за выявляемыми скоплениями каменных изделий. Защищенная стенка очередного участка использовалась, как своего рода "стратиграфический экран". Вскрытие отложений подобными квадратами (4 кв. м) обусловлено первоначальным предположением о том, что каменные изделия залегали в переотложенном состоянии. В середине полевого сезона 1967 г., когда удалось обнаружить четкую стерильную прослойку и установить двуслойность стоянки, квадраты стали вскрываться в три приема: вначале первая половина (2 кв. м) доводилась до кровли нижнего культурного слоя (т.е. до гумусированной прослойки или основания стерильного суглинка). Затем так же вскрывалась вторая половина. Далее нижний слой разбивался на обычные метровые квадраты. Они разбирались ножами – последовательно, один за другим.

Практически для всех находок фиксировалось их положение в литологическом горизонте и устанавливалась глубина залегания. Планы составлялись, преимущественно, для находок из лучше сохранившегося нижнего культурного слоя. Земля с квадратов, представлявшая собой заполнение указанного слоя, тщательно просматривалась на специально выбранной для этой цели площадке.

К сожалению, место репера, к которому привязан раскоп 1, (метровая металлическая труба, забитая в землю на склоне оврага), ныне очень сильно заросло кустарником и лесом, который был специально посажен в 1967 г. Поиски его будут более, чем сложными. Во всяком случае, попытка сделать это в 1982 г. не дала никаких результатов. Репер так и не был найден.

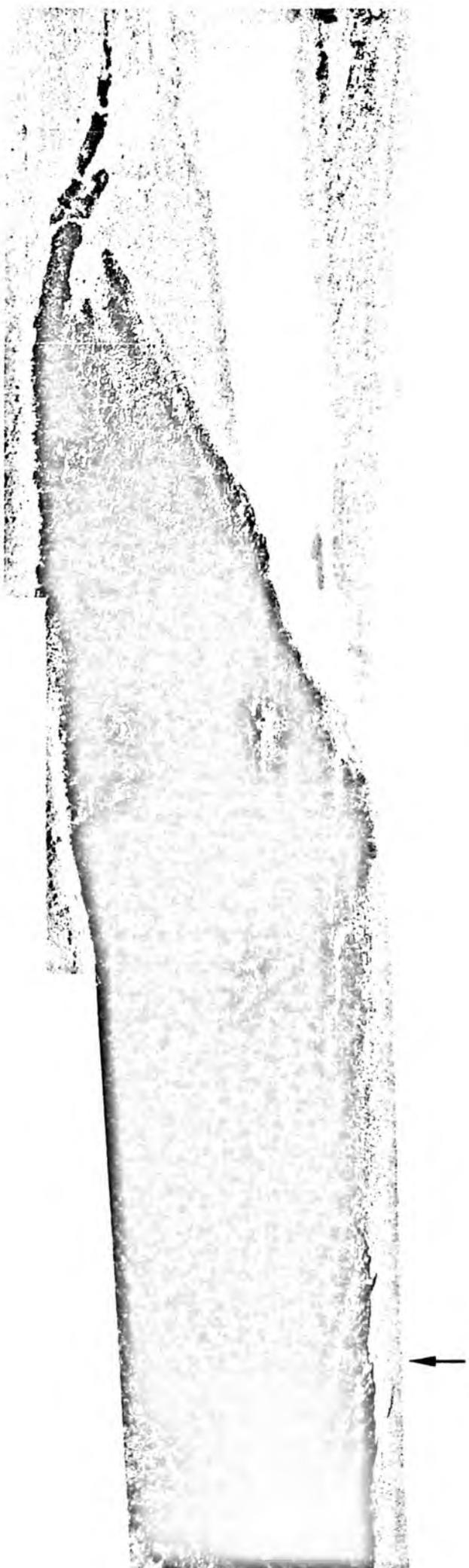

Рис. 7. Вид на столынку Стинка I с запада (со Стинки Большой).

После того, как в шурфах 8 и 9, раскопанных в 1965 г., удалось выявить находки каменных изделий в двух разных литологических слоях, появилась надежда "собирать" переотложенные артефакты, уже не как единственный комплекс, а как два, получая, тем самым, более ценную информацию. Однако в процессе раскопок 1966 г. пришлось столкнуться с более сложной ситуацией. Если на западных квадратах, примыкавших к названным выше шурфам, можно было стратиграфически выделять два слоя, то на квадратах выше по склону суглинок представлял из себя достаточно однородную толщу. Каменные изделия встречались в ней по всей толще: многочисленные в нижней части и более редкие - в верхней. Впрочем, в процессе раскопок все же удалось заметить некоторое различие между коллекциями каменных изделий, происходящих из разных горизонтов. В нижнем горизонте суглинка каменные изделия имели более архаичный облик, по сравнению с изделиями верхнего. Залегали они, как правило, более компактно, нередко вместе с древесными угольками. Напротив, верхний горизонт всегда был менее насыщен артефактами, чем средний и нижний. Здесь каменные изделия не образовывали выразительных скоплений. Иногда в верхнем слое встречались немногочисленные верхнепалеолитические изделия – особенно на участке к западу от линии квадратов 3. Однако они всегда находились выше уровня условного среднего горизонта.

В общем, после первого сезона раскопок 1966 г. я полагал, что имею дело с местонахождением, где каменные изделия переотложены или связаны с нарушенными культурными отложениями. Стратиграфические наблюдения позволяли лишь предполагать двуслойность (или, как я тогда допускал, трехслойность?) памятника и предположительно разделять коллекцию на два разновременных комплекса. Тем не менее, уже тогда была заметна разница между комплексами каменных изделий верхнего и нижнего слоев. Только в следующем (1967) году мне удалось получить окончательное подтверждение двуслойности стоянки. Этому в значительной мере способствовали раскопки верхней (восточной) части памятника, где выявилась отчетливая стерильная прослойка, а также геологические исследования И.К. Ивановой, проведенные в 1967 г. Эти исследования позволили мне более детально разобраться со сложной стратиграфией стоянки.

В процессе раскопок пришлось столкнуться с тремя различными ситуациями, которые оказали определенное влияние на применяемую тактику раскопочных работ. Так на западных квадратах, расположенных вниз по склону, где мощность отложений едва превышала 50 см, основные находки нижнего культурного слоя лежали в красноватом глинистом суглинке, заполненном включениями гальки и полуокатанных кремневых обломков, в различном положении (часто вертикально). Верхний слой был представлен там тонким светло-бурым (коричневым) суглинком. В нем, в отличие от нижнего слоя, встречались отдельные каменные изделия мустьероидного облика и еще более редкие находки верхнепалеолитических типов. Последние, как правило, были единичны и распространялись, преимущественно, лишь до линии кв. Г,Д,Е-3. На приле-

гающих квадратах линии Ж-3,4 изделия верхнепалеолитического облика продолжали встречаться спорадически лишь в кровле суглинка.

Архаичные кремневые изделия, соответствовавшие верхнему слою, отличались от верхнепалеолитических сохранностью поверхностей. Для последних была характерна более слабая патина - бело-голубая или бело-синяя. Интенсивность ее постепенно увеличивалась лишь после извлечения предметов из слоя. Данные изделия отличались и по ряду технологических особенностей, включая отчетливо наблюдаемую редукцию ударных площадок. Последние обычно были либо узкими линейными, либо крошечными точечными, а отщепы и пластины имели очень малую массивность и тонкие поперечные сечения при обилии мелких и мельчайших отщепов, обломков пластинок и чешуек. В том случае, если в верхнем литологическом горизонте суглинка, наряду с мустьероидными артефактами более-менее часто встречались кремневые изделия верхнепалеолитического облика, то принималось во внимание, как различие патины, так и морфология кремневых предметов. Однако в особо сложных ситуациях (к счастью, единичных), когда возникали значительные трудности в подразделении артефактов, сомнительные изделия вообще не включались в коллекцию верхнего слоя. В частности, остались неопубликованными более четырех сотен кремневых изделий из подъемного материала, представляющего неразделимую смесь верхнего и нижнего слоев.

На квадратах выше по склону наблюдалась иная ситуация. Здесь при относительно небольшой мощности отложений (около 70 см) находки нижнего и верхнего слоев практически соприкасались, почти не разделяясь стерильной прослойкой, хотя наиболее интенсивное скопление было зафиксировано именно в нижней части отложений - в основании суглинков, на поверхности и в кровле красноцветного горизонта. На этом участке раскопа слой с находками каменных изделий разбирался по трем условным горизонтам (нижний, средний и верхний). Из них последний был отнесен к собственно верхнему слою, а средний и нижний - к нижнему слою. Основанием для подобного решения послужил мелкий отщеп из среднего горизонта, который совместился с негативом на нуклеусе из нижнего горизонта. Естественно, в среднем горизонте нельзя было полностью исключать смешения находок верхнего и нижнего слоев, но если принять во внимание бедность верхнего и относительную бедность находками среднего горизонтов, то эта примесь может считаться незначительной и несущественной. Вероятно каменные изделия "среднего горизонта" перекрыли находки нижнего горизонта при повторном размыве вышележащих отложений подлинного нижнего культурного слоя, к которым прибавились единичные предметы нарушенного и более позднего верхнего слоя.

К счастью, на восточных квадратах раскопа ситуация была проще: верхний слой отделялся от нижнего стерильной прослойкой, и каменные изделия залежали в разнотипных отложениях. Здесь даже появилась возможность дополнить верхний слой некоторым количеством каменных изделий, которые были собраны на поверхности или в пахотном слое в районе раскопа 3. Это обосновывалось тем, что на данном участке

почти полностью отсутствовала верхнепалеолитическая примесь в материале, а верхний слой, чьи находки оказались в голоценовых отложениях и частично на поверхности в результате распахки, был отделен от нижнего весьма значительной стерильной прослойкой. Поэтому смешение материала практически исключалось.

Принятая методика позволила успешно решать сложнейшие стратиграфические вопросы, которые постоянно возникали во время раскопок. Поэтому автор и не поспешил объявить все каменные изделия памятника переотложенными даже в самом начале раскопочных работ, когда это, действительно, имело место. В конце концов, внимание и терпение были вознаграждены выявлением восточного участка с хорошей сохранностью отложений, что позволило выделить на стоянке два бесспорных культурных слоя.

Специально подчеркну еще раз ту важнейшую роль в понимании стратиграфии и особенностей геологических условий залегания культурных остатков на стоянке, которую сыграли исследования 1967 г., проведенные геологической группой Комиссии по изучению четвертичного периода под руководством И.К. Ивановой. Результаты геологических изысканий на Стинке 1, значение которых трудно переоценить, были опубликованы [Иванова, 1969] и используются в данной работе. Очень важную дополнительную информацию дали палинологические исследования, выполненные известным украинским палинологом и археологом М.Н. Клапчуком (работавшим тогда в Геологическом управлении Казахстана). Они хорошо согласовались с геологическими данными, которые оказались наиболее информативными гораздо позднее, уже в настоящее время, когда на ряде эталонных памятников Приднестровья - Кетросы, Молодова 1 и 5, Кормань 4 - были проведены междисциплинарные исследования. Эти важные научные изыскания, в частности спорово-пыльцевой анализ, дали ценный материал для построения региональной биостратиграфической колонки - основы относительной хронологии Среднего Приднестровья.

К сожалению, при раскопках Стинки 1 основное внимание было сконцентрировано, прежде всего, на стратиграфии. В результате были допущены некоторые просчеты, связанные с недостаточной фиксацией очевидных естественных деформаций поверхностей слоев. Были ли эти процессы связаны с водной эрозией, или здесь имела место солифлюкция - так и осталось неясным.

Глава 3

ГЕОМОРФОЛОГИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ПАЛИНОЛОГИЯ СТОЯНКИ

Геоморфология. Палеолитическая стоянка Стинка 1 расположена в Хотинском районе Черновицкой области, на правом берегу реки Днестр, примерно в 1,5 км выше по течению от села Атаки (Рис. 4,5). Эта территория является частью Приднестровской возвышенности, приуроченной к правобережью Среднего Приднестровья, вплотную примыкая к долине реки Днестр. Наибольшие высоты расположены в северной части в пределах Хотинской возвышенности. Самая высокая точка (гора Берда) достигает 515

м над уровнем моря, а прочие варьируют в пределах 300-350 м. К югу и юго-западу наблюдается постепенное понижение, и склоны становятся более сглаженными. В узкой Приднестровской зоне реки боковые притоки, врезааясь в карбонатные породы, образуют короткие каньонообразные долины. В местах выходов на поверхность сарматских известняков широко развит карст в виде пустот, трещин и небольших гротов, а в известняках обнаружены многочисленные выходы кремня [Анисюткин, 2001: 17-18].

Каменные изделия на стоянке выявлены, как установили геологи [Иванова, 1969], в маломощной толще суглинистых пород, перекрывающих аллювий IV (внутриканьонной) надпойменной террасы Днестра, занимающей обширную площадь выше села Атаки, образуя крутой обрыв к реке высотой около 65-70 м. Современная поверхность террасы прорезывается оврагами различной глубины и протяженности. Значительный участок этой террасы, протягивающейся вверх по реке от села до первого глубокого оврага с водотоком, называется горой Стинкой. Последняя разделяется оврагом на две части. Западная часть называется "Большой Стинкой", а восточная, образующая мыс над селом Атаки, - "Малой Стинкой", где и расположена стоянка (Рис. 7). С востока к Малой Стинке причленяется участок II террасы, которая также прослеживается на противоположном берегу Днестра. В период формирования II террасы мыс Малой Стинки, и сейчас господствующий в рельефе, омывался рекой с востока и юго-востока.

Аллювиальные отложения IV террасы залегают на высоком цоколе коренных пород и обычно имеют мощность не более 5 м. В неоднородной толще галечников местами прослеживались линзы и прослой светлых ожелезненных рыхлых песков. Следы ископаемой почвы, развитой на этом аллювии, выражены наличием известкового горизонта и сильного ожелезнения. Мерзлотные нарушения, приведшие к разному смятию, появлению клиньев и явному криотурбированию слоев, скорее всего, относятся ко времени днепровского оледенения. Как мне представляется, данная эрозия, возможные следы которой установлены в Кетросах в виде конуса выноса, произошла в самом начале вюрмского времени.

На склоне, в верховьях оврага, разделяющего Стинку, в небольшой толще суглинков расчистками выявлены две ископаемых почвы, из которых нижняя (отнесена И.К. Ивановой ко времени интерстадиала паудорф) сопоставима с гумусированной прослойкой из восточной части раскопа 1. Последняя представляет из себя остатки размытой ископаемой почвы [Иванова, 1969].

Стратиграфия. На Стинке Малой установлено два разновременных палеолитических комплекса, примыкающих к западному склону данного своеобразного мыса. Верхнепалеолитический с граветтской индустрией локализуется в его северной и северо-западных частях, т.е. почти над рекой [Григорьева, Анисюткин, 1982]. Среднепалеолитический, находки которого встречены в западной и юго-западных частях мыса, примыкает к водотоку, известному у местного населения под названием "Каменный яр".

Выше, непосредственно на поверхности террасы, на противоположном, восточном, склоне, где в 1966 г. был гравийный карьер, найдены единичные изделия триполь

Рис. 8. Вид от раскопа 1 (с юга) на раскоп 2 и шурф между ними. Последние расположены на верхнепалеолитическом участке.

ского времени, включая обломок шлифованного топора, а также отдельные патинизированные кремневые изделия, происходившие, как показала наша зачистка обнажения в карьере, из четвертичных отложений. Далее к югу, по направлению к тыловому шву террасы, где IV надпойменная терраса Днестра приключается у города Хотин к V террасе, подъемный материал исчезает совсем. Встречены единичные кремневые изделия без патины, которые следует отнести к энеолиту (к трипольской культуре).

Южная граница верхнепалеолитического местонахождения достигает северо-западной окраины стоянки среднепалеолитического времени: на крайних северных квадратах линий 2 и 3 раскопа 1, на уровне верхнего слоя, вместе с мустьероидными находками, выявлены единичные кремневые изделия верхнего палеолита. Здесь нижний среднепалеолитический слой перекрыт бурым суглинком, который характерен для северной части мыса с находками верхнего палеолита. Последние часто отличались от кремневых изделий верхнего и нижнего слоев слабой патиной голубого цвета, превращавшейся затем в бело-голубую.

Общая стратиграфия мыса, установленная на основе раскопок и многочисленных разведывательных шурфов, может быть описана следующим образом. Под голоценовыми отложениями черного цвета залегает маломощный светло-коричневый суглинок. Его верхняя часть выклинивается на северной окраине мыса и исчезает на границе раскопов 2 и 1. Нижняя часть - суглинок бурого цвета - содержит переотложенные находки верхнего слоя раскопа 1. Только с линии 3 прослеживается полноценная стратиграфическая колонка, типичная для раскопов 1 и 3.

Всего нами было разбито три раскопа. Из них раскоп 1 захватывал центр и северную окраину среднепалеолитического поселения, а раскоп 2, расположенный в 25 метрах севернее первого, занимал участок с находками верхнего палеолита (Рис. 8). Раскоп 3, который дал кремневые изделия только среднего палеолита, находился примерно в 15 м южнее раскопа 1.

Комплекс верхнего палеолита исследован на площади около 30 кв. м. Он не содержал выразительного культурного слоя, находки рассеяны по толще светло-бурого и бурого суглинка мощностью около 1 м. Комплекс среднепалеолитического времени, вскрытый на площади 220 кв. м, залегал в частично нарушенных четвертичных отложениях. Нижний культурный слой, сохранившийся *in situ*, зафиксирован примерно на четверти этой площади. Самым показательным являются разрезы восточной, северной и южной стенок раскопа 1 наиболее высоко расположенной линии квадратов М-3,4 (Рис.9):

1) Пахотный (голоценовый) слой - мощность до 0,25 м.;

2) Суглинок (преобразованный почвообразовательными процессами голоценового времени) бурый, комковатый, рыхлый и довольно глинистый, с корнями растений. Гранулометрический состав (по И.К. Ивановой): песчаная фракция (от $>0,5$ до $0,05$ мм) – 4,8%, глинистая фракция ($0,01$ до $>0,005$ мм) – 57,6%. Здесь встречены немногочисленные каменные изделия, представляющие верхний горизонт верхнего культурного слоя; мощность до 0,3 м.

3) Суглинок светло-коричневый (светло-бурый), глинистый, более плотный и светлый, с черными примазками, количество которых увеличивается сверху вниз. Гранулометрический состав: песчаная фракция – 10,3%, глинистая – 58,2%. Находки каменных изделий, включая остатки размытого очага, выявлены только в верхней части. Это нижний горизонт верхнего слоя, сохранившийся на участке не более 7-9 кв. м. Мощность до 0,35 м.

4) Тонкая гумусированная прослойка черного цвета, расплывчатая, интенсивно окрашенная в верхней части. Контакт с вышележащим слоем четкий, с нижележащим - расплывчатый. Находки каменных изделий отсутствуют. Мощность до 2-5 см.

5) Суглинок (белесый) желтовато-серый, известковистый (количество СаО до 9,83%), тонкий, неслоистый. Характерная особенность - обилие мелких белых известковых примазок. В нижней части прослеживаются включения пятен красновато-коричневого цвета. В стенках квадратов М-3 и М-4 выявлены две кротовины, одна из которых, расположенная под гумусированной прослойкой в белесом суглинке (кв. М-3) заполнена песчанистыми отложениями из кровли нижнего (аллювиального) слоя, а вторая - из нижней песчанистой глины (кв. М-4) заполнена белесым суглинком из лежащих выше отложений. Суглинок сохраняет светлый цвет только под гумусированной прослойкой. Гранулометрический состав: песчаная фракция – 24,3%, глинистая фракция – 52,2%. Здесь обнаружен нижний культурный слой, кровля которого выявлена на 10 см ниже гумусированной прослойки. Мощность до 0,3 м.

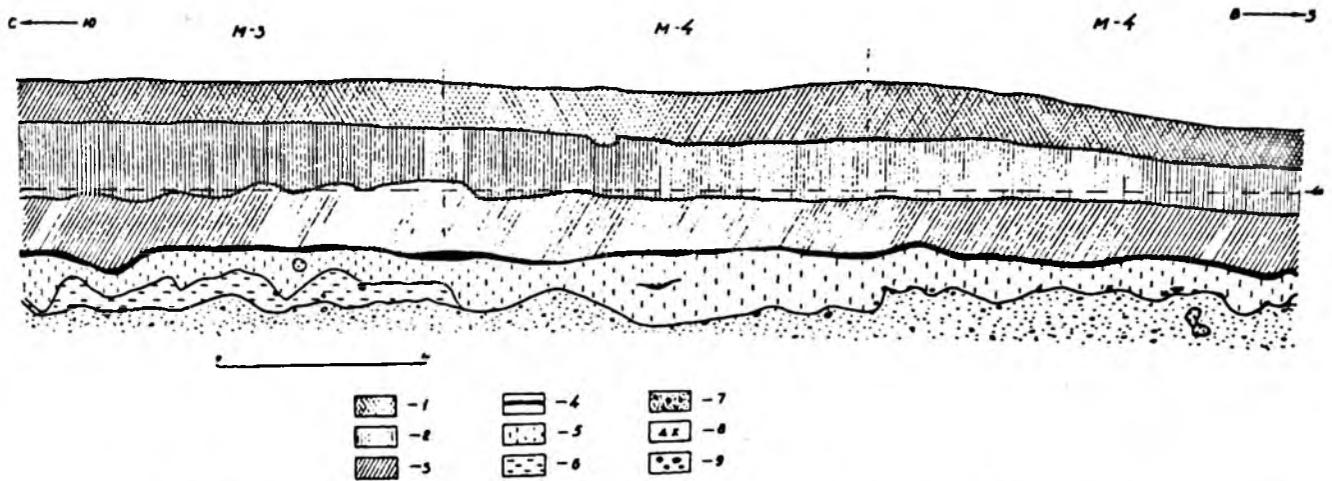

Рис. 9. Разрез восточной и южной стенок раскопа 1 по линии М стоянки Стинка 1. Условные обозначения: 1-современная почва, 2-суглинок бурого цвета, 3- суглинок светло-бурого цвета с темными примазками, 4-гумусированная прослойка, 5-суглинок известковый (белесый), 6- суглинок красновато-коричневый, 7-аллювиальный слой, 8-отщепы и кремневые орудия (треугольники), 9-галечки и гравий.

6) Суглинок красновато-коричневого цвета, глинистый, известковистый. Контакт с вышележащим слоем нечеткий; встречаются гальки. В кровле отмечены отдельные каменные изделия нижнего культурного слоя. Мощность до 0,25 м.

7) Красно-бурая песчанистая глина с галькой и гравием. Кровля неровная и сильно размытая. Видимая мощность до 0,25 м.

Стратиграфия северной стенки раскопа 1 по линии 3 (восток-запад), прослеживаемая на протяжении 20 м (кв. М-В), следующая (Рис. 10):

1) современная почва (пахотный слой), мощность 0,2-0,25 м.

2) суглинок бурый, захваченный почвообразовательными процессами, мощность которого увеличивается от 0,3 м на кв. Л-3 до 0,6 м на кв. Ж-3.

3) суглинок глинистый, светло-бурый (или светло-коричневый). Мощность варьирует от 0,5 до 0,35 м. Выклинивается на кв 3-3.

4) гумусированная прослойка (2-5 см), превращающаяся на кв. К-3 в слабо гумусированный (слоистый) прослой мощностью до 0,25 м.

5) суглинок лессовидный желтовато-серого цвета, известковистый, разной мощности, выклинивается на кв. К-3.

6) суглинок глинистый (глина) красновато-коричневого (бурого) цвета. Мощность до 0,3 м.

7) аллювиальные отложения террасы (галечник).

Если дополнительно принять во внимание стратиграфический разрез по линии Л (поперечный), то там (на восточной стенке) мы наблюдаем следующую картину (Рис. 11):

1) современная почва; мощность увеличивается к югу: 0,2-0,36 м.

2) суглинок бурый, комковатый со следами почвообразования. Мощность варьирует от 0,25 м на кв. Л-3 до 0,4 м на кв. Л-6. В этом литологическом горизонте встре

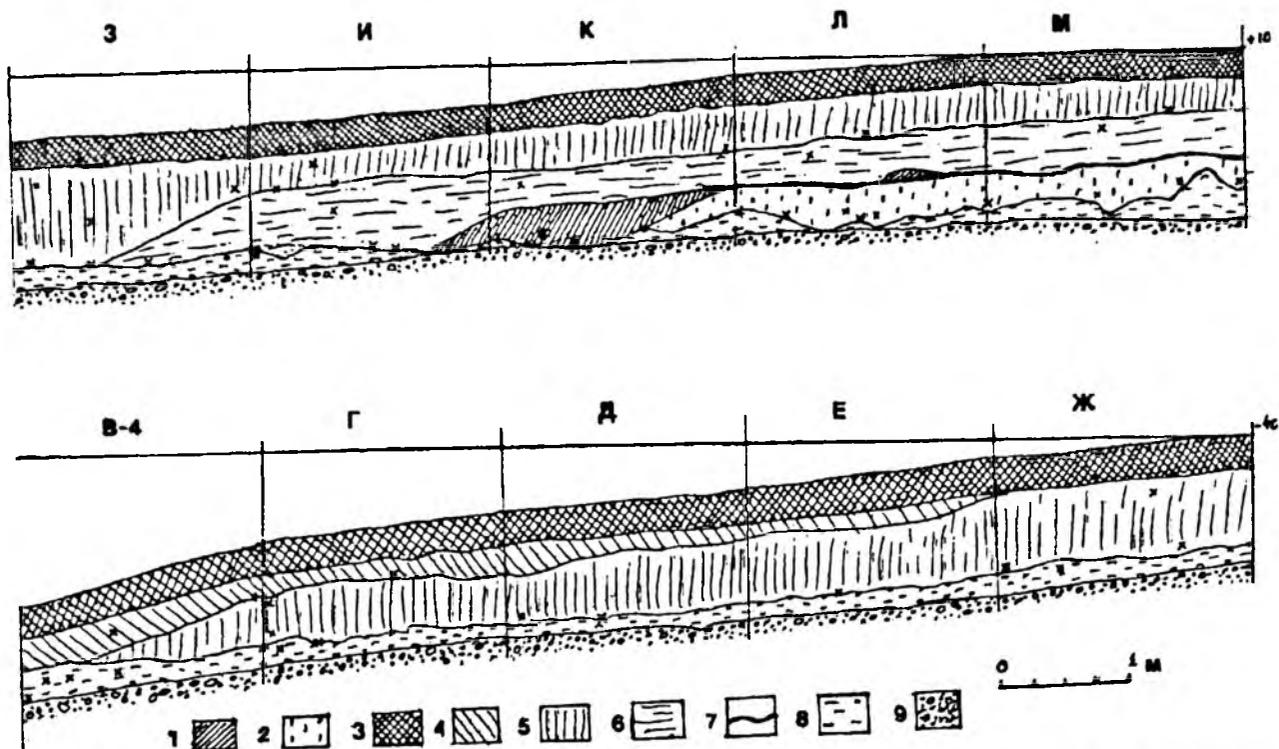

Рис. 10. Продольный разрез северной стенки раскопа 1 по линии 3 (кроме В). Условные обозначения: 1-слоистая гумусированная прослойка, 2-белесый суглинок, 3-современная почва, 4-суглинок светло-коричневый, 5-суглинок бурый, 6-суглинок светло-бурый, 7-гумусированная прослойка, 8- суглинок красновато-коричневый, 9- красновато-бурая песчанистая глина (аллювиальный слой). Крестиками отмечены кремневые изделия.

чаются очень редкие находки каменных изделий верхнего культурного слоя, но без верхнепалеолитической примеси.

3) суглинок светло-бурого цвета, глинистый и более плотный, чем литологический горизонт 2, с многочисленными черными примазками, количество которых увеличивается в нижней части, с немногочисленными кремнями верхнего слоя в верхней части горизонта; мощность колеблется от 0,22 до 0,36 см.

4) гумусированная прослойка волнистая, интенсивно окрашенная в верхней части (до 3 см), ниже имеет темно-серый цвет. На южной окраине кв. Л-6 опускается вниз, раздваивается и исчезает, превращаясь в слабогумусированный, слоистый горизонт с включениями мелкой гальки; толщина гумусированной прослойки варьирует от 2 до 8 см. На ее поверхности найден только 1 кремневый отщеп (кв. Л-5). На кв. Л-4 и Л-5 под гумусированной прослойкой прослеживается прослой слабогумусированного суглинка мощностью до 15-18 см.

5) суглинок лессовидный, желтовато-серый, известковистый (белесый) мощностью от 0,1 до 0,3 м. Хорошо прослеживается только на кв. Л-3,4 и частично Л-5, а на прочих характеризуется наличием более темных пятен и полос, сохраняя кое-где белые известковистые примазки; выклинивается на кв Л-6. Культурный слой залегает на неровной поверхности лежащего ниже литологического горизонта 6, а на кв. Л-6 - в нижней части слабо гумусированного слоя. В нем располагаются каменные изделия и углистые скопления нижнего культурного слоя, включая хорошо выраженный очаг. Для

Л - 5

Л - 6

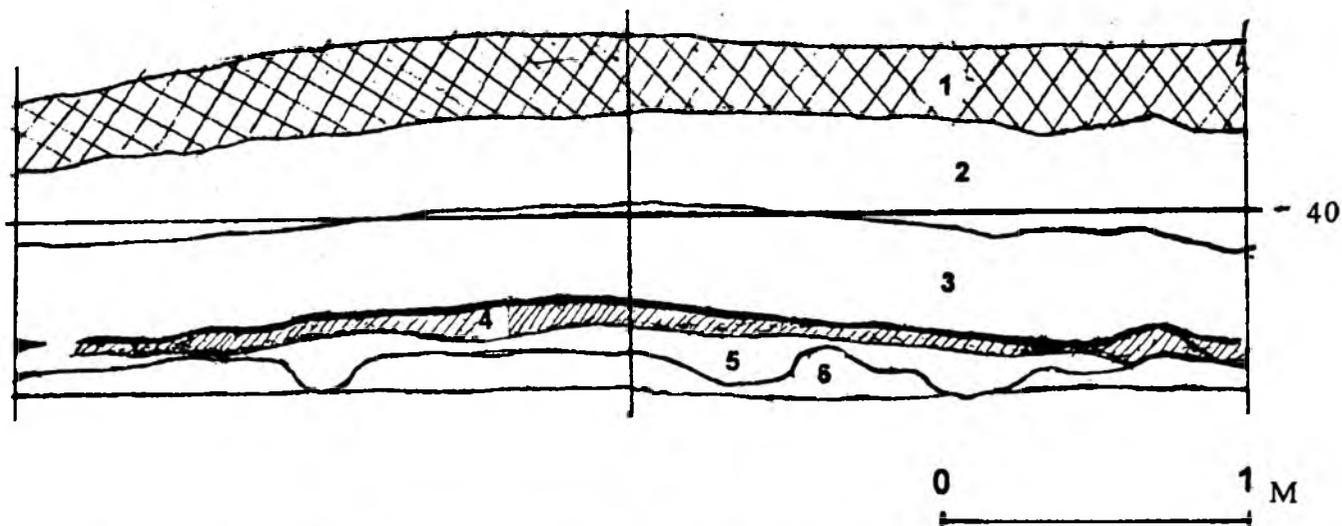

Рис. 11. Поперечный разрез восточной стенки раскопа 1 по линии Л (кв. Л-5,6). Условные обозначения: 1) пахотный слой, 2) суглинок бурый, 3) суглинок светло-бурый, 4) черная гумусированная прослойка и слабогумусированный слой, 5) белесый (известковистый) лессовидный суглинок желто-серого цвета, 6) суглинок известковистый красновато-коричневый.

всех кремневых и кварцитовых изделий с квадратов линий К, Л, М типичен известковистый натек и слабая патина, которая становится интенсивной лишь на кв. Л-6.

6) суглинок глинистый красновато-коричневого (бурого) цвета с включениями гравия и гальки, количество которой резко увеличивается на кв. Л-6. Мощность горизонта 0,1-0,2 м. На поверхности его прослеживаются отдельные кремневые изделия нижнего культурного слоя.

7) аллювиальные отложения IV надпойменной террасы, видимая мощность которых – 0,2 м.

Если мы обратимся к поперечному профилю по линии Ж, который отстоит на 8 м к западу от описанного выше разреза (ниже по склону), то увидим определенные отличия (Рис. 12). Общая мощность отложений не превышает здесь 0,8 м. Нет ни гумусированной прослойки, ни белесого суглинка, ни даже гумусированного слоя, которые выявлены выше по склону. Под современной почвой прослеживается небольшая прослойка светло-коричневого суглинка мощностью до 20 см, в основании которой (в промоине?) на глубине 50 см от современной дневной поверхности найден типичный верхнепалеолитический скребок-резец на конце призматической пластинки. Ниже прослеживается буровато-коричневый суглинок толщиной от 0,4 до 0,6 м, в кровле которого выявлено несколько кремневых изделий архаичного облика (верхний среднепалеолитический слой), а в основании и на поверхности красноцветных отложений расположен богатый находками нижний слой. Стерильная прослойка отсутствовала, хотя находки кремней и древесных угольков (в средней части суглинка) сравнительно малочисленны.

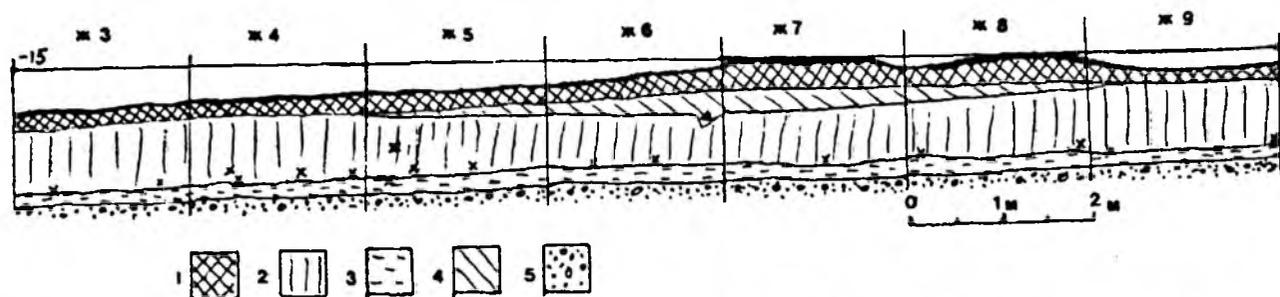

Рис. 12. Поперечный разрез восточной стенки раскопа 1 по линии Ж. Условные обозначения: 1 - современная почва, 2 - суглинок коричневого (бурого) цвета; 3 - глинистый суглинок красновато-коричневого цвета; 4 - светло-коричневый суглинок; 5 - аллювиальный слой.

Рис. 13. Вид на северо-восточный угол кв. И-3. Половина квадрата разобрана до кровли нижнего слоя. Со второй половины кв. снят пахотный слой. Отчетливо заметна разница между слоями 2 (верхнего) и 3 («стерильного»).

Для того, чтобы продемонстрировать особенности залегания каменных изделий в нижнем и верхнем слоях, обратимся к двум примерам, из которых один соответствует квадрату К-5, где имеется хорошая стерильная прослойка, а второй - кв. З,И-5. Здесь стерильная прослойка практически выклинивается, но основная масса каменных изделий связана с разными литологическими горизонтами (Рис. 14). Этот участок раскопа выбран потому, что здесь проходит граница между квадратами с еще сохранившимся нижним культурным слоем и квадратами, где наблюдается разрушение отложений, вмещающих находки этого слоя. Очевидно, что на кв. К-5 между находками верхнего и нижнего слоев прослеживается довольно значительная стерильная прослойка мощностью 27 см. Так наиболее глубоко лежащий отщеп верхнего слоя имеет глубинную отметку -60, а глубина наиболее высоко расположенного изделия (отщепа с микрозубчатой ретушью) из нижнего культурного слоя составляет -87. Основные глубинные отметки нижнего слоя варьируют в пределах от -90 до -103. Примечательно, что основная масса находок верхнего слоя сосредоточена в верхней половине "стерильного" горизонта 3. Напротив, на линии кв. З,И-5 большинство кремневых изделий связано уже с литологическим горизонтом 2, в то время как в "стерильном" горизонте 3 они малочисленны. Это, возможно, указывает на нарушение подлинного верхнего слоя, который следует связывать с верхней частью литологического горизонта 3. К нему привязаны находки верхнего слоя на восточных квадратах, включая линии К,Л,М. Таким образом на этом участке раскопа 1 также прослеживается разрушение и верхнего слоя, находки которого распространены ниже по склону только в литологическом горизонте 2, но уже в явно переотложенном положении.

Дополнительно отмечу, что в голоценовых отложениях, если иметь в виду восточные квадраты, встречено несколько непатинизированных кремневых изделий без каких-либо архаичных признаков. Они явно относятся к энеолиту, а конкретно - к трипольской культуре. На это указывают находки обломка шлифованного топора и интенсивно ретушированной пластинки, которая является, видимо, вкладышем серпа.

Стратиграфия северного участка (раскоп 2) с находками верхнего палеолита выглядит по-иному (Рис. 15). Гумусированная прослойка и светлый известковистый суглинок отсутствуют. Толща бурого суглинка едина и достигает мощности 1,2 м. Она светлее окрашена в верхней части и темнее - в нижней. Здесь, как отмечала И.К. Иванова, отсутствовала нижняя (основная) толща отложений раскопа 1.

Шурфы, поставленные между раскопами 1 и 2, позволили установить совместное залегание многочисленных верхнепалеолитических и мустьероидных находок в одном слое. Но эти последние (как правило, интенсивно патинизированные) единичны и связаны с основанием суглинков, которое условно можно сопоставить с литологическим горизонтом 2 раскопа 1. Кремневые же изделия верхнепалеолитического облика рассеяны по всей толще суглинка достаточно равномерно, встречаясь как в верхней части разреза, так и в его нижней части.

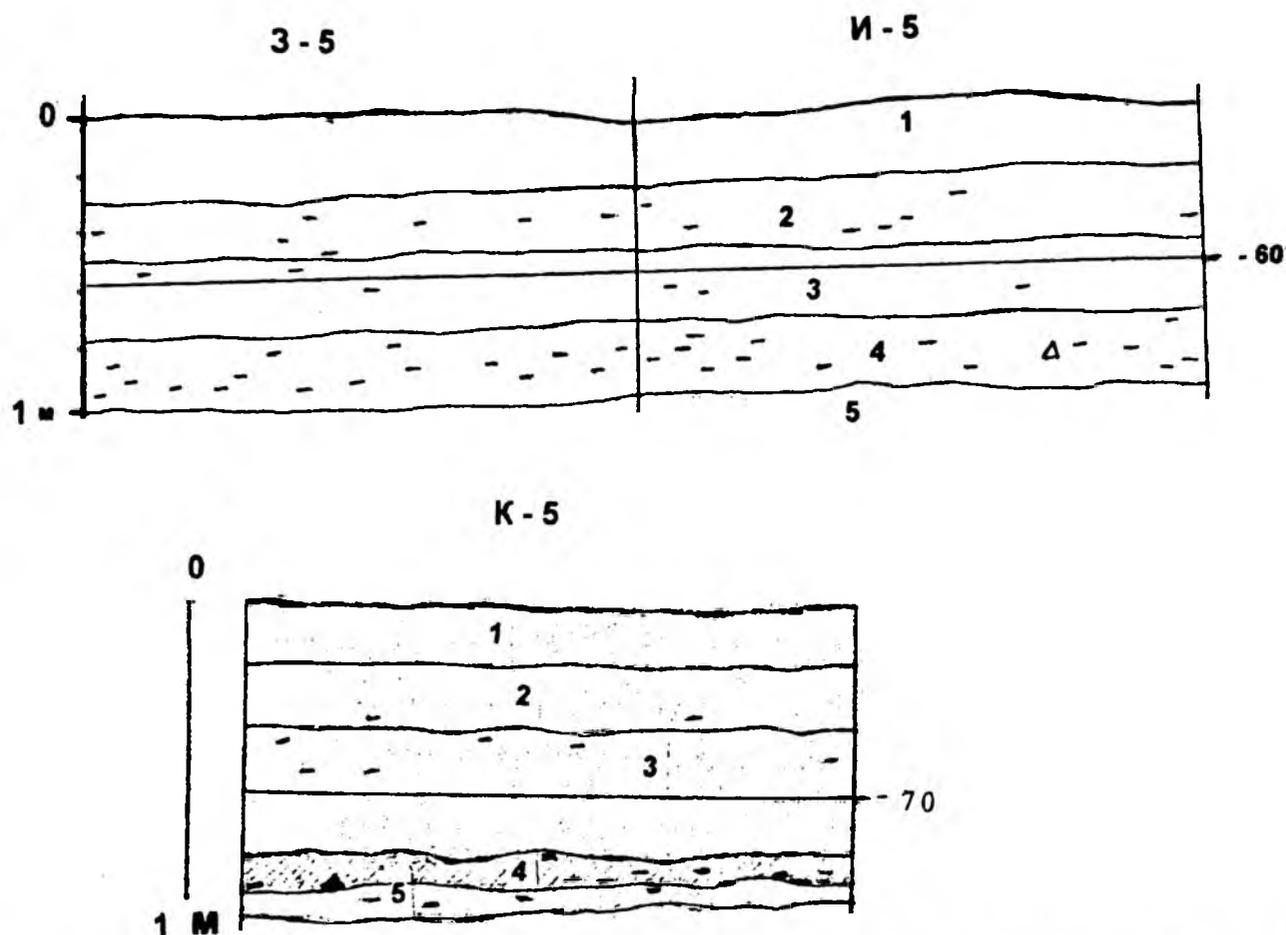

Рис. 14. Распределение находок каменных изделий в разрезе на квадратах раскопа 1. Верхняя часть: кв. 3-5 и И-5 (северная стенка раскопа 1). 1-пахотный слой, 2-суглинок бурого цвета, 3-суглинок светло-коричневого цвета, 4-суглинок глинистый красновато-коричневого цвета, 5-речной аллювий. Находки бифасов отмечены треугольниками. Нижняя часть: кв. К-6 (южная стенка раскопа 1). 1-пахотный слой, 2-бурый суглинок, 3-светло-бурый суглинок, 4-слабогумусированный слой, 5-красновато-коричневый суглинок.

В целом, стоянку следует рассматривать, как многослойный памятник. Два одновременных палеолитических комплекса приурочены к разным участкам западного склона мыса (фрагмента IV надпойменной террасы). Верхнепалеолитический комплекс, который является позднейшим, локализуется в северной части мыса. Отдельные находки его проникают лишь на окраину раскопа 1, расположенного южнее основной концентрации находок каменных изделий верхнепалеолитического облика, встречаясь на одном уровне с мустьероидными находками верхнего слоя, но чаще – перекрывая их.

Итак, если основываться на данных восточного участка раскопов 1 и 3, где нижний культурный слой удовлетворительно сохранился на площади около 30 кв. м, то общую стратиграфию можно представить следующим образом. Позднеплейстоценовые отложения, расположенные на древнем аллювии с остатками миндель-рисской ископаемой почвы, могут быть подразделены на две части - нижнюю и верхнюю, которые отделены друг от друга гумусированной прослойкой. Нижняя толща, представленная желтовато-серым лессовидным суглинком с обилием мелких белых известковых примазок и фрагментами красновато-коричневого глинистого суглинка, лежащего в основании, отличается выраженной известковистостью (количество CaO около 10%). Верх

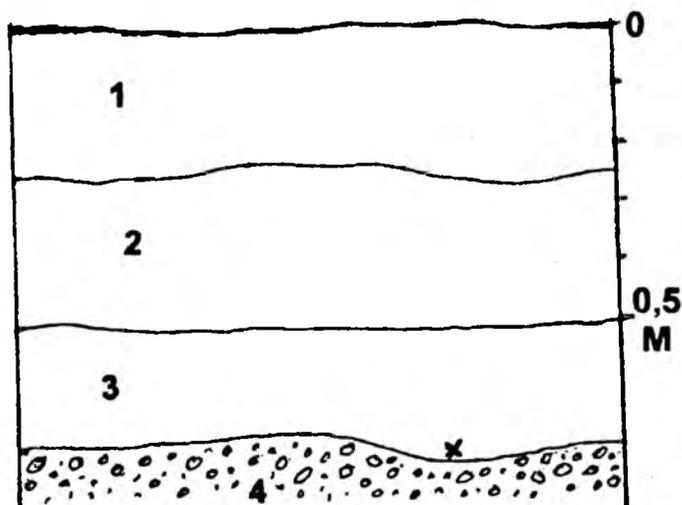
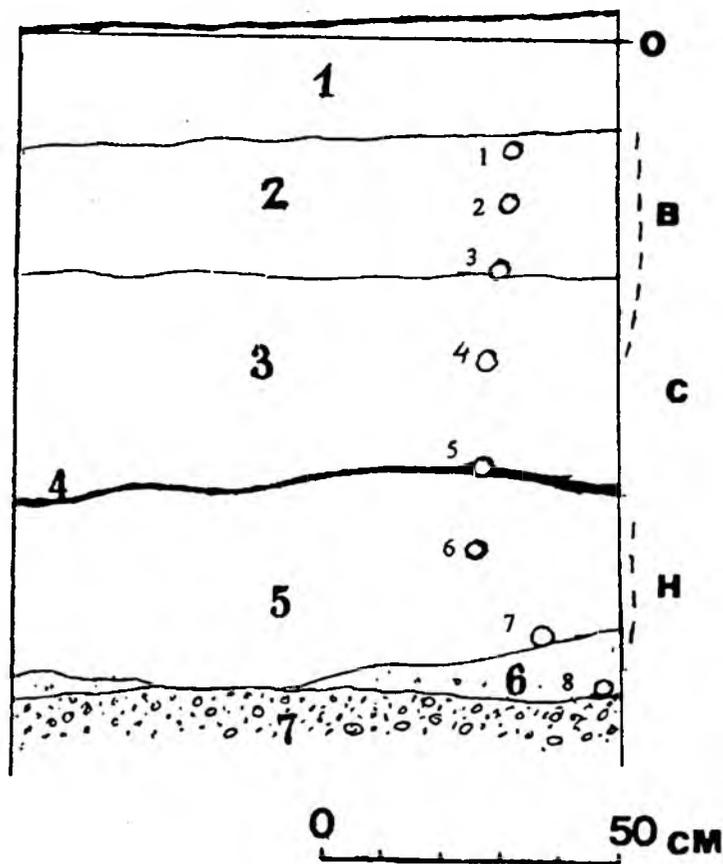

Рис 15. Участки стратиграфических разрезов раскопов 1 и 2.

Верх. Часть северной стенки кв М-3, где отобраны образцы на спорово-пыльцевой анализ. Условные обозначения: 0-нулевая линия, В-верхний слой, С-стерильный слой, Н-нижний слой. 1-слой современной почвы, 2-суглинок бурый, 3-суглинок светло-бурый, 4-гумусированная прослойка, 5-белесый известковистый суглинок, 6-суглинок красновато-коричневый с галькой, 7-речной аллювий. Мелкими цифрами отмечены места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ.

Низ. Разрез части южной стенки раскопа 2. 1-современная почва (пахотный слой), 2-суглинок светло-коричневого цвета, 3-суглинок темно-коричневого цвета, 4-аллювиальные отложения. Крестом отмечена находка массивного бокового резца.

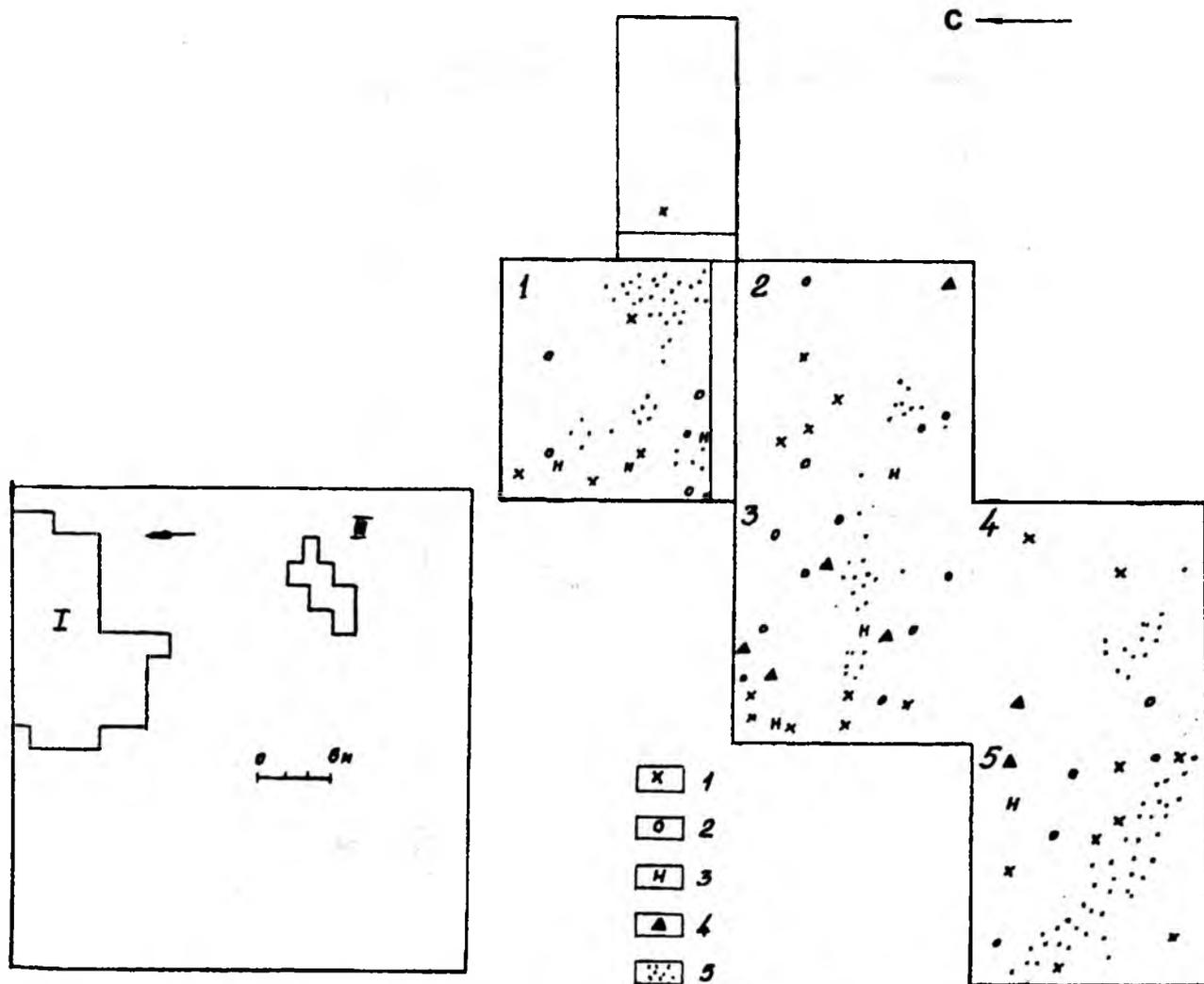

Рис. 16. План-схема расположения раскопов 1 и 3. План распространения находок каменных изделий в нижнем слое раскопа 3. Условные обозначения: 1) осколки и чешуйки, 2) отщепы, 3) нуклеусы, 4) каменные орудия, 5) древесные угольки.

няя - известковистая ($\text{CaO} - 0,8\%$), характеризующаяся следами почвообразовательных процессов, может восприниматься, как совокупность деформированных ископаемых почв. В этом плане гумусированная прослойка, расположенная в основании данной толщи, представляет собой, как писала И.К. Иванова, перемытый остаток ископаемой почвы (Иванова, 1969: 135). Верхний и нижний слои с археологическими находками разделены достаточно мощным стерильным слоем. Различие этих толщ подтверждено и палинологическими данными. Ниже по склону эта последовательность сильно деформирована и изменена разнообразными эрозионными процессами.

Предположение И.К. Ивановой о раннеголоценовом возрасте почв, перекрывающих гумусированную прослойку, высказанное в итоговой статье 1969, более, чем спорно. Во-первых, кремневые изделия без патины, явно голоценового облика, найдены только в черноземном горизонте (в основании пахотного слоя), который перекрывает бурые суглинки с переотложенными мустьероидными находками верхнего слоя. Во-вторых, на всех соседних местонахождениях (Стинка 2,3,4, Осыпка, Шипот 1,2,3, Северный комплекс Кишлянского яра, Стинка-Дарабаны) в аналогичных отложениях выявлены кремневые изделия только палеолитического облика. В-третьих, даже значи-

тельно омоложенная радиоуглеродная дата 17.100 +/- 250 (Ле-6904; 2004 г.), полученная по обломкам костей из основания суглинка стоянки Шипот 3, аналогичному суглинку 3 из верхней части разреза раскопа 1 Стинки 1, ясно указывает на плейстоценовый возраст этого горизонта. Четвертичные отложения Шипота 3, как отмечали геологи, подобны верхней пачке отложений из раскопов 1 и 3 [Анисюткин, 2001: 62], а именно гумусированной прослойке и литологическим горизонтам 3 и 2.

В настоящее время кажется перспективным, вслед за Х.А. Амирхановым, систематизировать информацию о стратиграфии стоянки, как некую совокупность, которая может быть подразделена на стратиграфию литологическую, археологическую, палинологическую и т.д. [Амирханов, 2004: 81]. В результате мы можем получить весьма интересную, дифференцированную и полезную информацию.

Литологическая стратиграфия позволяет в целом расчленить толщу отложений на две части - голоценовую и плейстоценовую. Последняя представлена, если вести речь только о раскопах 1 и 3, некарбонатными глинистыми суглинками со следами почвообразований (слои 2,3,4) и карбонатным лессовидным суглинком (слой 5). Эти отложения естественно имеют разный генезис, которые указывают на то, что в одном случае лессовидный суглинок образовывался при холодном и сухом климате, а во втором - при более влажном, что подтверждает палинология.

Археологическая стратиграфия позволяет выявить на стоянке ряд разновременных комплексов, основная часть которых перекрывает друг друга. Это бедный находками голоценовый комплекс, связанный с нижней частью современной почвы, верхнеплейстоценовый, локализующийся на северной оконечности мыса, а также два слоя среднего палеолита, выявленных в стратиграфической последовательности на раскопах 1 и 3.

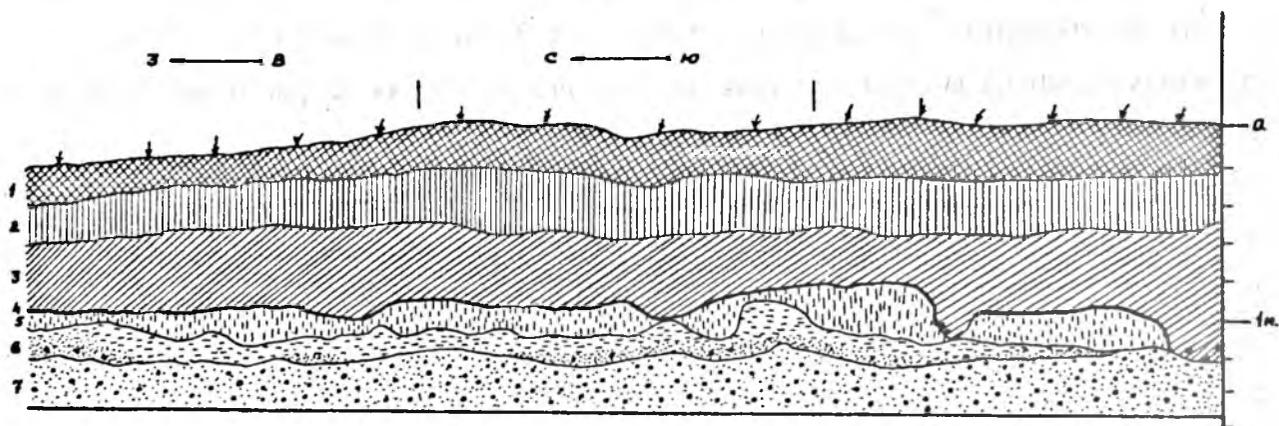

Рис. 17. Разрез восточной и северной стенок раскопа 3. Номера слоев отмечены цифрами.

Только на некоторых северных квадратах раскопа 1 каменные изделия верхнепалеолитического и среднепалеолитического облика находятся в одном слое. Правда, кроме одного случая находки типичного скребка на пластинке, кремневые изделия верхнего палеолита из литологического горизонта 2, соответствующего верхнему (пе-

реотложенному) горизонту верхнего среднепалеолитического слоя, всегда лежат выше в прослойках более светлого по окраске суглинка.

Палинологическая стратиграфия, четко разделяя четвертичные отложения на две пачки, хорошо согласуется с литологической и археологической, но при этом дополняет их. Так отложения нижнего слоя, представленного лессовидным суглинком, формировались в условиях очень холодного и сухого климата, а перекрывающие его – в условиях умеренного и более влажного климата одного из интерстадиалов среднего вюрма. Очень важным является отчетливое различие полученных спорово-пыльцевых комплексов на раскопах 1 и 2, указывающее на их одновременность и разный генезис отложений.

Существенно, в качестве дополнительного аргумента, отметить на кремневых изделиях из нижнего слоя следы отчетливых морозобойных повреждений. Последние согласуются, как уже отмечалось выше, с данными спорово-пыльцевого анализа, указывающими на то, что стоянка Стинка 1/нижний слой существовала во время очень холодного ранневюрмского стадиала.

Палинологические данные. Для того чтобы получить представление о масштабах изменения климата в плейстоцене, приведу данные о современной растительности и климате этой территории в настоящее время [Пашкевич, 1977]. Согласно физико-географическому районированию Украины, данная часть Черновицкой области входит в Пруто-Днестровскую лесостепную зону, где среднегодовая температура составляет +7,9. Зима, как правило, мягкая с частыми оттепелями. Толщина снежного покрова не превышает 10-20 см. Общая продолжительность теплого периода 260-265 дней. Растительный покров в настоящее время сильно изменен деятельностью человека: в частности, значительно сократились лесные площади. Леса сохранились теперь лишь на некоторых возвышенных участках (например, на Хотинской возвышенности), в виде отдельных пятен на водораздельных плато и поверхностях террас и местами по крутым склонам (так называемые "Стинки") вдоль берегов Днестра. Здесь распространены преимущественно дубово-буковые и буково-грабовые леса. Кроме дуба, бука, граба в состав лесов входят ясень, клен, липа. Подлесок состоит из лещины обыкновенной, боярышника, бересклета европейского. На склонах речной долины и по берегам оврагов часто встречаются кизил, шиповник. По днищам речных долин распространены небольшие леса из ольхи, тополя, осины и ивы.

Что касается растительности безлесных пространств, то нетронутые участки степной растительности сохранились лишь на опушках лесов, в карстовых понижениях по долинам рек. В их составе - ковыль, типчак, бородач, шалфей, астрагал. В поймах рек распространены влажные луга, в образовании которых принимают участие лисохвост, осока, мятлик и клевер.

Палинологические исследования образцов из четвертичных отложений, проведенные М.Н. Клапчуком в 1967 г. в лаборатории Центрально-Казахстанского геологического управления (г. Караганда), дали весьма показательные результаты. Им отмеча

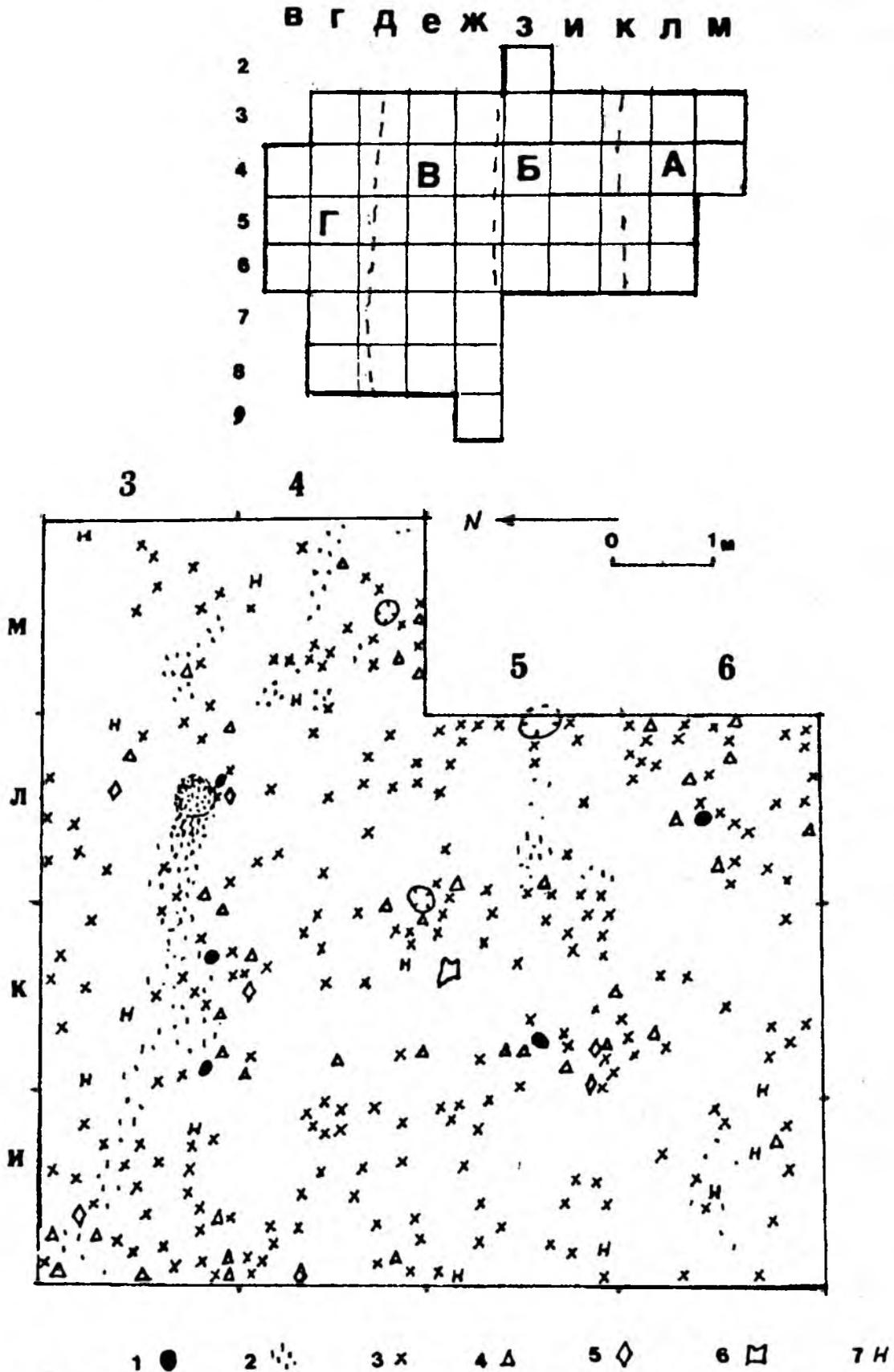

Рис. 18. Стинка 1. Верхняя часть: общий план раскопа 1. Условные обозначения: А-участок с хорошо сохранившимся культурным слоем, Б-участок с нарушенным культурным слоем, В-участок с сильно нарушенным культурным слоем, Г-участок с переотложенным культурным слоем.

Нижняя часть: план распространения находок нижнего культурного слоя на восточном участке стоянки. Условные обозначения: 1-гальки, 2-древесные угли, 3-отщепы и осколки, 4-каменные орудия, 5-бифасы, 6-кость (?), 7-нуклеусы.

лось, что пыльца плохой сохранности встречена на раскопе 1 в 8 образцах из 9, которые были отобраны в 1967 г. из стенки раскопа 1 (кв. М-3), где все отложения, включая нижний культурный слой, имеют наиболее хорошую сохранность (Рис.16). В частности, образец из гумусированной прослойки взят в том месте, где она достигала мощности до 4 см. Три образца взяты из раскопа 2 с находками верхнепалеолитического облика. Сохранность пыльцы с этого участка оказалась лучше, чем с предшествующего.

В данной связи важно отметить, что М.Н. Клапчук, которому были переданы образцы, знал о стоянке лишь то, что она палеолитическая и находится на территории Украины.

Таблица 1. Данные спорово-пыльцевого анализа.

№№ образцов	верхний слой				стерильный слой		нижний слой	
	1	2	3	4	5	6	7	8
Кол-во подсчитанных зерен	173	145	86	137	162	109	95	56
Древесные породы %	25,4	40,0	36,0	30,6	24,0	33,9	30,5	34,7
Травянистые растения	67,6	55,0	62,9	68,0	74,0	64,2	68,5	65,3
Спores %	7,0	5,0	1,1	1,4	2,0	1,9	1,0	-
Пыльца древесных пород %								
Ель (Picea)	2,3	1,7	-	-	-	-	-	-
Сосна (Pinus)	40,4	28,8	35,5	52,3	30,7	70,0	65,5	65
Береза (Betula)	32,4	35,6	32,3	38,2	59,0	24,0	34,5	35
Ольха (Alnus)	-	-	3,2	-	-	-	-	-
Лещина (Corylus)	7,0	3,4	3,2	2,4	2,5	-	-	-
Ива (Salix)	2,3	3,4	3,2	2,4	7,8	-	-	-
Липа (Tilia)	12,0	11,9	9,7	4,7	-	-	-	-
Дуб (Quercus)	2,3	13,5	9,7	-	-	-	-	-
Граб (Carpinus)	2,3	-	3,2	-	-	-	-	-
Вяз (Ulmus)	-	1,7	-	-	-	-	-	-
Пыльца травянистых растений %								
Ephedra	-	-	1,8	1,0	-	-	-	-
Gramineae	36,7	29,0	24,0	10,7	3,3	7,1	3,0	11,0
Superaceae	0,8	-	-	-	-	-	-	-
Polygonaceae	6,7	-	-	1,0	-	-	-	-
Chenopodiaceae	8,5	4,0	7,4	5,3	2,5	1,4	3,0	5,6
Charyophyllaceae	16,5	1,2	-	-	-	-	-	-
Umbelliferae	1,7	2,5	1,8	3,2	-	-	-	-

Таблица 1 (продолжение). Данные спорово-пыльцевого анализа.

	верхний слой			стерильный слой		нижний слой		
Rosaceae	-	1,2	1,8	-	-	-	-	-
Cruciferae	1,7	5,0	1,8	-	1,5	-	-	-
Ranunculaceae	1,7	1,2	1,8	-	1,0	1,5	-	-
Labiatae	-	-	-	-	-	-	3,0	5,6
Plantago	1,7	-	-	-	-	-	-	-
Papaver	-	2,5	-	-	-	-	-	-
Compositae	5,1	13,9	3,6	7,5	14,0	8,6	15,4	2,8
Achilleae	-	1,2	-	-	-	-	-	-
Artemisia	1,7	6,3	3,6	-	-	4,3	3,0	2,8
Sonchus	11,1	22,7	35,2	64,5	66,1	67,1	53,8	66,0
Одуванчик (Taraxacum)	1,7	1,2	-	2,1	-	-	-	-
Aster	0,8	-	-	-	-	-	-	-

Пыльцевые спектры из раскопа 1, как сообщил мне в письме М.Н. Клапчук, составляют три комплекса, рисующие картину значительного изменения растительности в позднем плейстоцене.

Первый комплекс, представленный тремя образцами, включая один из белесого суглинка и два из кровли и основания красноватого глинистого суглинка, соответствует нижнему культурному слою. В нем содержится 30,5-33,9% пыльцы древесных пород и 64,2-68,5% пыльцы травянистых растений, а также 1,9% спор. Такое соотношение указывает на преобладание перигляциальной лесостепи. Основными лесообразующими породами являются сосна (70-65,5%) и береза (24-35%), при полном отсутствии широколиственных пород. Среди травянистых растений злаковые имеют, как отмечал М.Н. Клапчук, явно подчиненное значение (7,1%).

Второй комплекс представлен образцами из стерильного слоя. Пыльца древесных пород составляет 24,0-30,6%, а травянистых 68,0-74,8%. Среди лесообразующих пород на первое место выходит береза (38,1-59%), несколько опережая сосну (30,7-52,3%). Появляются широколиственные породы: липа (4,7%) и лещина (2,4-2,5%). Заметна доля злаковых (Gramineae), достигающих 10,7%. Комплекс отражает, по мнению М.Н. Клапчука, некоторое потепление климата.

Образец № 5 из гумусированной прослойки, лежащей в основании стерильного слоя и рассматриваемой И.К. Ивановой как остаток размытой интерстадиальной почвы [Иванова, 1969, с.135], дал 24,0% древесных пород, 74,0% травянистых и 2% спор. Лесообразующими породами являются береза (59%), сосна (30,7%), ива (7,7%), лещина (2,5%). Налицо, по сравнению с комплексом нижнего слоя, слабое потепление, которое сопоставимо, вероятно, с интерстадиалом моерсхофд, где пыльца широколиственных

не превышает 5% [Болиховская, Пашкевич, 1982: 138]. Напротив, спорово-пыльцевой спектр из отложений, перекрывающих гумусированную прослойку, в кровле которых залегают единичные кремневые изделия и остатки очага верхнего слоя, дал несколько более высокий процент широколиственных пород.

Третий комплекс, образцы которого взяты из верхнего горизонта верхнего (переотложенного) слоя с переходной каменной индустрией, включал 25,4-40,0% древесных пород. Здесь заметно уменьшилась роль пыльцы сосны (28,8-40,5%) и березы (32,2-35,6%), в то время, как увеличился процент пыльцы широколиственных пород, включая липу (9,7-14,0%), дуб (13,5%), граб (3,5%) и вяз (1,7%). Увеличился и процент пыльцы злаковых (36,7%). Налицо заметное потепление климата.

Спорово-пыльцевые образцы из раскопа 2 с находками верхнего палеолита дали абсолютно иную картину. Широколиственные породы деревьев обнаружены здесь, как в основании разреза, так и в кровле его. Например, в образце с глубины 1,2 м, который по уровню соответствует нижнему среднепалеолитическому слою раскопа 1, выявлено 11% широколиственных, включая пыльцу таких теплолюбивых пород, как граб и липа. Палинологические данные, полученные для раскопа 1, дают совершенно иную картину, что указывает (наряду с различиями в литологии) на иной тип отложений. Соответствие прослеживается только для комплекса из верхней части отложений раскопов 1 и 3, где каменные изделия находятся в явно переотложенном состоянии.

Если принять во внимание сходство стинковского верхнепалеолитического комплекса с коллекцией слоя 7 стоянки Молодова 5, можно предположительно отнести переотложенный верхний слой Стинки 1 ко времени паудорфского межстадиала.

Во всяком случае, спорово-пыльцевой анализ отложений Стинки 1 позволяет привязать их к определенным подразделениям биостратиграфической колонки II надпойменной террасы реки Днестр, созданной на основе таких основополагающих памятников, как Кормань 4, Кетросы, Молодова 1 и 5. В первую очередь, имеет значение то, что отложения нижнего слоя Стинки 1, сформировавшиеся во время очень холодного стадиала, были перекрыты интерстадиальными отложениями (стерильный и верхний горизонты) с прохладным и умеренным климатом. Все это типично для конца кислородно-изотопной стадии 4 (нижний культурный слой) и перекрывающего интерстадиала среднего вюрма или последнего интерпленигляциала [Kozłowski, 2003], относящегося уже к кислородно-изотопной стадии (OIS) 3. Естественно, невозможно сегодня однозначно сопоставить интерстадиал, остатки которого представлены гумусированной прослойкой, именно с межстадиалом моерсхофд, который характеризует, как считают палинологи и геологи, начало среднего вюрма [Пашкевич, 1977; Болиховская, 1981]. В настоящее время известно, что средневюрмский мегаинтерстадиал (интерпленигляциал западных ученых) представлен несколькими прохладными интерстадиалами, включая оерель, глинде, моерсхофд, хенгело [Kozłowski, 2003]. Напротив, более древние интерстадиалы (амерсфорт и бреруп) постоянно сохраняют значительное количество пыльцы широколиственных деревьев. Это же характерно и для позднего интерстадиала - хенге-

ло, который перекрывает более ранние межстадиалы среднего вюрма. Последние, по видимому, зафиксированы в разрезах Кормани 4, в Кетросах и частично в Молодова 5, где они представлены в виде ископаемых почв и гумусированных горизонтов.

Теоретически можно допустить, что стадиал, с которым связан нижний слой стоянки Стинка 1, может быть и средневюрмским, синхронным стадиальным отложениям слоя 4 стоянки Молодова 1 и слоя 11 Молодова 5, залегаая между двумя интерстадиалами, в нижнем из которых расположены слои 5 Молодова 1 и 12 Молодова 5. Последний был сопоставлен ранее с брерупом-оддераде, но сегодня отнесен к среднему вюрму [Кулаковская, 2003]. Правда, версия более молодой датировки отложений нижнего слоя Стинки 1 представляется мне менее вероятной.

Если суммировать информацию всех имеющихся разрезов Стинки 1, то можно сделать следующий вывод. На крайней северной окраине мыса представлены только финальноплейстоценовые суглинки, лежащие под тонким пахотным слоем. На участке раскопа 2, расположенного на расстоянии около 50 м южнее северной оконечности мыса и 25 м севернее раскопа 1, прослеживаются два слоя некарбонатных суглинков мощностью 0,8-1,0 м, которые, вероятно, можно отнести к паудорфскому (брянскому) интерстадиалу. В свою очередь, на восточном участке раскопа 1 мы имеем дело с несколькими горизонтами суглинков мощностью 1,0-1,2 м, подразделяющимися на две генетически разных толщи. Нижняя толща - известковистый лессовидный суглинок - формировалась в условиях стадиала при аридном и очень холодном климате; верхняя, представленная размытыми ископаемыми почвами, - в более влажный и относительно теплый период средневюрмского мегаинтерстадиала. Здесь позднеплейстоценовые отложения залегают на эродированной поверхности аллювия IV надпойменной террасы Днестра с остатками среднеплейстоценовой ископаемой почвы. Аллювий этой террасы датируется миндель-рисским межледниковьем, а первая эрозия, которая уничтожила перекрывающие субаэральные отложения, отнесена к рисскому или днепровскому оледенению [Иванова, 1969]. Очевидно, что более поздние отложения рисс-вюрмского (микулинского) межледниковья и раннего вюрма, сопоставляемые с изотопнокислородной стадией 5, могли быть уничтожены одной из эрозий раннего вюрма, следы которых отчетливо представлены, например, в разрезе стоянки Кетросы. Речь идет о конусе выноса, который сопоставим с самым началом последнего оледенения (амерсфортом?), а также с горизонтом размыва, зафиксированном во время интерстадиала бреруп [Ренгартен, 1981: 92; Иванова, 1981]. Не исключено, что рисская эрозия И.К. Ивановой относится уже к вюрмскому времени, возможно к очень холодному и ариднему периоду раннего пленигляциала, во второй половине которого существовала стоянка Стинка 1/нижний слой. Если принять во внимание то, что мощность отложений IV террасы увеличивается по направлению к месту причленения ее более высокой V террасе, на которой расположен город Хотин, можно ожидать наличия в глубине террасы (восточнее стоянки) отложений более раннего времени.

УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СТОЯНКИ, ПЛАНИГРАФИЯ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Находки верхнего слоя, представленные каменными изделиями и немногочисленными древесными угольками, рассеяны по всей толще бурого суглинка, залегая на поверхности и в кровле нижележащего светло-бурого суглинка с обилием темных примазок, хорошо выраженного только на нескольких восточных квадратах. Здесь, в нижнем уровне верхнего слоя, каменные изделия были не переотложены (как в буром суглинке), а находились в несколько нарушенном положении. В верхней половине светло-бурого суглинка, нижняя часть которого стерильна, найдено размытое кострище, а каменные изделия залежали, в отличие от верхнего уровня, не беспорядочно, а горизонтально. Можно допустить, что перед нами небольшой фрагмент сохранившегося (но поврежденного) культурного слоя, локализующегося на квадратах линий К, Л и М. Ниже по склону каменные изделия верхнего слоя начинают встречаться в явно переотложенном состоянии, преимущественно в литологическом горизонте 2. Указанный горизонт (бурый суглинок) в северо-западной части раскопа 1, к тому же, "загрязнен" отдельными предметами верхнепалеолитического облика из граветтского комплекса северного участка. К счастью, эти малочисленные кремневые изделия сравнительно легко отличить от среднепалеолитических: для них характерна малая массивность изделий, хорошая сохранность их поверхностей, а также высокая пластинчатость.

Повсюду верхний слой был представлен малочисленными находками кремневых изделий и очень редкими древесными угольками. Эта картина была типичной почти для всех линий раскопа 1, исключая северо-западную часть, где отмечена, напомним еще раз, примесь верхнепалеолитических материалов. Мощность верхнего, так называемого "культурного слоя", равнялась толщине литологических горизонтов, варьируя в пределах 20-30 см.

Находки нижнего слоя залежали в основании разреза, над аллювием (или в размытой его кровле), на разной глубине, в зависимости от их локализации. На восточных квадратах М-3 и М-4 находки располагались на глубине более 1 м, на крайних западных квадратах (самых пониженных) - лишь 45-50 см. Слой под гумусированной прослойкой имел толщину до 15 см и отличался иногда более темным цветом за счет распыленных частиц древесного угля и золистой массы. Последние можно рассматривать как своего рода "заполнитель" подлинного культурного слоя, который, если иметь в виду участок квадратов по линиям М, Л (кроме южной трети кв. Л-6) и частично К, характеризовался относительно многочисленными каменными изделиями с включением углистых скоплений и отдельных углистых пятен, лежащих в едином горизонте мощностью не более 20 см.

На этом участке находки каменных изделий, имевших слабую патину и известковистые натёки, залежали нередко горизонтально в желтовато-сером (белесом) суглин-

ке, на 10 см ниже гумусированной прослойки. Однако на этих квадратах найдено несколько мустьероидных кремневых изделий, которые не могут быть отнесены ни к нижнему, ни (тем более) к верхнему слоям. Эти находки (3 отщеп и 1 осколок), залежали на поверхности гумусированной прослойки или в подошве стерильного суглинка. В числе их можно упомянуть нелеваллуазский отщеп с фасетированной ударной площадкой.

На квадратах по линии И-К, расположенных ниже по склону, где этот светло-бурый суглинок выклинивался и исчезала гумусированная прослойка, каменные изделия встречены в основании слоистого и слабогумусированного горизонта, под которым в западинах порой обнаруживались линзы белесого суглинка. Ниже по склону гумусированность исчезала, и находки залежали в основании светло-бурого суглинка, а также на поверхности и в кровле глинистого суглинка красновато-коричневого цвета с включениями мелкой гальки. Здесь появлялись и полуокатанные осколки кремней со следами обработки.

На западной окраине раскопа 1 древесные угольки исчезали, а переотложенные каменные изделия обнаруживались в красновато-коричневой глине с галькой и сравнительно частыми полуокатанными кремневыми обломками и осколками. Они находились в слое в самых разных положениях, часто вертикально.

В сохранившемся культурном слое выявлено несколько небольших скоплений древесного угля, десятков обожженных кремней, а также очаг на кв. Л-3 (Рис.18). Он имел овальную форму, вытянутую по линии запад-восток (т.е. по склону). Длина его 42 см, ширина 23 см и мощность 5-7 см. Очаг состоял из зольной массы и древесных углей, группирующихся по периферии. Форма кострища, а также полоса древесных углей, прослеживающаяся к западу до кв. И-3 (около 3 м), свидетельствуют о том, что кровля была размыта в древности. Вокруг очага обнаружено несколько выразительных каменных изделий, включая орудия и песчаниковую гальку с интенсивно забитыми краями. Наибольший интерес представляют два обломка листовидных бифасов, к одному из которых в ходе раскопок был подобран фрагмент нижнего конца, обломанный в древности. Последний был найден в юго-западном углу раскопа 1 (кв. Е-6) на расстоянии около 11 м от первого. Это не единичный случай находок обломанных и подбирающихся частей каменных изделий, хотя специальных работ по ремонту на стоянке не проводилось. Остатки небольшого и плохо сохранившегося костра обнаружены также и на раскопе 3 – в том же слое.

На прилегающих к очагу квадратах раскопа 1 выявлено три ямки. Одна из них № 1, диаметром 20 см, зафиксирована на кв. М-4. Вторая (№ 2) – на кв. Л,М-5 (диаметр 30 см). Третья (№ 3), впервые обнаруженная И.К. Ивановой, расположена на границе кв. К-5, К-4, Л-5 (диаметр 22 см).

Глубина ямок, которую не удалось выявить до конца, прослежена до 10-15 см. Все они были заполнены белесым суглинком. Наиболее детально изучена ямка № 1 с кв. М-4. Поверхность, от которой начинается верхняя кромка ("плечики") ямки, соот

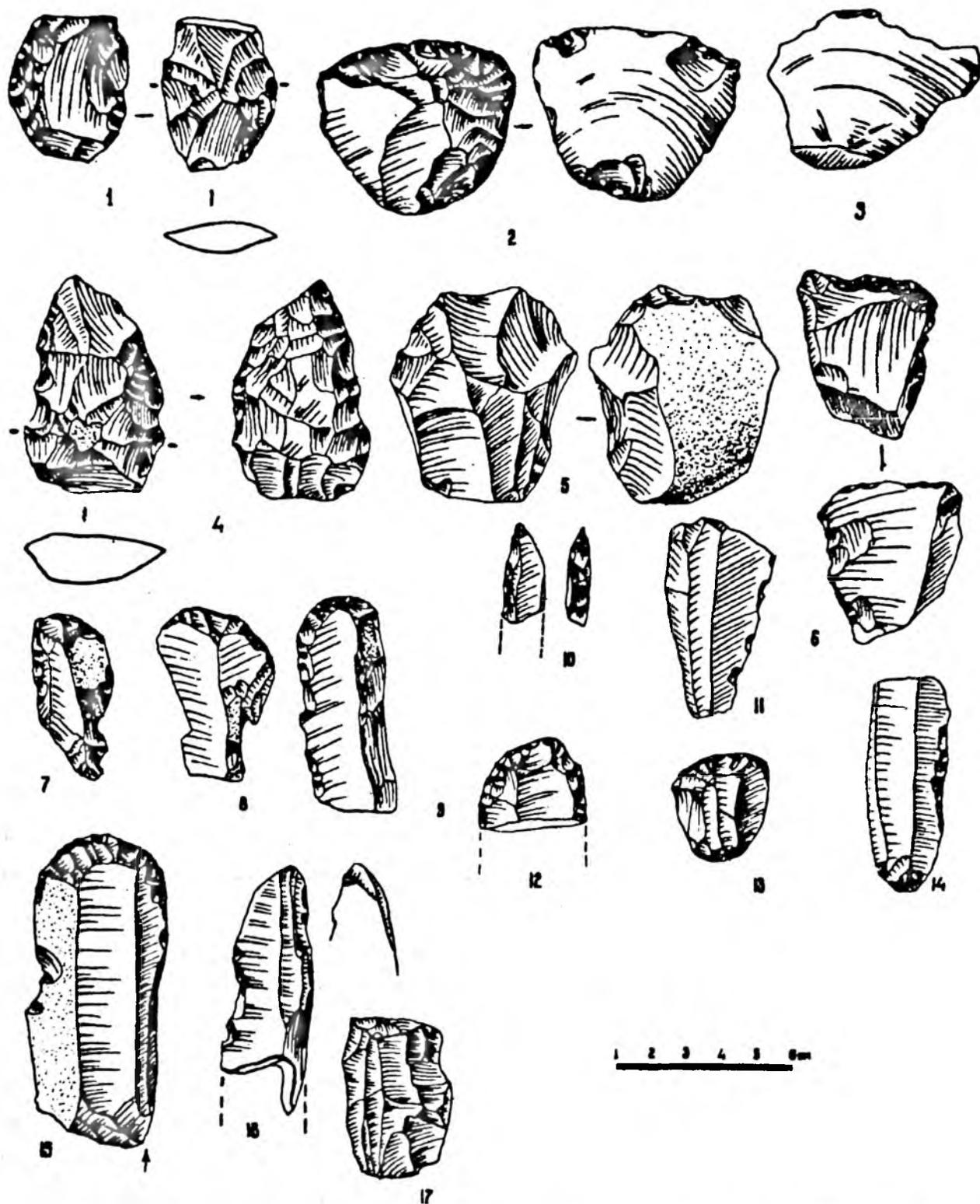

Рис. 19. Каменные изделия стоянки Стинка 1. Подъемный материал 1974 года. Среднепалеолитический комплекс: 1,4 - орудия с двусторонней обработкой; 2 - угловатое скребло; 3,6 - отщепы; 5 - нуклеус. Верхнепалеолитический комплекс: 7,8,9,12,13,15 - скребки; 10 - обломок острия с притупленным краем; 11,14 - пластинки с ретушью; 16 - резец; 17 - нуклеус.

ветствует нижней части культурного слоя и имеет глубинную отметку -94, а ее низ, где резко исчезает желто-серый (белесый) известковистый суглинок, врезанный в красновато-бурую глину с мелкой галькой, находится на глубине -105. К сожалению, точное положение "плечиков" ямки, которые должны были фиксировать поверхность "пола", удалось выявить только для этого единственного объекта.

Следующая ямка (№ 2) расположена на границе кв. Л,М-5 и обнаружена при зачистке стенки, а поэтому установлена лишь половина ее. Вторая половина уходит на не раскопанную линию квадратов М. Верхняя часть выделяется с большим трудом, контуры нечеткие. Лишь на глубине 10 см от предполагаемых "плечиков" (в нижней трети) контуры ямки выделяются весьма четко, а диаметр ее сокращается с предполагаемых 30 см до 21 см. Общая глубина данной ямки, которую удалось проследить, равна примерно 15 см.

Третья ямка, выявленная впервые И.К. Ивановой, прослежена лишь частично. Удалось выяснить только ее диаметр, который равен 22 см.

В процессе раскопок установлено, что древесные угольки из нижнего слоя отличались от угольков из верхнего слоя более мелкими размерами. Отсюда можно сделать вывод о том, что в период существования стоянки Стинка 1/верхний слой для кострищ использовались, в основном, сучья и валежник сравнительно крупных деревьев, в то время как для костров нижнего слоя чаще применялся хворост, представленный, по видимому, кустарником и более мелкими породами деревьев.

В данном случае необходимо оговорить, что весь древесный уголь из нижнего слоя, найденный до раскопок 1967 г., первоначально воспринимался, как переотложенный, и возраст его считался неопределенным. По этой причине он специально не собирался, что является моим существенным просчетом. В этой связи не было достаточно детально зафиксировано скопление древесных углей на кв. Ж-6, которое находилось в нижнем слое. Тогда я посчитал это скопление сомнительным, допуская его более поздний (верхнепалеолитический) возраст. Для анализа был отобран уголь только из достоверного кострища, раскопанного в 1967 г.

Лучшая сохранность нижнего слоя характерна для восточного участка (примерно до линии квадратов К), где белесый известковистый суглинок перекрыт гумусированной прослойкой. Разделяющий оба культурных слоя стерильный горизонт (светло-бурый суглинок с темными примазками и гумусированная прослойка) здесь имеет наибольшую мощность, достигая порой 0,4 м. Культурный слой по линии квадратов К, хотя и находился под стерильной прослойкой, все же имел следы деформации отложений: в частности, гумусированная прослойка здесь весьма слабая и прерывистая. На уровне ее в кв. К-4 прослеживается очень тонкий и прерывистый горизонт мелкой гальки (2-3 см), в то время как белесый суглинок представлен лишь частично. Всюду вместо интенсивно гумусированной прослойки прослеживается слабо гумусированный слой мощностью 15-20 см, с включениями мелкой гальки и гравия. В нем залегают находки нижнего слоя.

Далее идет центральный участок (от линии И до Ж), где гумусированная прослойка отсутствует, а известковистый суглинок встречен (местами) лишь в западинах на линии И. Наблюдается выклинивание стерильной прослойки, которой уже нет на линии З. Находки каменных изделий залегают в различных положениях, часто вертикально, а толщина слоя увеличивается местами до 20 см. Однако здесь еще прослежи-

вались незначительные скопления древесных углей. Отмечались кремневые предметы, поврежденные морозобойными процессами, причем отслоившиеся от них осколки находились здесь же, на поверхности этих изделий. Этот факт указывает на то, что кремневые изделия нижнего слоя подвергались воздействию морозобойных процессов непосредственно в еще не нарушенном слое.

Интересно отметить, что в основании нижнего слоя на кв. 3-4 прослежена промывка шириной 20-25 см и длиной до 1,5-1,8 м при глубине 10-12 см, заполненная гумусированным суглинком с обилием гальки и мелкого гравия. Немногочисленные каменные изделия, найденные здесь, залегали в кровле. Кроме того, гумусированный суглинок прослеживался на той же линии 3 в западинах, выявленных в основании нижнего слоя. Это скорее всего указывает на то, что в данном случае суглинок представляет собой остатки размытой почвы, образовавшейся в период интерстадиала и представленной на линиях квадратов М и Л гумусированной прослойкой, а на квадратах К и частично И - слабогумусированным слоем.

На следующем участке (линии Ж-Д) каменные изделия рассеяны по единой толще коричневого суглинка с включениями гальки и гравия. Древесные угольки были здесь единичны, но зато многочисленны расслоившиеся кремневые изделия. Они залегали в самых разных положениях, нередко вертикально. Отслоившиеся от них осколки зафиксированы ниже по склону на расстоянии до 4 м.

Западный участок (линии В-Г) представляет собой полностью разрушенную часть поселения. Однако находки оттуда связаны с двумя различными литологическими горизонтами. Нижний из них (нижний слой), мощностью от 0,15 м до 0,25 м, представлял собой красно-бурую глину, заполненную галькой и обильными (порой слабоокатанными) кремневыми осколками и чешуйками, отслоившимися от основной поверхности артефактов. Верхний слой на данном участке залегал в суглинке коричневого и светло-бурого цветов. Здесь же (на линиях 2-3) были встречены, как уже отмечалось выше, единичные находки верхнепалеолитического облика. Горизонт с основными находками нижнего слоя залегал в основании позднеплейстоценовых отложений компактно; разброс глубинных отметок редко превышал 15 см.

Итак, находки нижнего культурного слоя на значительной части раскопа дважды были как бы "запечатаны". В одном случае их перекрывает гумусированная прослойка, в другом (там, где слой переотложен) - красно-бурая глина, в которой находились каменные изделия нижнего слоя. В последнем случае каменные изделия находятся в переотложенном состоянии, располагаясь в глинистых отложениях из размытых верхов аллювия IV надпойменной террасы.

В целом, если проанализировать материал по трем исходным признакам стабильности подлинного культурного слоя (см.: Беляева, 2002: 39-40), то на раскопе 1 мы получим три участка различной степени сохранности. Первый, восточный участок (линии квадратов Л, М и частично К), характеризуется: а) наличием элементарных заполнителей (чешуек и мелких осколков кремня, угольков и отдельных золистых включе-

ний); б) элементами слоя (кремневые и кварцитовые изделия), среди которых нет костей животных; в) присутствием объектов культурного слоя. Последние представлены очагом и тремя ямками, расположенными восточнее и юго-восточнее кострища. Показательно, что все эти элементы, в целом, соответствуют единому уровню залегания мощностью до 15 см.

Второй участок, центральный, отличается от первого отсутствием объектов культурного слоя, а также "всплыванием" угольков, располагавшихся обычно в кровле слоя или в пределах так называемого "среднего горизонта" нижнего культурного слоя. Каменные изделия залегают тут в самых различных положениях. Отмечается увеличение количества обломков и осколков.

Для третьего или западного участка (линии кв. В,Г,Д,Е) характерным является лишь один показатель, а именно каменные изделия, которые часто лежат вертикально. Многочисленны обломки и осколки, многие из которых носят следы морозобойных процессов. Часто встречаются мелкая галька и гравий. Толщина подобного "культурного слоя" увеличивается местами до 22 см, а местами не отделяется от "среднего горизонта".

На западных квадратах Д-Ж локализуется значительная часть находок крупных нуклеусов. Наиболее насыщенные находками квадраты, где обнаружено 57 (Е-6) и 54 (Д-5) кремневых и кварцитовых изделий, расположены к западу от линии Ж. Исключением является кв. З-2, где также найдено 52 предмета. Самыми бедными оказались кв. М-3 (13 экз.) и Ж-9 (10 экз.). Костей животных не найдено вообще, исключая один крупной неопределимый обломок костного вещества (кости?) очень плохой сохранности.

Итак, нижний культурный слой Стинки 1 сохранился весьма удовлетворительно только на небольшом участке восточной части раскопов 1 и 3. На остальной площади речь может идти лишь о частичной сохранности слоя, включая его переотложенность на тех западных квадратах, где мощность отложений не превышает 60 см. Здесь, тем не менее, находки нижнего слоя связаны с определенным типом отложений, который не позволяет видеть здесь какую-либо позднюю примесь. Если учесть, что в промоинах, обнаруженных в основании нижнего слоя на квадратах западнее линии К (т.е. ниже по склону), выявлен гумусированный суглинок, то, по-видимому, размывание отложений произошло во время образования гумусированной прослойки, перекрывшей белесый лессовидный суглинок с находками каменных изделий нижнего слоя, т.е. где-то во время относительно влажного интерстадиала среднего вюрма.

К сожалению, учитывая степень сохранности культурных слоев и отсутствие костей ископаемых животных, наши данные по планиграфии поселения можно считать ущербными. Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, стоянка Стинка 1/нижний слой занимала значительную площадь, составлявшую примерно 1600 кв. м. Поселение располагалось высоко над урезом реки у водного источника и мест добычи сырья. Без сомнения, значительная часть нижнего культурного слоя оказалась разру

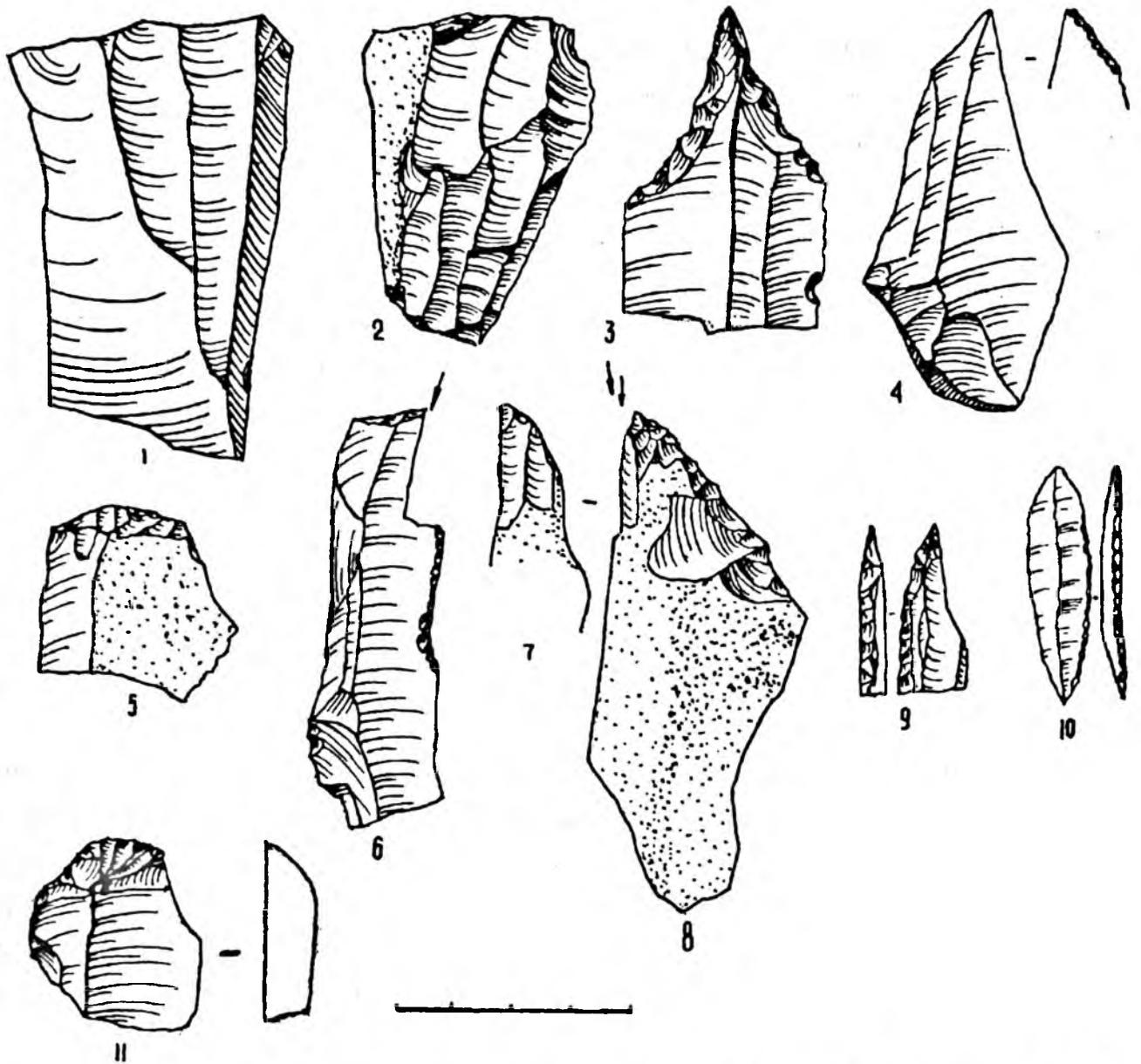

Рис. 20. Стинка 1. Комплекс верхнего палеолита из раскопа 2. 1,2 - нуклеусы; 3 - острие на обломке пластины; 4 - пластинчатый отщеп с мелкой ретушью; 5,11 - скребки; 6 - резец боковой; 7-8 - массивный боковой резец; 9,10 - острия с притупленными краями.

шена или подверглась существенной деформации. Только незначительная часть его сохранилась в мало потревоженном состоянии. Можно допустить, что перспективный для раскопок участок, с сохранившимся культурным слоем (окраина стоянки), расположен восточнее и частично южнее линий М и Л. Где мог находиться центр поселения? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Установлено, что наиболее крупные ядрища локализуются на западной окраине стоянки, а это позволяет предположить существование здесь основной рабочей площадки. Достоинно внимания то, что к очагу на кв. Л-3, у которого найдены крупная галька песчаника с забитыми краями и несколько орудий, включая два листовидных бифаса, примыкают три ямки. Они ограничивают с юго-востока, юга и юго-запада определенное пространство, позволяя предположительно видеть здесь остатки простейшего жилого сооружения (Рис. 18). Важно в этой связи обратить внимание, что данное жилое пространство у очага защищено с востока и юго-

востока, как и все поселение, расположенное в ложине, но открыто на север и северо-запад. Этот факт представляет существенный интерес.

Обитатели верхнего и нижнего слоев стоянки Стинка 1 поселились на удобном месте у источников воды и сырья для изготовления каменных орудий. Сырьем им служил либо галечник из аллювия этой террасы, либо желвачный кремль из цоколя террасы. Стоянка была открыта на северо-запад, но закрыта, располагаясь в ложине, от восточных, юго-восточных и южных ветров. Она не просматривается с противоположного (левого) берега Днестра, зато с поверхности мыса имеется хороший обзор долины, как вниз по течению реки, так и выше.

Возможно, подобное расположение поселения и предполагаемого жилого сооружения обусловлено природными особенностями того отрезка позднего плейстоцена, когда существовало поселение нижнего культурного слоя. На то, что это не случайно, указывает полное отсутствие каких-либо каменных изделий на противоположном, восточном склоне Каменного яра (на Стинке Большой), где, несмотря на тщательные поиски, никаких палеолитических артефактов не найдено. Та же ситуация повторилась и на соседнем местонахождении Стинка 2, где на противоположном, восточном склоне были обнаружены только единичные каменные изделия энеолитического облика. В первом и втором случаях мы имеем дело с иной, чем на Стинке 1, экспозицией мест предполагаемых стоянок. Также не было стоянки на противоположном, юго-восточном склоне Стинки Малой, где в карьере и на поверхности найдены лишь единичные патинированные кремневые изделия. Здесь, помимо иной экспозиции, отрицательную роль сыграл такой важный для организации поселения фактор, как отсутствие необходимого людям источника пресной воды.

В данном случае возникает интересный вопрос о причине расположения стоянки так высоко над уровнем реки и устройства ее на северных или северо-западных участках мыса. В указанную сторону открыта часть каньонообразной долины Днестра, и отсюда же постоянно дуют холодные ветры, приносящие продолжительное (как и в наше время) ненастье. Может быть, это связано, наряду с иными причинами (хорошим обзором долины реки вверх и вниз по течению), также с защитой поселений древних людей от полчищ кровососущих насекомых, господствовавших, как можно предположить, в летнюю пору в пойме и на низкой террасе, почти непосредственно у реки. В этой связи важно указать, что соседняя стоянка Кетросы, расположенная низко, на уровне позднеплейстоценовой поймы, по-видимому, функционировала осенью. Это подтверждается целым рядом фактов, включая находку обломка челюсти жеребенка 5-6 месячного возраста, (Анисюткин, 2001: 166). Осень – период ночных (а возможно, и дневных) заморозков, позволявших людям среднего палеолита спокойно обитать в этой части долины в данный отрезок времени. Возможно, и прочие мустьерские стоянки региона (Молодова 1 и 5), расположенные так же низко, существовали именно в осенний период.

В это время на большей части территории перигляциальной Европы преобладали так называемые травяные биомы (Жерихин, 2003: 139-148), существование которых

основано на коэволюции разнообразных злаков и крупных травоядных млекопитающих. При наличии ряда условий, многочисленные стада копытных животных (включая прежде всего гигантских фитофагов-мамонтов и шерстистых носорогов) были вполне способны воспрепятствовать восстановлению лесной растительности, сохраняя тем самым открытые пространства. Специфические ландшафты тундростепей, напоминающие, в какой-то мере, современные саванны Восточной Африки, были типичны именно для плейстоцена. Данные спорово-пыльцевого анализа указывают, что в период существования стоянки Стинка1/нижний слой здесь существовали именно подобные ландшафты, а леса из сосны и березы были приурочены, скорее всего, к речным долинам.

Для охотников-собирателей расположение стоянки на мысу высокой террасы имело большое значение, ибо позволяло контролировать охотничьи угодья – пойму и низкие террасы, на которых паслись стада копытных животных. В это время, как свидетельствуют данные палинологии, в окрестностях преобладал ландшафт перигляциальной лесостепи с участками сосново-березовых лесов, с примесью ивы и ольхи, приуроченных к речным долинам. Во время холодного стадияла на указанной территории водились многочисленные копытные животные. Как свидетельствуют региональные данные палеозоологических исследований (стоянки Молодова 1 и 5, Шипот 3, гроты Тринка 1-3), это были крупные лошади (*Equus latipes*), ослы (*Equus (Asinus) hydruntinus*), гигантские и благородные олени, лоси, бизоны, шерстистые носороги, мамонты, а также северные олени. На стоянках изредка встречаются кости антилопы сайги, отдельные стада которой проникали сюда, видимо, в конце лета. Напротив, северные олени, представленные тундровой формой, появлялись на данной территории, в основном, в период сезонных миграций, спускаясь с Карпатских гор, где они жили в теплое время года. Впрочем, имеются данные о том, что в какие-то периоды северные олени обитали в долинах Днестра и Прута круглый год [Давид, 1980: 140-142]. Такое было возможно лишь во времена значительных похолоданий. Во всяком случае, в среднем палеолите, в отличие от конца верхнего палеолита, кости северных оленей на стоянках не столь уж обильны, постоянно уступая в количественном отношении костям лошади. Обломки костей этой последней почти всегда занимают первое место (если при подсчете иметь в виду только копытных животных). Многочисленные обломки костей пещерного медведя, обнаруженные в гротах Молдовы, указывают на то, что эти животные были охотничьей добычей палеолитических людей, скорее всего, в холодный (зимний) период времени.

Обилие крупных млекопитающих, в первую очередь копытных, позволяло палеолитическим людям успешно добывать себе необходимое пропитание при помощи охоты, которая, наряду с собирательством, давала им возможность существовать в данном регионе независимо от существенных изменений климатической обстановки. Любопытно, что разница между среднегодовой температурой относительно теплого интерстадияла бреруп (до +2) и холодного стадияла раннего вюрма (до -2) была весьма значительной [Болиховская, 1995: 115].

Обитатели нижнего слоя жили, как уже отмечено выше, в суровых условиях: климат был очень холодным и сухим. На это указывают, как палинологические и литологические данные, так и многочисленные кремневые изделия со следами морозобойных повреждений, которых в верхнем слое практически нет. Поврежденные морозобойными процессами кремни найдены почти по всей площади стоянки, но они относительно редки на восточных квадратах по линии М-Л. Это обстоятельство дает основание предположить, что в момент оставления стоянки, во время частичного погребения культурного слоя, активное воздействие морозобойных процессов на каменные изделия обусловлено, в частности, маломощностью снежного покрова. Последний, при значительной его толщине, должен был бы сохранить артефакты неповрежденными.

Интересно, что согласно палинологическим данным, обилие пыльцы осота и других сорных растений в нижнем слое указывает на значительное повреждение поверхности обитания, подвергшейся сильному вытаптыванию ногами людей. Наряду с находками сильно обожженных кремней, это свидетельствует об интенсивном использовании площади поселения, скорее всего, в летнее время. Совокупность разнообразных показателей позволяет отнести стоянку Стинка 1 к числу типичных сезонных поселений, на которых проводились разнообразные виды работ, включая также и первичное расщепление камня.

Глава 5

ДАТИРОВКА СТОЯНКИ И ВОПРОСЫ ХРОНОСТРАТИГРАФИИ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ПРИДНЕСТРОВЬЯ.

Определение возраста собственно палеолитической стоянки Стинка 1 весьма затруднительно по причине плохой сохранности слоев и малой мощности четвертичных отложений. Абсолютные даты отсутствуют. Два хороших образца древесного угля и золистой массы из очага нижнего слоя, а также углей из разрушенного кострища верхнего слоя, переданные мною в радиоуглеродную лабораторию ЛОИА АН СССР еще в 1969 г., были, к сожалению, утеряны. В дальнейшем не удалось получить даты и по двум образцам обожженного кремня из нижнего слоя Стинки 1, которые я передал для анализа британскому ученому Ф. Оллсворду-Джонсу.

Указанное обстоятельство сыграло решающую роль в том, что в современных публикациях, где первостепенное значение стали играть абсолютные даты, стинковские материалы до сих пор остаются не востребованными. Исключением является работа крупнейшего европейского специалиста по палеолиту Я. Козловского, который увидел реальную культурно-генетическую связь стинковского мустье с региональным верхним палеолитом [Kozłowski, 1995: 95].

Предполагаемая датировка, опубликованная мною в предыдущей монографии [Анисюткин, 2001], основана на косвенных данных: геологических исследованиях, данных спорово-пыльцевого анализа, а также на технико-типологическом анализе дан-

ных каменных индустрий верхнего и нижнего слоев Стинки 1. Полученные результаты были соотнесены с биостратиграфической колонкой, основы которой разработаны в настоящее время для Приднестровья. Фундаментом этих исследований явились комплексные междисциплинарные изыскания, проведенные на таких опорных стоянках как Молодова 1 и 5, Кормань 4, Кетросы, расположенных на правом берегу Днестра, в пределах Черновицкой области Украины, и связанных с отложениями II надпойменной террасы.

Данным разрезом вскрыта и охарактеризована единая стратифицированная последовательность отложений позднего плейстоцена. Основанием данной толщи является русловая фация аллювия, представленная многометровыми галечниками, которые датируются рисс-вюрмским или микулинским межледниковьем [Иванова и др. 1981]. Лежащие выше этого аллювия четвертичные отложения имеют уже вюрмский возраст, включая отложения пойменной фации. К конкретным подразделениям этого лессово-почвенного разреза II надпойменной террасы Днестра могут быть привязаны единичные стоянки, которые обнаружены на более высоких террасах и которые имеют соответствующую аналитику, к их числу и следует отнести оба среднепалеолитических слоя Стинки 1.

К сожалению, абсолютная хронология мустьерских стоянок в Приднестровье и соседней Северной Молдове в настоящее время разработана явно недостаточно. Имеющиеся даты среднепалеолитических слоев стоянок Молодова 1 и 5 позволяют сделать лишь один однозначный вывод: отложения, в которых формировались эти культурные слои, явно древнее 40.000 л.н. Более реальной представляется датировка I культурного слоя стоянки Кормань 4 (44.000 л.н.), но это всего лишь одна дата, которая требует подтверждения. Большое сомнение вызывают также и радиоуглеродные даты грота Буздужаны 1: если для слоя 6 она равна 35.400 л.н., то для лежащего ниже слоя 8 – 35.300 [Синицын и др. 1997: 24]. Обе даты получены из различных литологических горизонтов, отличающихся составом фауны: в горизонте (культурном слое) 8, отделенном от горизонта 6, отложениями горизонта 7, нет костей северного оленя, но зато относительно хорошо представлены кости бизона [Анисюткин, 2001: 127-131]. Все эти данные (вместе с литологией и стратиграфией) указывают на значительный хронологический разрыв между названными выше культурными слоями, хорошо подтверждая известную истину о том, что радиоуглеродные даты древнее 40.000 л.н., являются за пределами. Примеры варибельности подобных дат в пределах единого слоя, даже для верхнего палеолита, достаточно многочисленны [Синицын и др. 1997]. Весьма красноречивой является таблица с подборкой абсолютных дат для шательперрона, опубликованная в одной из последних французских работ, где они существенно варьируют во времени [Djindjian, 2003: 284].

Если обратиться к примерам абсолютных датировок среднего палеолита, то полезно привести данные известной стоянки Зальцгитер-Лебенштедт (Salzgitter-Lebenstedt) в Германии, которая первоначально относилась даже к ашельскому времени и да-

тировалась рисским оледенением [Bosinski, 1967]. В настоящее время для стоянки получено 15 дат, которые варьируют от 20.000 до 56.000 л.н. Две Th/U даты, опубликованные для этого памятника, также плохо соотносятся друг с другом, варьируя от 76.300 до 43.300 л.н. [Pastoors, 1998: 528]. Ныне стоянка датирована стадиалом среднего вюрма (около 50.000 л.н.) на основе комплекса данных, включая прежде всего биостратиграфические.

Также недостаточными можно признать несколько термолюминесцентных дат, которые во многих случаях резко расходились с ожидаемыми предварительными датировками, полученными для территории Подолии и Верхнего Приднестровья с помощью геологических и археологических методов [Ситник, 2000]. Серия ранних ТЛ дат, установленных для опорных разрезов Украины, ныне, на основе усовершенствованных методик, пересмотрена в сторону их омоложения [Колесник, 2003: 19-20]. Несомненно, так называемая абсолютная хронология, которая постоянно совершенствуется, является абсолютной лишь условно, будучи, тем не менее, очень важным способом определения возраста различных палеолитических стоянок. Она является незаменимой для ряда памятников, включая, прежде всего, пещерные и не связанные с речными надпойменными террасами.

Достаточно надежные сведения для выявления возраста среднепалеолитических памятников Среднего Приднестровья дает относительная геохронология, которая позволяет установить очередность событий плейстоценовой истории. Геологи, как известно, всегда работали в системе этого относительного (геологического) времени. Точность, с которой можно определить положение некоего события в шкале относительного времени, прямо зависит от ее дробности (т.е. числа составляющих шкалу событий) и полноты: события должны распределяться по шкале более или менее равномерно, без "пустот" (хиатусов). Но здесь, если иметь в виду региональный поздний плейстоцен, встают определенные трудности. Так если на конкретном разрезе стоянки Кетросы выделяется до пяти ископаемых почв и гумусированных горизонтов, соответствующих периоду существования среднего палеолита, а для молодых стоянок - до четырех, то в Подолии и Верхнем Приднестровье их всего две [Ситник, 2000: 316-320]. Поэтому надежная корреляция всех этих почв и почвенных горизонтов с известными европейскими стратотипами пока еще весьма затруднительна.

Тем не менее, очень важно, что все подразделения лессово-почвенной толщи разреза II надпойменной террасы Среднего Днестра всесторонне охарактеризованы палинологами, почвоведом, палеонтологами и литологами, что позволило выявить их специфику. Это дает основания для привязки конкретных разрезов, расположенных на более высоких террасах, но имеющих соответствующую аналитику, к тем или иным региональным подразделениям позднего плейстоцена. Правда, не следует забывать о том, что и в данном генерализованном разрезе II надпойменной террасы, если коррелировать его с европейскими разрезами, имеются очевидные "пустоты". Например, если на европейских разрезах [Kozłowski, 2003] средний вюрм представлен в мустьерское

время как минимум тремя интерстадиалами - оерель, глинде, моерсхофд (Oerel, Glinde, Moershoofd), то у нас выделялся только один - моерсхофд [Иванова, 1981]. С каким межстадиалом нужно сопоставлять наш "моерсхофд"? К примеру, на стоянке Кормань 4 подобное определение охватывает две ископаемых почвы, в Кетросах - одну, на разрезах Молодова 1 и 5 - несколько, а на Стинке 1 - остатки как минимум двух. Скорее всего наш "моерсхофд" должен рассматриваться в качестве более общего понятия, включающего раннюю пору средневюрмского мегаинтерстадиала.

Таким образом, сегодня имеются объективные данные, основанные, главным образом, на разрезах Кетросов и Кормани 4, которые позволяют отделить совокупность ранних средневюрмских интерстадиалов от подстилающих их более древних ранневюрмских (амерсфорт, бреруп-оддерраде) и перекрывающих - более поздних средневюрмских (хенгело, паудорф). Предшествующие и последующие межстадиалы характеризуются постоянным присутствием пыльцы широколиственных деревьев, которые не характерны для прохладного средневюрмского интерстадиала. Правда, по данным палинолога Г.М. Левковской, в это самое время в Костенках выделяется достаточно теплый интерстадиал, который тоже может быть сопоставлен с моерсхофдом [Аникович, Хоффекер, Попов, Кузьмина, Левковская и др. 2004]. Но ситуация в Приднестровье была иной. А поскольку в данной работе основу составляет именно региональная аналитика, это дает мне основания для корреляции отдельных разрезов, охарактеризованных палинологами, с обобщенным разрезом II надпойменной террасы р. Днестр. Следовательно, если иметь в виду геохронологическую шкалу территории Среднего Приднестровья, то здесь можно выделить несколько хронологических отрезков (не менее 9), воспринимая их в качестве специфического "циферблата" геологических часов позднего плейстоцена, которые дают возможность упорядочить "археологическую летопись" региона в эпоху среднего палеолита. Эти временные отрезки соотносятся с распространенной в Европе кислородно-изотопной шкалой. Тем самым, мы получаем желаемую абсолютную хронологию, увязанную с событийной относительной хронологией позднего плейстоцена. Правда, если иметь в виду особенности нашего региона, эта корреляция пока еще далека от совершенства.

Так или иначе, для построения хроностратиграфической шкалы региона важнейшее значение имеют биостратиграфические показатели. В силу применяемого в геологии принципа Гексли или закона фаунистических и флористических ассоциаций (слои, содержащие ископаемые остатки одних и тех же видов животных и растений, образовались в одно и то же время), они позволяют синхронизировать отложения, залегающие в разных местах.

Не только для геолога, но и для археолога-палеолитоведа, первостепенное значение имеет не просто та или иная дата, указывающая, что некий памятник существовал в пределах, к примеру, 45.000-50.000 л.н., но привязка изучаемого объекта к конкретному биостратиграфическому подразделению. В данном случае, примером могут послужить две абсолютных даты, приводимых для интерстадиала бреруп и до сих пор

используемых специалистами в качестве равноценных: 63.500-64.400 л.н. [Болиховская, 1995: 115] и 103.000 л.н. [Былинский, 1989: 33; Кулаковская, 2003: 15]. Та же ситуация характерна для абсолютных датировок и иных подразделений четвертичного периода. Многое здесь зависит от времени получения дат.

Правда, не всегда надежны и приводимые корреляции. Хорошим примером тут может служить "молодовский бреруп", который был выделен И.К. Ивановой в то время, когда господствовала схема трехчленного подразделения вюрма, где следующим после брерупа интерстадиалом считался паудорф [Ivanova, 1969 : 39]. В период последнего уже существовали, как известно, развитые индустрии верхнего палеолита. Правда, И.К. Иванова в своем трехчленном подразделении вюрма обращала внимание на более дробное подразделение, включая межстадиалы амесфорт и бреруп в ранней поре и "готтвейг" в средней [Иванова, 1965: 138]. Последний, как теперь выясняется, может в той или иной мере быть сопоставлен с современным средневюрмским мегаинтерстадиалом, включающим такие интерстадиалы, как моерсхофд и хенгело. В дальнейшем И.К. Иванова перестала использовать такое понятие как "готтвейг", перейдя на более современную номенклатуру. В настоящее время установлено, что между брерупом и паудорфом выявляется несколько выразительных интерстадиалов. В ходе построения предполагаемой хронологии комплексов стоянки Стинка 1, я максимально использую всю имеющуюся информацию.

Датировка верхнего среднепалеолитического слоя (Рис. 53), каменные изделия которого найдены в нарушенном и даже переотложенном положении, может быть лишь предварительной. Она базируется, в основном, на технико-типологических выкладках, а также на том предположении, что основание слоя связано с ископаемой почвой периода интерстадиала, которую можно сопоставить с межстадиалом хенгело. Именно в это время в регионе осуществлялся переход от среднего палеолита к верхнему.

Определение возраста каменной индустрии нижнего слоя, где заметная часть каменных изделий найдена в подлинном культурном слое, может быть более надежным. В этой связи нужно вновь подробно остановиться на геологических и палинологических данных, обратив внимание на то, что, по сравнению с семидесятыми годами, новые изыскания в области изучения четвертичного периода существенно обогатили возможности наших современных интерпретаций.

В своей итоговой публикации, посвященной Стинке 1, И.К. Иванова отметила, что нижний слой следует определить как послерисский и, как она допускала, допаудорфский [Иванова, 1969: 135]. За следы воздействия рисского оледенения исследовательница приняла наблюдавшуюся плоскостную эрозию кровли аллювия IV надпойменной террасы, где только пятнами сохранились размытые остатки миндель-рисской (как она предполагала) ископаемой почвы. На эродированной поверхности многометровой толщи галечников накопились позднеплейстоценовые лессовидные суглинки, которые можно подразделить на две части. Нижний уровень, который прослеживался только на нескольких восточных квадратах раскопа, - карбонатный лессовидный суг-

линок, верхний - глинистый суглинок со следами почвообразования. Гумусированная прослойка, отделяющая нижний лессовидный суглинок от лежащего выше глинистого суглинка, представляла собой, по предположению И.К. Ивановой, остатки размытой ископаемой почвы, аналог которой был выявлен по соседству с раскопом в расчистке геологов. Эта ископаемая почва черноземного типа сопоставлялась с однотипной (по заключению И.К. Ивановой) паудорфской ископаемой почвой. В этой связи важно обратить внимание на то, что в 1967 г. наши геологи еще не выделяли в Приднестровье аналога интерстадиала моерсхофд.

Правда, если иметь в виду только рисковую эрозию, то необходимо, как мне представляется, обратить внимание на следующие факты, которые указывают на следы более поздних, вюрмских нарушений. В пределах подошвы поврежденного нижнего культурного слоя, вниз по склону (к западу) от участка с сохранившимся слоем, выявлены промоины и линзы, заполненные галькой и полуокатанными осколками камней, которые находились на эродированной поверхности аллювия. В них постоянно встречались многочисленные кремневые изделия среднепалеолитического облика. Это указывает на то, что поверхность аллювия подвергалась эрозии уже в позднем плейстоцене. С другой стороны, гумусированная прослойка имеет слишком малую мощность и наличия ее не достаточно, на мой взгляд, для определения типа размытой ископаемой почвы. Необходимо обратить внимание на то, что контакт гумусированной прослойки с нижележащими отложениями резкий, а с верхними - нечеткий.

Напомню еще раз: палинологический анализ образцов, отобранных на восточном квадрате (М-3) с удовлетворительно сохранившимися отложениями, показал, что в период формирования нижнего культурного слоя климат был холодным и сухим. Подтверждением суровости климата во время образования лессовидных суглинков нижнего слоя является обилие в нижнем слое кремневых изделий со следами морозобойных повреждений поверхностей.

Спорово-пыльцевой анализ образцов из перекрывающего гумусированного горизонта указал на некоторое потепление климата, хотя ландшафт по-прежнему представлял собой перигляциальную лесостепь с абсолютным господством пыльцы травянистых растений. Среди древесных пород преобладали сосна и береза, но, в отличие от нижнего слоя, последняя здесь доминирует. Появились лещина и ива, указывающие на слабое потепление, которое прослеживается и выше, где имеются следы почвообразовательных процессов. Подобные характеристики типичны, если использовать для сопоставления данные разрезов стоянок Кормань 4 и Кетросы, для интерстадиала моерсхофд. На этом основании отложения нижнего слоя отнесены мною ко времени холодного стадиала. Данный период соответствует раннему плингициалу, предшествующему средневюрмскому межстадиалу моерсхофд (Рис. 55).

Относительная геохронология палеолита, несмотря на все плюсы абсолютной, является сегодня вполне самостоятельной, тем более в Среднем Приднестровье, где особенно хорошо разработаны биостратиграфические критерии. Наиболее детально и

полно палинологическим методом исследованы мощные позднеплейстоценовые разрезы юго-западного сектора лессово-почвенной формации Русской равнины [Болиховская, 1995: 77].

Поэтому геохронологический метод относительной датировки, принятый мною для нижнего слоя Стинки 1, следует считать сегодня вполне допустимым. Для подтверждения обоснованности моих выводов использую данные из монографии известного отечественного палинолога и палеогеографа Н.Б. Болиховской, которая в течение долгого времени работала на разрезах Приднестровья, включая наши совместные исследования в Кетросах [Болиховская, 1995]. В этой монографии, являющейся важной научной работой узкого специалиста, обобщены данные палинологических исследований на опорных разрезах Среднего Приднестровья (Молодова 1 и 5, Кетросы, Кормань 4) и предложена единая биостратиграфическая колонка позднего плейстоцена. Г.С. Болиховская предпочла, в отличие от И.К. Ивановой, всем выделенным межстадиалам дать местные названия, не отождествляя их напрямую с европейскими стратотипами, что, на мой взгляд, логично.

В Приднестровье сложно построенная лессово-почвенная толща залегает на многометровом (до 10 м) речном аллювии и достигает мощности 25 м. Значительная часть этой позднеплейстоценовой толщи выявлена на стоянке Молодова 1 и продублирована разрезом Молодова 5, где ископаемые почвы выражены более отчетливо, но все же недостаточно по причине неизученности нижней части разреза. Хорошим дополнением к молодовской лессово-почвенной толще явились разрезы на стоянках Кормань 4 и Кетросы. Они дали возможность для более полного изучения нижней и средней части лессово-почвенной толщи II надпойменной террасы Днестра, которая не была доступна для изучения на молодовских стоянках.

Особая роль принадлежит здесь стоянке Кетросы, где на 5-6 метровом разрезе прослежены один хорошо выраженный культурный слой и 4 горизонта находок с костями ископаемых животных (преимущественно, мамонта) и мустьерскими каменными изделиями. Здесь же выявлено до четырех ископаемых почв и почвенных горизонтов. Таким образом, эта толща отложений характеризует почти весь "мустьерский вюрм". Находки бесспорного верхнего палеолита происходят только из голоценовой почвы (обломок патинированной пластинки) и, вероятно, из кровли лессовидного суглинка, где на глубине около 0,5 м от современной дневной поверхности найдено в переотложенном виде несколько отщепов и атипичный скребок, которые можно отнести, хотя и условно, к архаичному верхнему палеолиту.

По данным Н.С. Болиховской, начало верхнего плейстоцена соответствует рисс-вюрмскому (микулинскому) межледниковью, отложения которого представлены мощной ископаемой почвой или многометровой толщей галечников русловой фации аллювия II надпойменной террасы. Для этого времени характерен лесной ландшафт в условиях теплого климата, прерванный кратковременным периодом похолодания [Болиховская, 1995: 112-118].

В первое ранневалдайское похолодание, как сообщала Н.С. Болиховская, накапливались суглинки. Преобладали открытые пространства, занятые разнотравно-злаковыми степями. К этому времени относятся наблюдаемые в Кетросах щебнисто-галечниковые конусы выноса, сорванные эрозией с более высокой IV террасы, к которой прислонен фрагмент II надпойменной террасы.

Во время кетросского (первого ранневалдайского) межстадиала (верхневолжский, амерсфорт) формировалась ископаемая почва черноземного типа, обнаруженная в основании разреза Молодова 1 и частично в овражно-балочном аллювии в Кетросах [Болиховская, 1995: 113]. Этому времени были свойственны умеренно теплые условия. Район находился в зоне лесостепи. Наиболее благоприятные места обитания занимали елово-сосновые леса с примесью дуба, граба, вяза, липы и клена.

Здесь я считаю уместным сделать некоторые замечания. Само по себе, наличие амерсфортской (по И.К. Ивановой) ископаемой почвы в молодковском разрезе весьма сомнительно. Во-первых, ей нет аналога. Во-вторых, подобная почва может считаться характерной для брерупа, в то время как выше по разрезу вообще нет следов выразительной ископаемой почвы, которую можно было бы связать с этим интерстадиалом. Первоначально за брерупские отложения были приняты оглесные суглинки со следами почвообразовательного процесса с мустьерскими культурными слоями, расположенные в центре разреза, весьма высоко от аллювия. Датировка этого "молодовского брерупа", в свете недавних исследований международной археологической экспедиции на стоянке Молодова 5 [Кулаковская, 2003], пересмотрена в сторону существенного омоложения. Еще ранее предположение о более молодом возрасте молодковского леваллуа-мустье было высказано и обосновано мною в ряде публикаций [Анисюткин, 1990; Анисюткин, 2001: 151]. Мустьерские слои 11 и 12 относятся к началу среднего пленигльциала (интерпленигльциала) [Kulakovskaya, Haesaerts et al.: 75-76] или среднему валдаю, соответствуя началу OIS 3. Поэтому считать нижнюю ископаемую почву со стоянки Молодова 1, встреченную на глубине 18 м, добрерупской (т.е. амерсфортской) более, чем сомнительно. Данная почва, если принять во внимание ее положение в основании молодковского разреза (как в Кетросах или Кормани 4), скорее всего, относится именно к брерупскому интерстадиалу.

Как далее пишет Г.С. Болиховская: "Во второе, более значительное, чем первое, похолодание раннего валдая повсеместно накапливались лессовидные суглинки и супеси в условиях усилившейся континентальности климата и развития ландшафта перигляциальных лесостепей. Локально встречались сосновые и березовые редколесья" [Болиховская, 1995: 113].

Аналогичный, но очень непродолжительный холодный и сухой стадиал установлен в Кетросах, в отложениях непосредственно ниже основного культурного слоя [Болиховская, 1981: 109]. Казалось бы, к этому времени можно отнести и нижний слой Стинки 1, но это не так. Указанные лессовидные суглинки в Кетросах перекрыты отложениями теплого интерстадиала, который сопоставим с брерупом.

"В течение кишлянского (II ранневалдайского) межстадиала (брерупа), которому соответствует сдвоенная ископаемая почва в Кормани 4, суглинки со слабо выраженным гумусовым горизонтом и оглеенными прослоями вверху в Молодова 1 и 5, ископаемая почва в Кишлянском яре и в Кетросах, растительный покров и климат не оставались неизменными. В климатический оптимум господствовали лесостепи. В составе древних лесов доминировали хвойно-широколиственные древостои. Индикатором долинных лесов был дуб" [Болиховская, 1995: 115].

Приведенное описание несколько контрастирует с ранее сделанными описаниями спорово-пыльцевого спектра из брерупской почвы, обнаруженной в Кетросах, где отмечено более значительное распространение лесов, поднимавшихся на водоразделы, не ограничиваясь только долинами рек [Болиховская, 1981: 121]. Подобное несовпадение связано, видимо, с тем, что были учтены спорово-пыльцевые данные из так называемых "брерупских" отложений (слой 5) разреза стоянки Молодова 1. Как далее отмечено в монографии: "Во вторую половину межстадиала иссушение климата вызвало деградацию лесных ценозов, резкое сокращение их площади на водораздельном плато и почти повсеместное господство степей. Наступившее затем похолодание ознаменовалось появлением *Selaginella selaginoides* и *Botrychium boreale* и эмиграцией термофильных древесных пород, господством березово-сосновых редколесий, остепненных и заболоченных тундровых пространств в распространившихся перигляциальных ландшафтах. О наличии тундровых биотопов свидетельствуют также остатки во вмещающих отложениях Молодова 1 копытного лемминга и арктической полевки. В толще суглинков, накапливавшихся в это время в Молодова 1 и 5, палиноспектрами фиксируются два незначительных потепления. Не исключено, что эти потепления, ранее сопоставлявшиеся нами с оддерате отвечают межстадиалам Oerel и Glinde Северной Германии. Во время всех похолоданий среднего валдая шло накопление лессовидных суглинков в перигляциальных лесостепных ландшафтах" [Болиховская, 1995: 117].

Эта характеристика соответствует данным по мустьерскому слою 4 стоянки Молодова 1. Как мы теперь знаем, он относится, как и слой 5, к среднему валдаю (подобно синхронным слоям 11-12 стоянки Молодова 5) и сопоставим с началом кислородно-изотопной стадии 3. К сожалению, "брерупская" дата молодовского мустье остается популярной в ряде современных научных публикаций [Hoffecker, 2002: 87; Чабай, 2003: 82].

Далее выделяется байловский (I средневалдайский) межстадиал, который сопоставим с красногорским межстадиалом Северо-Запада Русской равнины и Moershoofd Нидерландов. Для ископаемой почвы Кормани 4 имеется 14С дата по остаткам древесного угля 44.400 л.н. Наиболее выразительные ископаемые почвы с признаками оподзоливания обнаружены на разрезах Кишлянского яра и стоянки Кетросы. На разрезах стоянок Молодова 1 и 5 этому времени соответствуют суглинки с 10-15-сантиметровым сажистым прослоем. По древесным углям получена дата более 35 т.л.н.

"Следующий, термически более выраженный, молодовский межстадиал, сопоставляемый с Hengelo и "гражданским проспектом" (42.500-36.000 л.н., по Х.А. Арсланову), нашел отражение в смятой ИП (молодовской ископаемой почве, по И.К. Ивановой) и суглинках Молодова 5 и 1, лессовидных суглинках в Кишлянском Яре. Он отличался существенным расширением в господствовавших лесостепях площади лесов, увеличением в них роли дуба, граба, вяза и липы" [Болиховская, 1995: 117].

Далее выделяется самый теплый, как считает Н.С. Болиховская, днестровский межстадиал Среднего Приднестровья, который сопоставим с дунаевским, денекампом, паудорфом, штильфридом Б интерстадиалами Европы. Даты этого межстадиала варьируют в пределах 32-24 т.л.н. Утверждение, которое представлено в монографии, о том, что данный межстадиал выявлен в ИП в разрезе Кишлянский Яр, неправомерно. Раскопки на стоянке Кетросы показали, что во всех почвах, которые перекрывают байловскую почву, выявлены вместе с костями мамонта каменные изделия мустьерского облика. Это указывает на то, напомним еще раз, что разрезы в Кетросах и Кишлянском Яре не могут иметь отложений позднее молодовского межстадиала.

Таким образом, в позднеплейстоценовом разрезе II надпойменной террасы Днестра в раннем и среднем вюрме, которые соответствуют изотопно-кислородным стадиям 5,4 и 3, выделяется (по данным Н.С. Болиховской), как минимум, 4 интерстадиала. Правда, как допускается, их количество может быть увеличено за счет межстадиалов, происходящих из отложений выше мустьерских слоев 11-12 стоянки Молодова 5 и 4-5 стоянки Молодова 1, которые ранее рассматривались, как аналог оддерале [Болиховская, 1995: 117]. Сходные данные получены для позднеплейстоценовых отложений таких территорий Украины, как Крым и Донбасс [Герасименко, 2003].

Итак, используя систему Н.С. Болиховской, предложенную для отложений позднего плейстоцена, возможно распределение среднепалеолитических памятников Среднего Приднестровья в определенной временной последовательности (Рис. 53). Для этого, в первую очередь, используются только те объекты, на которых каменные изделия и кости ископаемых животных извлечены непосредственно из соответствующих отложений II надпойменной террасы Днестра.

Наиболее ранними являются кремневые изделия и ручное рубило, найденные в пойменных отложениях стоянки Кетросы, которые соответствуют либо первому ранневалдайскому похолоданию, либо (что наиболее вероятно) Кетросскому межстадиалу. Видимо, этот комплекс может быть, несмотря на малочисленность коллекции, отнесен к микоку, где элементы леваллуазской техники, которая хорошо выражена в микокской коллекции среднего слоя грота Выхватинцы, представлены весьма четко. К этому же времени можно отнести коллекцию Шипота 2, кремневые изделия которого, несмотря на их малое количество, типичны для ранней фазы стинковского варианта [Анисюткин, 2001: 60-61]. Этот комплекс аналогичен комплексу Осыпки, где каменные изделия предположительно также связаны с отложениями пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Днестра.

Следующим палеолитическим памятником, где каменные изделия привязаны к отложениям, соответствующим концу второго ранневалдайского похолодания, непосредственно предшествуя кишлянскому (брерупскому) межстадиалу, является основной мустьерский слой стоянки Кетросы. Эта индустрия может быть отнесена к типичному мустье. Здесь люди поселились на пойме, которая в то время не затапливалась, что, по мнению геологов, указывает на понижение уровня реки, вызванное иссушением климата [Ренгартен, 1981: 86].

К послебрерупскому холодному стадиалу или, как допускает Н.С. Болиховская, к началу среднего валдая относятся основные леваллуа-мустьерские слои стоянок Молодова 1 и 5. Наиболее вероятно, что отложения нижних мустьерских слоев (слой 12 Молодова 5 и слой 5 Молодова 1) формировались во время первого интерстадиала среднего вюрма. Эта индустрия (слои 3,2,1 Молодова 1) прослеживается выше по разрезу, вплоть до молодовского межстадиала.

В ископаемой почве, которая сопоставима с Байловским межстадиалом (Моерсхофд), выявлены мустьерские слои стоянки Кормань 4. Эта кремневая индустрия с 14С датой 44.400 л.н. является нелеваллуазской и в целом, несмотря на малочисленность коллекции, сопоставима со стинковским вариантом.

Возможно, наиболее позднее проявление молодовского леваллуа-мустье фиксируется в ископаемой почве (слой 10а) на стоянке Молодова 5, соответствуя Молодовскому (хенгело) межстадиалу стратиграфической схемы Н.С. Болиховской.

Наряду с отмеченными выше случаями надежных датировок палеолитических объектов, связанных непосредственно с конкретными отложениями позднеплейстоценового разреза II надпойменной террасы Днестра, имеется возможность использовать биостратиграфический критерий для прочих местонахождений с иных террас. Правда, подобные датировки можно рассматривать лишь в качестве возможных. К числу их относится определение возраста нижнего слоя стоянки Стинка 1, четвертичные отложения которого образовались во время послебрерупского холодного стадиала (ранний пленигляциал), соответствуя, вероятно, OIS 4.

Дополнительно отмечу, что, по мнению палинолога Г.М. Левковской, которое изложено мне в устной форме, спорово-пыльцевой комплекс нижнего слоя Стинки 1 сопоставим с комплексом стоянки Бетово на Десне. По заключению Л.М. Тарасова, каменный инвентарь последней аналогичен инвентарю нижнего слоя стоянки Стинка 1 [Тарасов, 1991] и так же связан с отложениями очень холодного вюрмского стадиала. Еще раз подчеркну: отложения, перекрывающие нижний слой, содержат спорово-пыльцевой комплекс, аналогичный комплексам байловского межстадиала – прежде всего, из соответствующих ископаемых почв стоянок Кормань 4 и Кетросы [Пашкевич, 1977; Болиховская, 1981].

Относительная датировка нижнего слоя подкрепляется совокупностью показателей, включая палинологию, литологию, сохранность поверхностей каменных изделий. Палинологические данные, подтверждаемые археологическими материалами, ука-

зывают на очень холодный и сухой климат, который (кроме позднего вюрма) был выявлен в Европе и в Приднестровье лишь в отложениях раннего пленигляциала. В это время, соответствующее OIS 4, сопоставимой, по мнению российских геологов, с калининским оледенением [Лаврушин и др. 2002: 145-147], климат был очень суров. Для датировки стинковской стратиграфической последовательности очень важен факт сочетания различных типов отложений, образовавшихся в условиях чрезвычайно холодного и сухого стадиала (нижний слой) и в условиях прохладного и сравнительно влажного интерстадиала (перекрывающий слой), что типично для раннего пленигляциала и начала интерпленигляциала (среднего вюрма).

С интерстадиалами среднего валдая (вюрма) связаны, вероятно, находки каменных изделий стоянки Шипот 3. На последней, в размытом культурном слое, связанным с гумусированным горизонтом, найдены в нарушенном положении отдельные кремневые изделия и кости мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошади и северного оленя. Отложения, перекрывающие этот слой, напоминают суглинки стерильного и верхнего слоя стоянки Стинка 1. Не исключено, что гумусированный горизонт с находками каменных изделий и костями ископаемых животных может соответствовать гумусированной прослойке стоянки Стинка 1. К сожалению, найденные здесь каменные изделия малочисленны и могут быть определены только, как мустьерские, но отличающиеся от стинковской индустрии. Радиоуглеродная дата, полученная по костям из кровли гумусированного горизонта, которая превышает 17.000 л.н., явно омоложена и подтверждает лишь плейстоценовый возраст слоя.

Для наглядности хронологического положения комплексов Стинки 1 воспользуюсь таблицей (Рис. 52), приведенной в публикации Я. Козловского [Kozłowski, 2003: 198]. В ней на основе абсолютных TL и радиоуглеродных дат проведена корреляция палеолитических единств и природных процессов, происходивших на территории Центральной и Восточной Европы в средневюрмском интерпленигляциале. В это время на территории Европы сосуществовали индустрии финального мустье, древнего верхнего палеолита и так называемые переходные индустрии.

В числе восточноевропейских памятников, происходящих с территории Русской равнины, мною отмечены нижний (1a) и верхний (1b) слои Стинки 1, грот Брынзены 1 (2), Шипот 1 (3), Шипот 3 (4), нижние слои Костенок 1 и 12 (5), Бобулешты 6 (6), Бирючья балка (7). Для контраста приведена колонка молодовского мустье (ММ), включая слои 12-10a стоянки Молодова 5.

Каменный инвентарь самого позднего слоя 10a, несмотря на малочисленность, является скорее мустьерским, нежели верхнепалеолитическим. На мой взгляд, этот вариант мустье не эволюционирует в верхний палеолит. В данном случае при корреляции представленных мною памятников, первостепенное значение уделено именно относительному геохронологическому фактору, но не абсолютным датам. Отсюда для датировки нижнего слоя грота Брынзены 1 более важно отнесение его именно к интерста-

диалу деннекамп (паудорф) или даже к несколько более раннему времени, а не предполагаемая абсолютная дата 35.000 л.н.

На основе имеющихся сейчас данных по геохронологии среднего палеолита Приднестровья можно сделать вывод о том, что в течение всего мустьерского периода в регионе отмечается сосуществование двух различных и контрастных вариантов среднего палеолита, которые, параллельно развиваясь, никак не влияли друг на друга. В частности, первый пример проявления подобного сосуществования дают нам разрезы стоянок Кетросы и Шипота 2, расположенных по соседству, на расстоянии 1 км друг от друга, в одинаковых геоморфологических условиях. Здесь в основании субэзральных позднеплейстоценовых отложений, соответствующих пойменной фации аллювия второй террасы, выявлены две разных индустрии, одна из которых (Кетросы) имеет мустьероидный облик с сочетаниями элементов леваллуа и микока, вторая - раннестинковская - может быть сопоставима с Осыпкой [Анисюткин, 2001]. Индустрия нижнего слоя Стинки 1 выявлена в отложениях более позднего времени, сопоставимых с холодным стадиялом раннего плейстоцена (OIS 4) или началом среднего вюрма (OIS 3).

Глава 6

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ СТОЯНКИ

Характеристика сырья. В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались исключительно местные породы камня, включая кремль, кварцит и кварцитовидный песчаник. Абсолютно преобладал кремль – пластовый, галечный и изредка желвачный. Кварцит имел серый цвет и отличался вполне удовлетворительными качествами, как и кварцитовидный песчаник темного цвета. Эти последние играли второстепенную роль, составляя менее 8% от общего количества материала. Соотношения между типами сырья были почти одинаковыми в нижнем и верхнем слоях, хотя для верхнего слоя характерен несколько более высокий процент кремневых изделий. Все сырье добывалось либо из галечников этой же террасы, либо из коренных месторождений в цоколе IV-ой надпойменной террасы.

Галечный кремль серого и темного цвета отличался хорошим качеством, хотя для него характерна скрытая трещиноватость. В небольшом числе представлен высококачественный желвачный кремль черного цвета. В наших подсчетах он включен в состав галечного, но с галечниками данный тип кремня явно не связан. Он не имел тех признаков, которые характерны для галек из аллювиальных отложений. Где добывался этот кремль? Неизвестно.

Пластовый кремль, крупнозернистый и менее качественный, широко распространен в районе. Он связан с отложениями сеноманского периода. Особенностью этих меловых отложений является присутствие в их толще пластового халцедонового кремня темно-серого и темного цвета [Иванова, 1981: 63]. В толще пластового кремня, имеющего мощность 2 м, выделено три слоя, разделенного цепочками пустот. Он характеризуется, как писала И.К. Иванова, следующим образом: "Нижний слой пласта

представлен черным халцедоновым кремнем... Средний слой представлен темно-серым халцедоновым кремнем, на выветренной поверхности которого проявляется брекчевидная структура. Отдельные остроугольные блоки кремня оказываются как бы запаянными в сплошную массу несколько более светлого халцедонового кремня... Верхний слой кремня имеет также темно-серую окраску и отчетливую брекчевидную структуру. Эти включения нарушают сплошность кремня, уменьшают его прочностные свойства и снижают технологические качества" [Иванова, 1981]. Данный кремень являлся весьма посредственным сырьем. Как показали мои эксперименты, проведенные у коренных выходов этого кремня в Кетросах, при раскалывании его крупных конкреций образуется очень много осколков и обломков. Лишь относительно небольшое "ядро" (включение) внутри такой конкреции отличалось хорошим качеством. Именно из него получались все лучшие заготовки и орудия.

Выходы пластового кремня обнаружены на крутом склоне, непосредственно в цоколе террасы, на которой находилась среднепалеолитическая стоянка. Если учесть, что в позднем плейстоцене уровень реки Днестра был выше современного примерно на 12 м, то очевидна доступность для палеолитических людей именно этого источника сырья. Скорее всего, слои с выходами такого кремня обнаруживались на позднеплейстоценовой поверхности примерно на 4-5 м выше уровня реки того времени. Об этом свидетельствуют и материалы раскопок стоянки Кетросы, расположенной в 9 км ниже по течению. Примерно на том же уровне наблюдаются выходы данного кремня и на Стинке. Не исключено, что во время паводков кремненосные слои подмывались речкой, и разные по размерам блоки кремня оказывались ниже по склону, уже во вторичном залегании. Но учитывая преобладание среди ядрищ остаточных образцов, в то время как все крупные ядрища (начальной стадии) часто имели значительный дефект материала, можно предположить, что сырье не было чрезмерно изобильным, ибо крутые склоны Каменного яра были тогда, скорее всего, задернованы.

Показательно, что пластовой кремень встречен в ряде случаев в виде крупных осколков, отбитых, видимо, на месте выхода крупных кремневых конкреций на поверхность, на крутом склоне IV террасы Днестра. Подобные выходы пластов кремня наблюдаются и в настоящее время.

Скорее всего, в период обитания на стоянке среднепалеолитических людей, крутые склоны были покрыты низкорослым лесом и кустарником, как это имеет место в некоторых других местах (например, в Кетросах), где эти леса (с иным составом пород деревьев) сохранились вплоть до настоящего времени. Поэтому поиск мест выхода пластов кремня на склонах мог быть весьма затруднителен. Для этого требовалось очень хорошо знать окружающую местность.

Галечный кремень, представленный целыми гальками и их обломками, происходил, скорее всего, из галечника той же террасы. Палеолитические люди собирали гальку на эродированных склонах рядом с поселением, хотя нельзя исключить того, что часть галек добыта и на более низкой (второй) террасе. Откуда добыты крупные кон-

креции и обломки кварцита и кварцитовидного песчаника, неясно. Скорее всего, окатанные обломки этой породы связаны с галечником IV надпойменной террасы Днестра. Если использовать имеющиеся у нас данные только по нуклеусам, то соотношения между формами сырьевого материала следующие:

галька - 40,2%;

желвак - 43,2%;

окатанные обломки - 6,7%;

неокатанные обломки - 9,7%.

Сходные соотношения отмечены и для верхнего слоя, где общее количество нуклеусов (всего 39 экз.) недостаточно для грамотных статистических подсчетов. Галька и окатанные обломки, скорее всего, связаны с аллювиальными отложениями, а предметы с желвачной коркой и неокатанные осколки происходят из коренных месторождений. Как видно из количественных соотношений, ни один из видов сырья не имел резко выраженного господства.

Сохранность поверхностей каменных изделий. Кремневые и кварцитовые изделия не окатаны и покрыты патиной, изменяющейся в зависимости от сохранности слоя. На западных и частично центральных квадратах раскопа патина часто глубокая, белого цвета, иногда со следами ячеистого выветривания патинизированных поверхностей. Отмечены следы многочисленных повреждений патинизированных поверхностей морозобойными процессами. Менее интенсивная патина характерна для переотложенных кремневых изделий, извлеченных из глинисто-галечниковых отложений в основании нижнего слоя. На восточных квадратах патина более слабая, бело-голубая или белосиняя с известковистым налетом светло-серого цвета. Следы воздействия морозобойных процессов встречаются реже. С поверхности изделий из галек, покрытых галечной коркой, после извлечения их из слоя нередко отслаивались мелкие и мельчайшие чешуйки. Первоначально они часто терялись в ходе промывания образцов непосредственно в реке. Поэтому до сих пор в коллекции сохранилось некоторое количество артефактов со следами подобных деформаций, связанных не только с морозобойными процессами, но и с теми особенностями, которые характерны для кремневых галек из аллювиальных отложений.

Об особенностях подобных кремневых галек писали исследователи еще в начале XX в. В частности, ими указывалось, что гальки, перемещаемые в речном потоке, бились одна о другую, покрываясь сеткой многочисленных и незаметных на глаз микротрещин. По этим трещинам и происходило более позднее расслаивание (Pfeiffer, 1920: 6-7). Основу заготовок и изделий из галек составляли ядрища, на поверхности которых также сохранялись мелкие трещины от предшествующих ударов отбойниками в процессе расщепления. По ним также происходило расслоение подобных предметов, связанное с морозобойными процессами, хотя, в целом, мельчайшие отслоения более типичны для необработанных, покрытых коркой тыльных частей ядрищ.

На многих изделиях, преимущественно с восточных квадратов, имеются участки с более "свежей" поверхностью, которые обычно соответствуют ретушированным краям орудий. Как удалось установить, подобные участки выявлялись после удаления известковистых натеков, что свойственно изделиям с квадратов по линиям К,Л,М, где культурный слой находится практически *in situ*. Если сравнить их с аналогичными изделиями с других квадратов, то становится ясным: разница в патине связана с тем, что известковистый натек на какое-то время задерживал процесс патинизации, способствуя тем самым неодинаковой сохранности разных участков каменного изделия. Это типично для находок, преимущественно, из нижнего слоя.

Для контраста отмечу слабую патину и отсутствие морозобойных повреждений на поверхностях изделий верхнепалеолитического комплекса, который, в целом, сопоставим со слоем 7 стоянки Молодова 5, имеющим радиоуглеродную дату более 23.000 л.н. (Черныш, 1987). Это указывает на то, что отмечаемые морозобойные признаки появились раньше конца паудорфского (брянского) интерстадиала с относительно теплым климатом. Скорее всего, их надо связывать с очень холодным стадиалом, который в европейских разрезах предшествует межстадиалу моерсхофд (Gamble, 1985: 86, 375).

Изделия с вторичной обработкой. В число собственно орудий нами не включены неретушированные леваллуазские отщепы и пластины, а также отщепы с нерегулярной ретушью и следами утилизации. Ножи с естественными обушками, покрытыми коркой или сохраняющими вертикальную грань предшествующего скола или серии сколов, признаются за орудия. В этом случае обязательно наличие на лезвии следов использования в виде нерегулярной и мелкой ретуши.

Каменная индустрия нижнего культурного слоя.

Коллекция состоит из 1620 каменных изделий, в их числе 180 нуклеусов, 417 изделий с вторичной обработкой и следами работы в виде мелкой ретуши, а также 10 песчаниковых галек со следами утилизации в качестве отбойников и пестов-терочников, включая 2 с вторичной оббивкой. Последние были оббиты по одному краю, напоминая чопперы.

Кроме того, здесь не рассматривается подъемный материал, представленный в коллекции четырьмя сотнями каменных изделий. В коллекции 1964-1966 годов, собранной на поверхности, представлены основные формы, которые найдены в нижнем и верхнем слоях. Расчленение их по слоям невозможно. Отчетливо выделяются кремневые изделия только верхнепалеолитического комплекса.

Ядрища нижнего культурного слоя. Нуклеусы составляют около 11% всего каменного инвентаря, среди них представлены все стадии обработки, но преобладают остаточные. Соотношения их размеров таковы:

- нуклеусов очень мелких <40 мм - 30,1%,
- нуклеусов мелких <50 мм - 32%,
- нуклеусов средних размеров <70 мм - 31,0%;
- нуклеусов крупных от 100 мм и более - 5,9%.

Очевидно преобладание мелких, остаточных, использованных до предела нуклеусов. Почти все крупные ядрища были выброшены обитателями стоянки после выявления дефекта сырьевого материала. Исключением является клектонский нуклеус из кварцита с характерной радиальной системой скалывания отщепов (Рис. 21: 8). Последние, судя по негативам на поверхности ядрища, были массивными, с крупными и распространенными ударными бугорками. Формально этот предмет следует отнести к числу радиальных с двусторонним скалыванием, хотя форма его не строго дисковидная, а скорее овальная. Данный тип ядрищ характерен для клектонских индустрий Англии (Wuher, 1985: 374). Сходный образец со стоянки Clacton-on-Sea, но изготовленный из кремня, опубликован в известной работе Анри Брейля 1932 г. (Breuil, 1932: 136). Английские исследователи описывают подобные образцы, как аналог "шелльского ручного рубила" (Wuher, 1985: 374). Второй крупный нуклеус из кварцитовидного песчаника (Рис.22-3) напоминает чоппер с частично двусторонней обработкой и может рассматриваться как чоппингообразный (чопперовидный) с одним острым краем и противоположащим массивным обушком, соответствуя в общих чертах нуклеусам со скалыванием "от лезвия" из древней группы Яштуха (Коробков, 1965) или chopper-cores английских исследователей. Это изделие имеет относительно уплощенные негативы снятий, что позволяет рассматривать его лишь в качестве нуклеидного орудия, а включение данного предмета в число ядрищ весьма условно. Еще одно крупное ядрище следует отнести к торцовым (Рис. 25-1). Для исходной заготовки использован уплощенный и сравнительно крупный обломок пластового кремня, который, видимо, добыт непосредственно у выхода данного сырья. Аналогичный кусок пластового кремня, но без отчетливых следов скалывания, найден в нижнем слое, указывая на использование в качестве заготовок остроугольных осколков и обломков этого типа кремня. Видимо черновое раскалывание производилось непосредственно у источника сырья, а не на основной площади стоянки.

Нуклеусы представлены 180 предметами. Из галечного кремня изготовлено 87 из них, из пластового - 80, а из серого кварцита и темного кварцитовидного песчаника всего 12.

Нуклеусы, которые характеризуются текучестью форм и многообразием признаков, были, в известной мере условно, подразделены следующим образом:

ядрища радиальные и субрадиальные ("дисковидные") - 70,

одноплощадочные и двуплощадочные - 46,

многоплощадочные (многогранные) - 24,

торцовые - 6,

призматические - 3,

грубопризматические - 3,

атипичные - 27.

На ряде галечных нуклеусов нижнего слоя прослеживаются участки (особенно углы) с характерной "звездчатой" забитостью, которая указывает на прежнее использо-

вание данных предметов в качестве отбойников. Применение жестких и твердых отбойников из кварцита и кремня отражалось на морфологии отщепов, для которых, прежде всего, были типичны выпуклые и распространенные ударные бугорки, а также выразительные конусы в точках ударов.

Типология нуклеусов построена с учетом того, что многие из них относятся к заключительной стадии расщепления, когда стандартная форма замаскирована целой серией второстепенных снятий. Все нуклеусы можно разделить на две большие группы: 1) с плоскостным скалыванием и 2) с частично объемным скалыванием – в числе их торцовые, грубопризматические и призматические. Естественно, это подразделение, если не рассматривать здесь собственно призматические ядрища, весьма условно. Обычно ядрища с объемным скалыванием ассоциируются с верхним палеолитом, но это не совсем так: для технологий верхнего палеолита характерна определенная совокупность признаков, которые случайны или отсутствуют в мустье (Нехорошев, 1999).

Промежуточное положение, в какой-то мере, занимают многоплощадочные (многогранные и шаровидные) ядрища, где сочетаются элементы плоскостного и (вынужденно) объемного расщепления. Правда, в изучаемой коллекции нижнего культурного слоя преобладает именно плоскостное, а не объемное скалывание. Форма ядрищ напрямую зависит от форм исходного сырья.

В целом, если говорить о группе с плоскостным скалыванием, то она представлена, прежде всего, 66 радиальными нуклеусами, включая дисковидные, вееровидные, чоппингообразные и пирамидальные, а также 45 одноплощадочных и двуплощадочных. Промежуточное место занимает группа многоплощадочных нуклеусов, где порой представлены элементы объемного расщепления. Правда, подчеркну еще раз, эти подразделения весьма условны.

Ядрища радиальные и субрадиальные. В данной группе абсолютно преобладают "дисковидные" (с радиальной системой расщепления), включая односторонние и двусторонние, в то время как на долю вееровидных приходится 4 экз, чоппингообразных-6, подпирамидальных-5. Среди первых преобладают ядрища укороченных пропорций, имеющих овальную или, точнее, эллипсовидную форму. Строго говоря, это не позволяет называть такие ядрища дисковидными, хотя по способу расщепления они аналогичны именно дисковидным (радиальным). В качестве заготовок использовались гальки, обломки и даже, хотя и редко, отщепы.

Если проанализировать серию из 71 ядрища, относящихся к чопперовидным, вееровидным, подпирамидальным и дисковидным, то налицо следующие соотношения, представленные в табл. 2. Условные обозначения: 1-чопперовидные нуклеусы, 2-вееровидные нуклеусы, 3-подпирамидальные. Под названием "кварцит" понимается не только собственно серый кварцит, но и кварцитовидный песчаник.

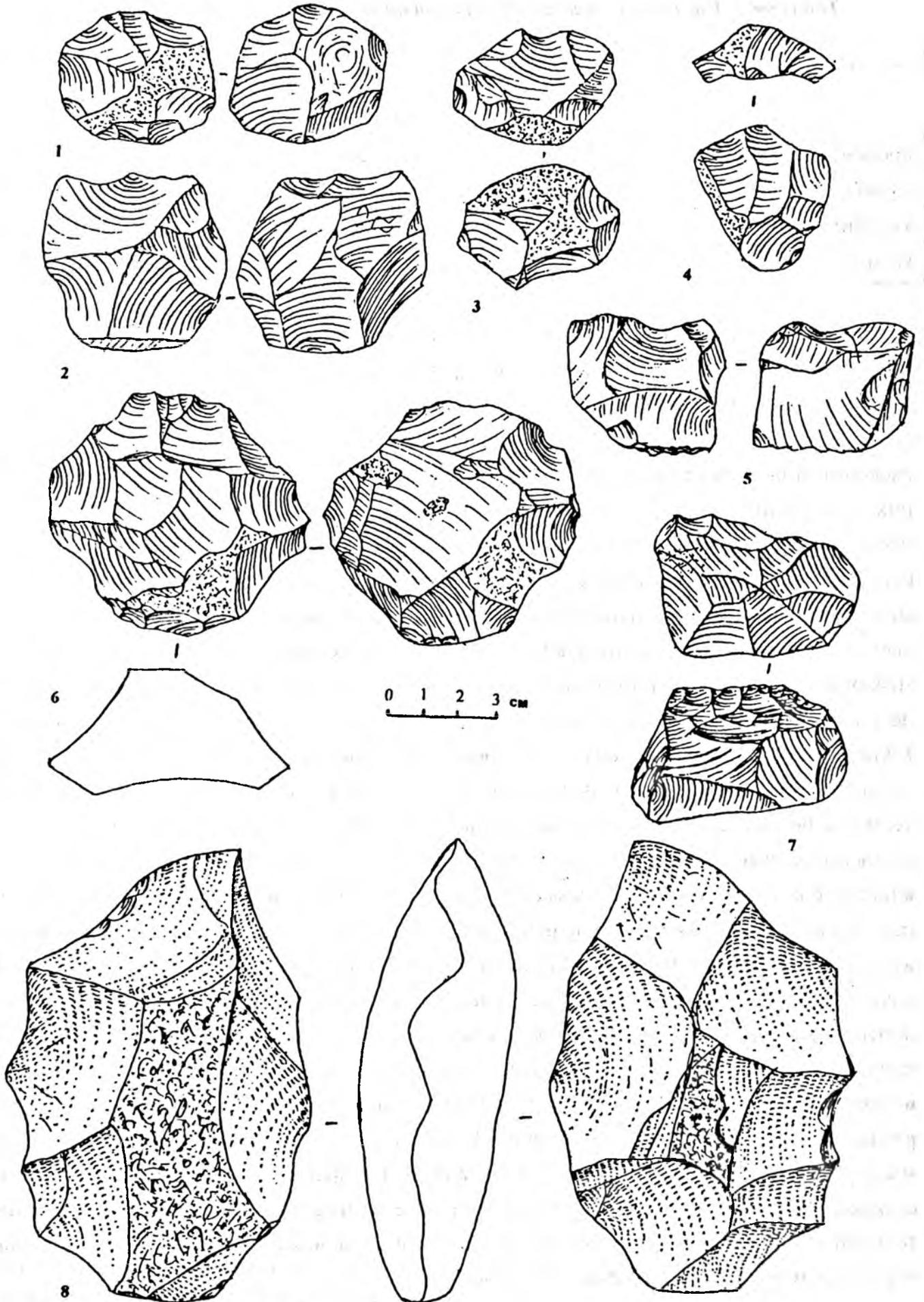

Рис. 21. Стинка 1. Нуклеусы нижнего слоя с радиальной системой скалывания. 1,2,3,6,7,8-дисковидные; 4-веероидный.

Таблица 2. Соотношения между формами нуклеусов и сырьем.

Тип сырья	Группы нуклеусов				
	1	2	3	"дисковидные"	
				односторонние	двусторонние
кремень галечный:	-	4	4	20	5
кремень пластовой:	5	-	1	11	19
кварцит:	1	-	-	-	1
Итого:	6	4	5	31	25

Из анализа таблицы заметна определенная зависимость форм ядрищ от характера сырьевого материала. Так всеоронние формы все изготовлены из галечного сырья, что и понятно. Сходное явление типично и для подпирамидальных ядрищ, для которых характерна одна широкая площадка. В роли последней выступает обширная плоскость расколота пополам гальки. Показательно абсолютное преобладание среди двусторонних дисковидных ядрищ предметов из пластового кремня, который был представлен преимущественно крупными и угловатыми обломками с острыми углами. Последние были удобны для скалывания отщепов, в то время как предметы из галечного сырья могли наиболее продуктивно раскалываться с одной стороны. Ударные площадки у всех рассматриваемых групп нуклеусов преимущественно гладкие. Чаще всего угол между плоскостью удара и рабочей плоскостью был острым, реже, когда мы имеем дело с неоднократным скалыванием с одной и той же поверхности, - близкий прямому. Налицо сочетание клетонского и ортогонального способов скалывания отщепов. Негативы снятых отщепов были чаще всего рельефными и глубокими. Эту упрощенную технологию получения отщепов нельзя увязать только с тем, что основная масса радиальных нуклеусов относятся к остаточным. Этому противоречит крупное кварцитовое ядрище, с которого скалывались массивные клетонские отщепы укороченных пропорций. Края ядрищ, учитывая попеременные снятия отщепов, когда негатив предшествующего скалывания становился ударной площадкой для последующего, часто имели извилистые очертания. В отдельных случаях у двусторонних радиальных нуклеусов на противоположной стороне прослеживаются негативы параллельных снятий с одной площадки, но они включались в группу именно дисковидных на основе метода преимущества, где первостепенное значение имеет морфологическая выразительность образца, а не какие-то иные соображения. Исключение представляют всеоронние формы, ударные площадки которых были чаще всего подправленными, но редко тонко фасетированными. Некоторые сильно истощенные ядрища переоформлялись дополнительной обработкой, нанесенной по острому краю, в ножевидные изделия, включая скребла и зубчатые орудия (Рис. 23-5, 25-6).

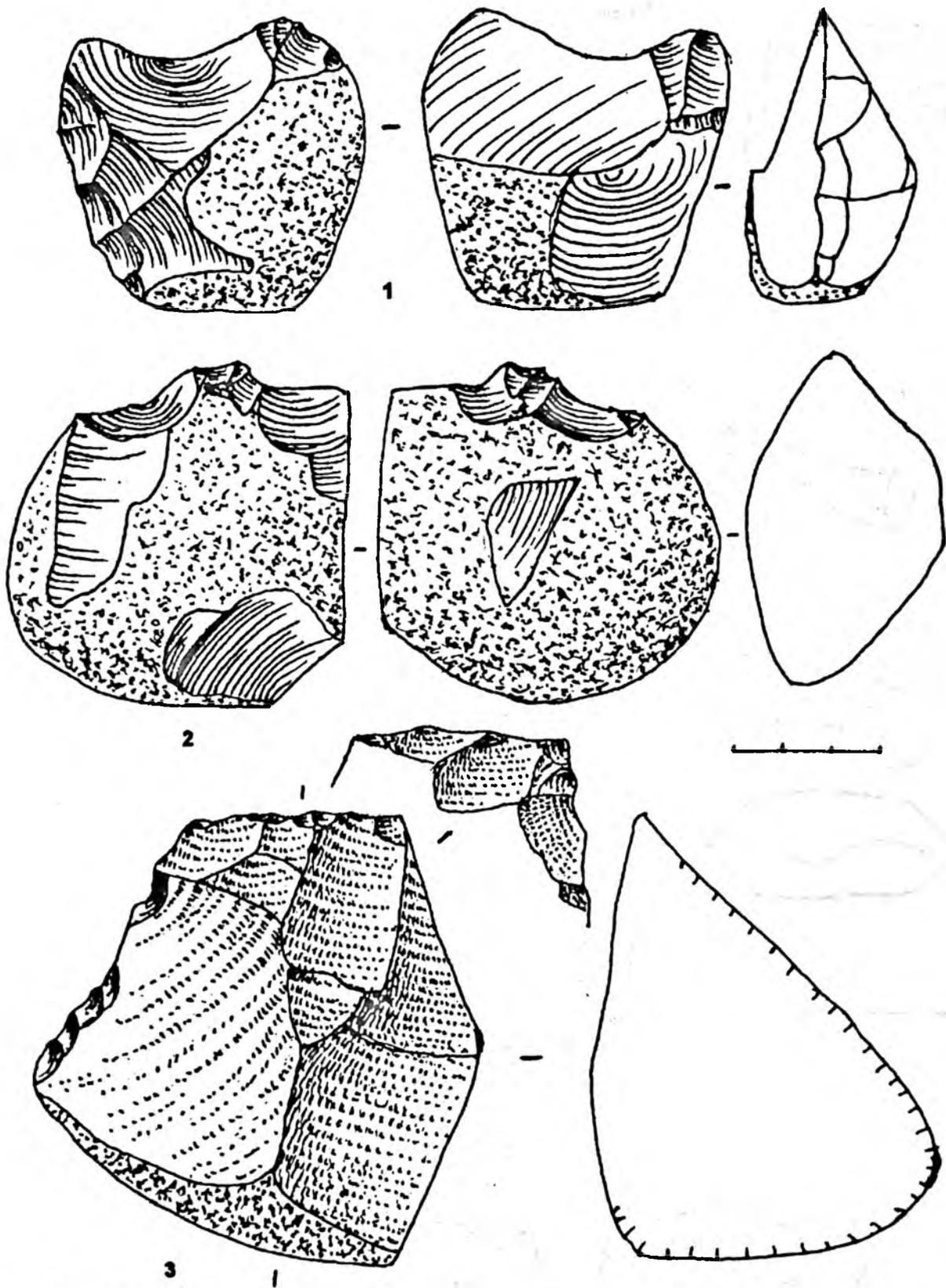

Рис. 22. Стинка 1. Нуклеусы и нуклевидные орудия из нижнего слоя с радиальной системой расщепления. 1,2-кремель; 3-кварцитовидный песчаник.

Одноплощадочные и двуплощадочные ядрища. Эти нуклеусы, представляющие плоскостную систему скалывания, были относительно многочисленными (Рис. 24): первые представлены 42 предметами, вторые-4. По типам сырья они распределяются следующим образом: галечный кремль-22, пластовой-21, кварцитовидный песчаник-3. В основе своей это очень интересная разновидность нуклеусов, которую можно вос

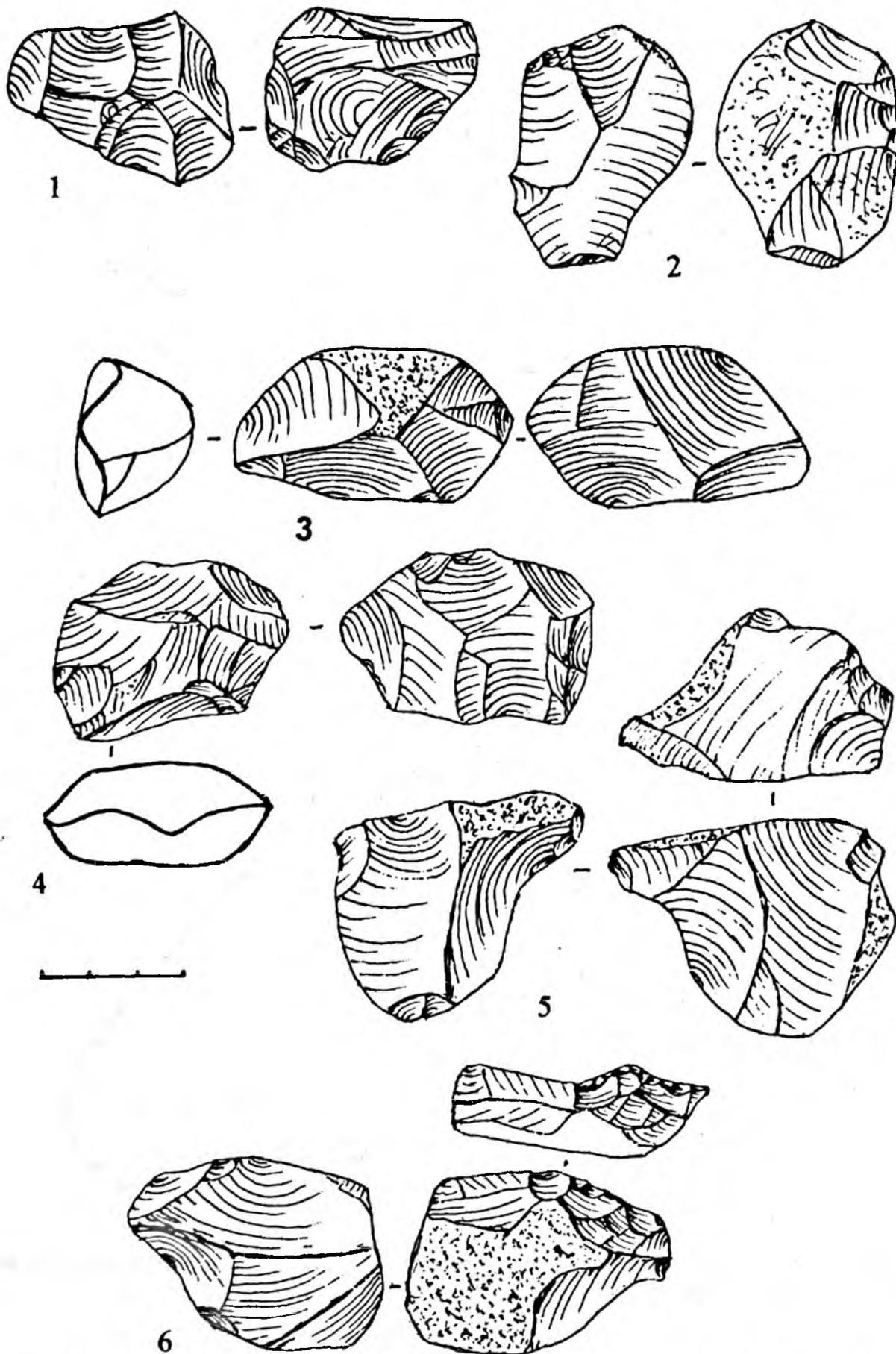

Рис. 23. Нуклеусы нижнего слоя с радиальной и субрадиальной системой скалывания отщепов. 2-на отщепе, 6-переоформлен дополнительной обработкой в скребло.

принимать в качестве типичных для стинковской индустрии "протопризматических" форм, распространена, хотя и в небольшом количестве, достаточно широко во времени

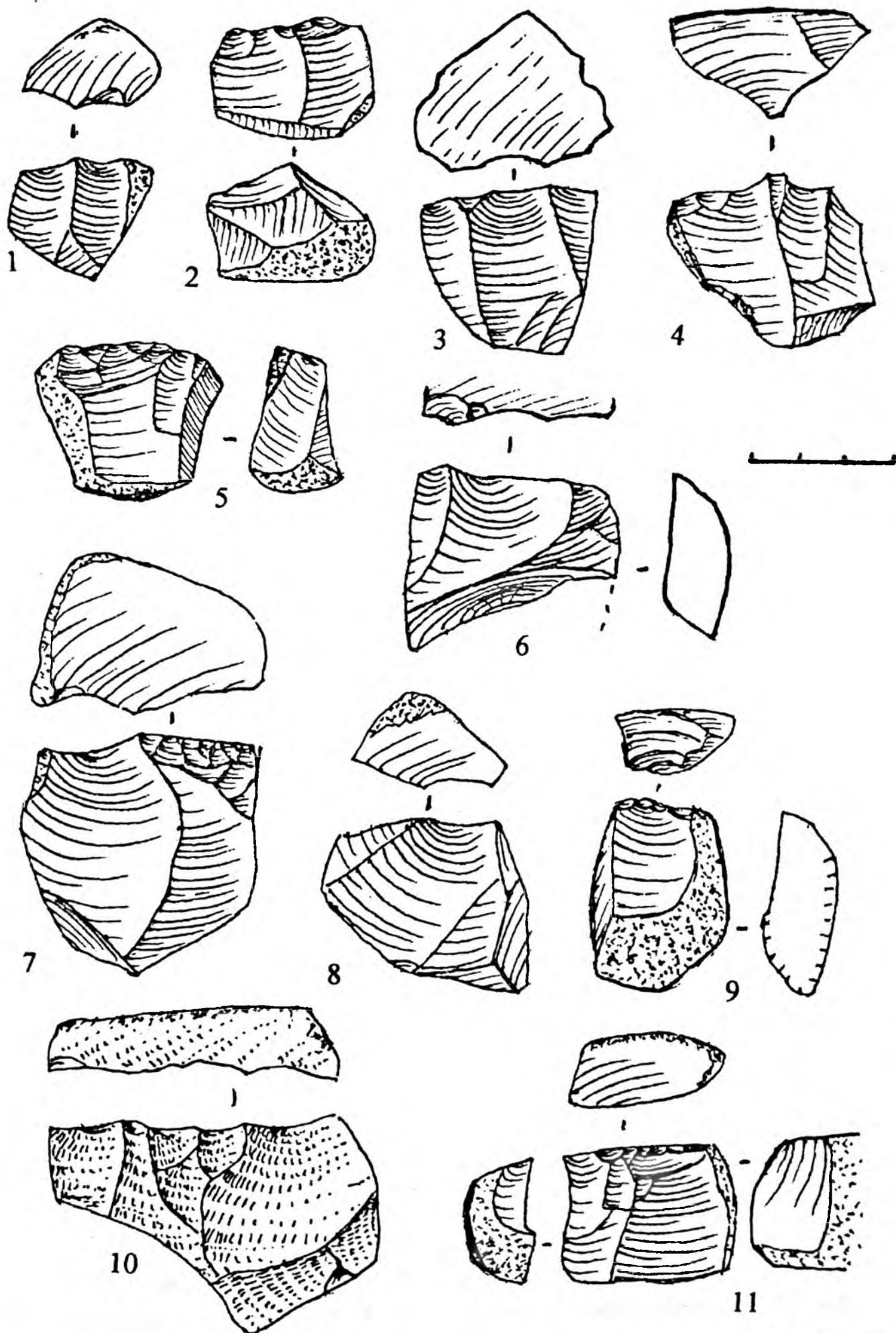

Рис. 24. Стинка 1. Одноплощадочные нуклеусы нижнего культурного слоя. 10-кварцит.

и пространстве. Они известны как в мустье, так и в ашелс. К примеру, абсолютно сходные образцы присутствуют в составе коллекций таких домустьерских (рисских) памятников как Таубах и Веймар в Германии (Schafer, 1981: Abb. 1 № 3,2,8).

В основной массе это прямоугольные нуклеусы с широкой, гладкой и скошенной ударной площадкой. Последняя была либо естественной (покрытой коркой или сохраняющая старый облом), либо образована одним снятием; реже ударные площадки оформлялись грубыми сколами, но никогда не фасетировались. Негативы сколов были обычно рельефными, с глубокими и распространенными лунками на месте ударных бугорков. Ядрища имели чаще всего укороченные пропорции, т.е. снятия производились по короткой оси. Многократно отмечено, что сторона, противолежащая ударной площадке, снималась либо боковым сколом, либо сколом с тыльной поверхности, укорачивая рабочую плоскость ядрища (Рис. 24-2,6). С них снимались массивные и короткие отщепы с гладкими и часто скошенными ударными площадками, но нередко с параллельно ограниченными спинками. Это весьма стандартизованная группа нуклеусов должна быть отнесена к среднему палеолиту с плоскостной системой скальвания. Чаще всего с них получали так называемые клетонские отщепы со скошенными и гладкими ударными площадками, реже с прямыми, но также гладкими площадками. Степень уплощенности поперечных сечений была разной. Она зависела, прежде всего, от интенсивности утилизации ядрищ.

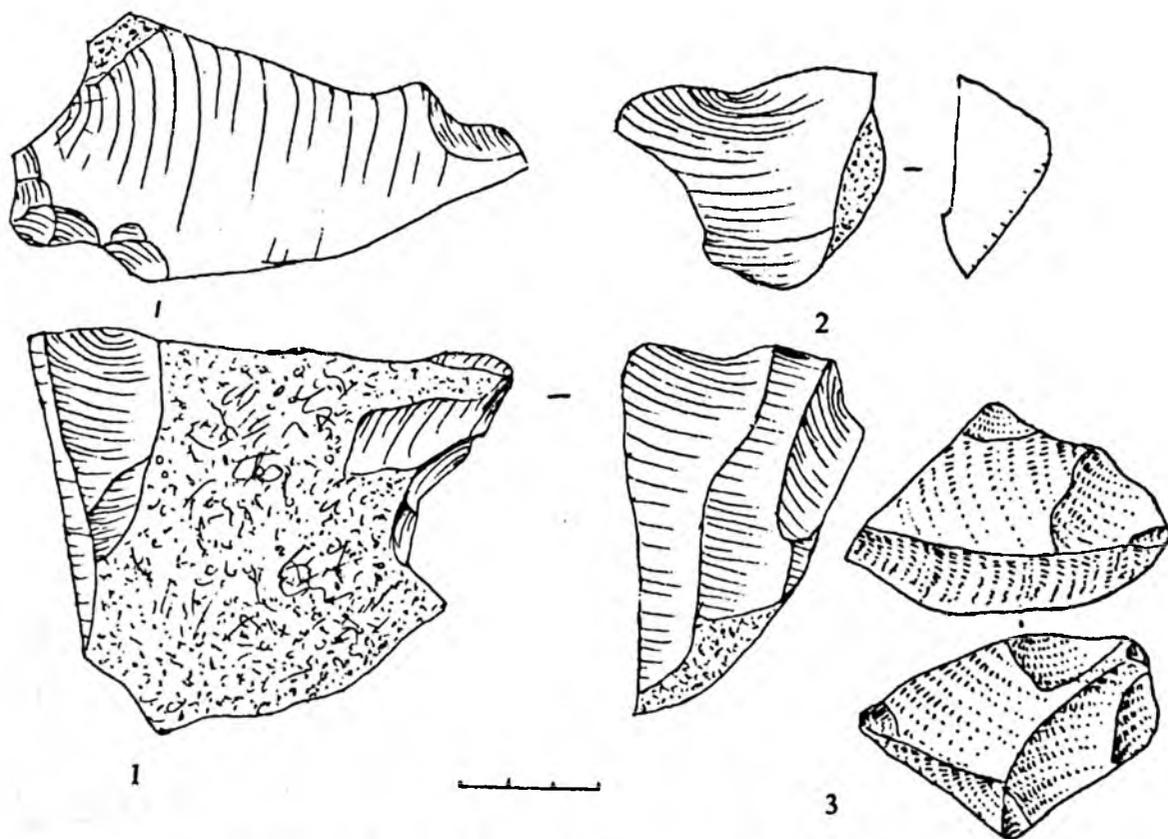

Рис. 25. Нуклеусы нижнего слоя. 1-торцовый, 2-глубый одноплощадочный, 3-атипичный (кварцитовидный песчаник).

Остальные достаточно разнообразны, но подлинно леваллуазских среди них нет. У трех нуклеусов, с которых могли быть получены леваллуазские отщепы, отличающихся сравнительно плоскими сечениями, выявлены фасетированные ударные площадки. Прочие полусные ядрища могут рассматриваться не как самостоятельные нуклеусы, а как моменты их использования, когда главные сколы сохранились снятыми либо с одной площадки, либо с двух.

Многоплощадочные (многогранные) нуклеусы. Это очень интересная группа, в которой можно выделить собственно многоплощадочные (многогранные) и шаровидные ядрища (Рис. 26). Почти все они относятся к категории остаточных. Их можно подразделить на две группы: 1) шаровидные и 2) многоплощадочные. Первые, представленные в коллекции 10 предметами, отличаются от вторых, которых выделено 14, не выделенными бесспорно ударными площадками. У многоплощадочных ядрищ площадки обычно хорошо локализируются. Относительное обилие этих нуклеусов объясняется не только недостатком высококачественного сырья, но и мелкими размерами "заготовок". По типам сырья они подразделяются следующим образом:

	галечный кремнь	пластовый	кварцит
шаровидные	5	3	2
многоплощадочные	5	7	2

Интерес представляют два обломка единого шаровидного нуклеуса из галечного кремня, найденного в одном квадрате 3-3 (2x2 м), но на разных его концах (Рис. 27: 1,2,3). Один из них встречен под стерильной прослойкой в восточной половине квадрата, второй - в западной, в основании суглинка, где стерильная прослойка отсутствует или, точнее, сомнительна (т.е. слишком маломощна, достигая всего 5-6 см). Глубина их залегания была примерно одной и той же, но более мелкий (западный) фрагмент располагался на 5 см выше. Раскалывание на два фрагмента получилось в процессе расщепления по трещине. Более крупный обломок подвергся вторичной обработке уже после его отслоения. Вначале двумя снятиями был выделен зауженный выступ, который затем был превращен узкими "груболямнярными" снятиями в скребковидный рабочий край. Таким образом, получился типичный скребок-рабо (Рис. 27-1). Второй - более мелкий фрагмент - также подвергся дополнительной обработке. Вначале было сделано несколько мелких снятий с необработанной галечной поверхности, а затем небольшой участок противоположного края был ретуширован с брюшка (под скребло) (Рис. 27: 2).

Эта находка двух подбирающихся фрагментов одного типично среднепалеолитического нуклеуса, сделанная на участке с частично поврежденным нижним культурным слоем, но под стерильной прослойкой, имеет важное значение. Прежде всего, она подтверждает мустьерский возраст таких форм, как скребки-рабо. В свое время английский исследователь Ф. Оллсворт-Джонс (Ph. Allsworth-Jones), познакомившись с коллекцией Стинки 1, высказал сомнения в среднепалеолитическом возрасте этих изделий,

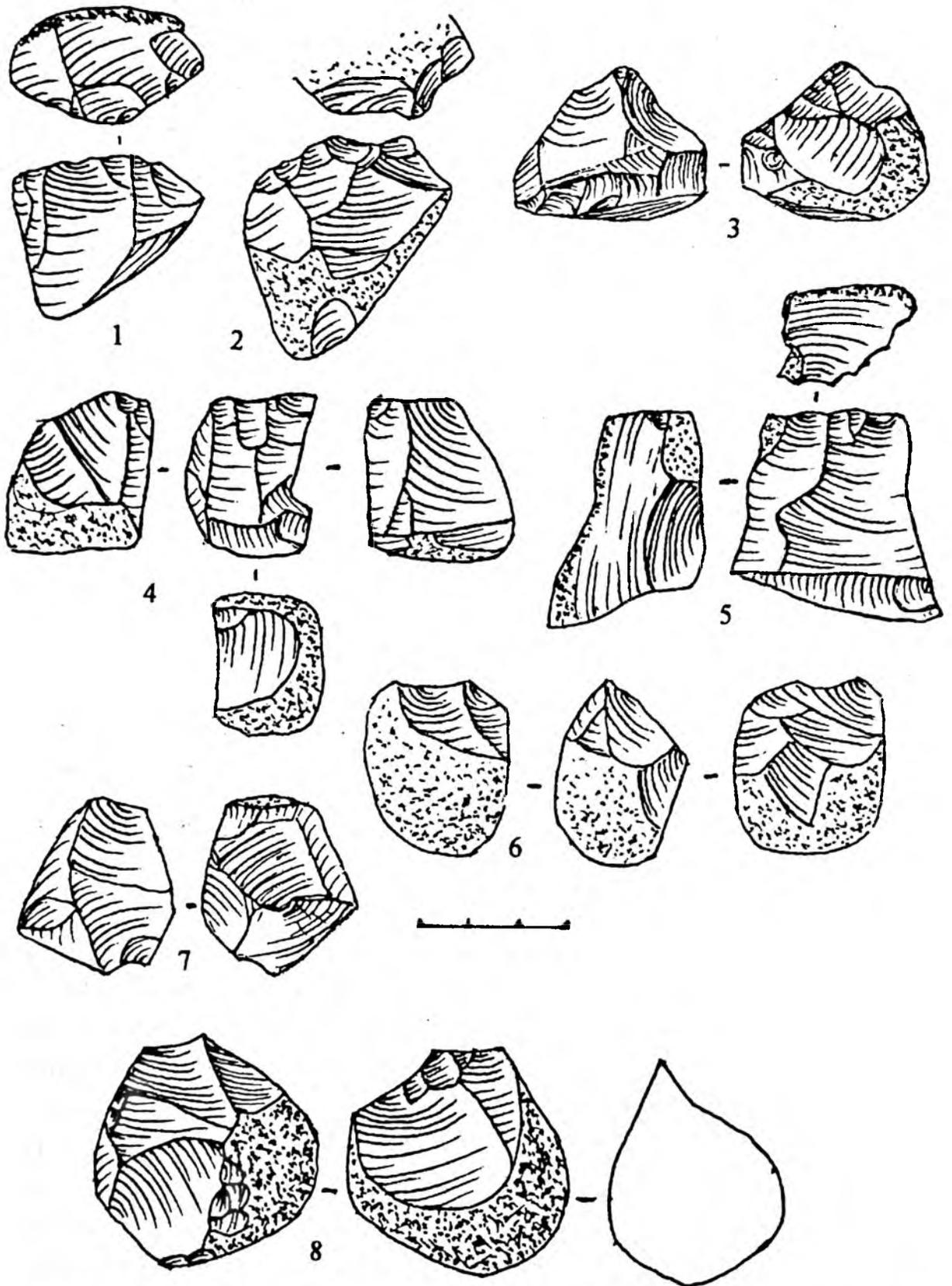

Рис. 26. Нуклеусы нижнего слоя. 1,2-веерообразные; 3,4,5,7-многоплощадочные; 6,8-чопперообразные.

сочтя их верхнепалеолитической примесью. Доказательством противного до сих пор служили для меня находки аналогичных изделий на квадратах линии Л, где нижний слой, отделенный от верхнего стерильным горизонтом, находился *in situ*. Ныне они пополнились описанным выше свидетельством появления и функционирования указанных форм именно в среднем палеолите.

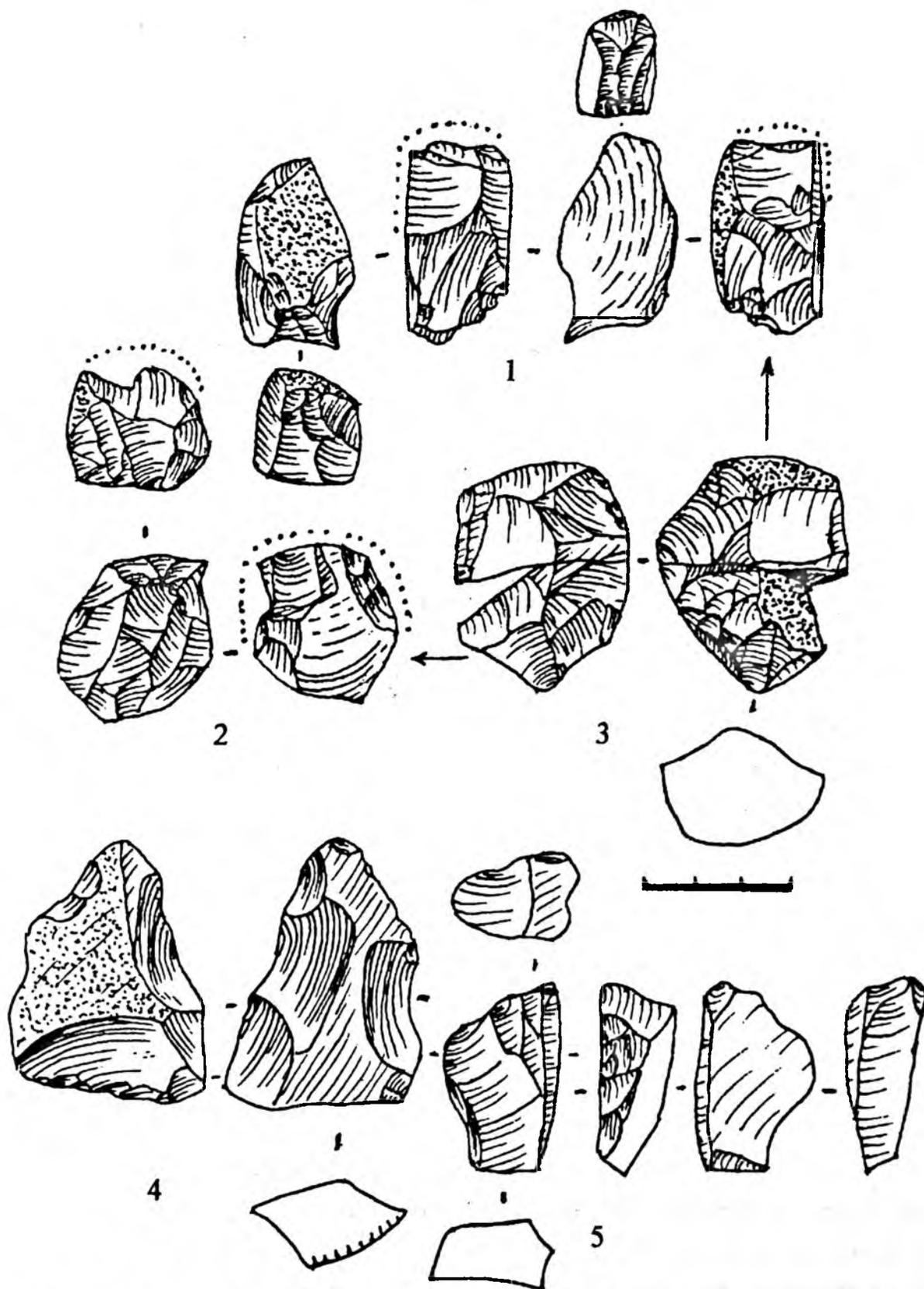

Рис. 27. Стинка 1. Нижний слой. Шаровидный нуклеус из двух обломков (№ 3). 1- крупный фрагмент с выделенным "носиком", 2-мелкий фрагмент. Пунктиром отмечена вторичная обработка.

4-заготовка бифаса (нуклеус?); 5-скребловидное орудие на обломке с торцовыми сколами.

Правда, подобные нуклевидные формы не являются исключением для среднего палеолита. Они широко распространены в тайякских индустриях, но достаточно редки

в мустьероидных. Тем не менее, и там данные орудия иногда бывают весьма типичными (особенно в ранних комплексах) (Tuffreau, 1988: Fig. 20,7).

В целом, эти ядрища, включая многоплощадочные и шаровидные, аналогичны тайякским из нижних слоев пещеры Кульна в Моравии, в частности слоя 11 (Valoch, 1988: 142, 143), а также нуклеусам местонахождения Бобулешты 5 в Молдавии.

Торцовые нуклеусы. Данная группа представлена в коллекции нижнего культурного слоя весьма выразительными образцами. Их всего 6. Несмотря на различные размеры, почти все они, естественно, относятся к начальной стадии расщепления. Нуклеусов из галечного кремня имеется 3, из желвачного или пластового также 3.

Один из них, уже упоминавшийся выше, изготовлен на крупном осколке пластового кремня, отбитого (как можно полагать, исходя из формы заготовки) на месте выхода пластов данного сырья. Хорошо видно (Рис. 25-1) последовательное снятие нескольких отщепов с одной видимо естественной (покрытой коркой) ударной площадки. Затем произошло оживление площадки одним глубоким и распространенным сколом. С новой площадки, на которой хорошо выражена дополнительная подправка крупными фасетками, было сделано одно (два?) снятия. После этого данный пренуклеус уже не использовался. Негативы сколов были широкими и глубокими с крупными и выпуклыми ударными бугорками. На этом предмете заметно применение такого не свойственного стинковской индустрии технического приема как грубое фасетирование, указывая на то, что в ином случае количество фасетированных площадок, а тем самым индекс фасетирования мог быть более заметным. С подобным явлением мы имеем, вероятно, дело в гроте Буздужаны 1 (Анисюткин, 2001:130-131). Подправка ударных площадок отмечена и для прочих торцовых нуклеусов (Рис 28-6,7).

Отмечу один остаточный нуклеус, который формально можно отнести к торцовым, но который имеет все характерные признаки призматической техники расщепления (Рис. 28: 1). В качестве заготовки использовался уплощенный осколок галечного кремня. Снятия проведены с одной фасетированной ударной площадки. Негативы полученных заготовок глубокие с хорошо выраженным ударным бугорком. Любопытно то, что рабочая плоскость скалывания сокращена в длину серией сколов с противоположной рабочей площадке поверхности, а это способствовало получению более коротких сколов-заготовок. В таком случае здесь наблюдается тот элемент укорачивания рабочей плоскости ядрища, который засвидетельствован на одноплощадочных нуклеусах "стинковского типа". Данный предмет отнесен к остаточным торцовым нуклеусам, хотя, если судить по всей совокупности негативов, речь идет об изделии, где торцовые сколы являются результатом завершающей стадии расщепления.

Исключением является нуклеус на обломке отщепы, снятого с одноплощадочного ядрища. Один выпуклый край обработан крутой, отвесной ретушью, а противоположный - оббит торцовыми сколами, негативы которых были глубокими и рельефными (Рис. 27-5). Не исключено, что эти торцовые сколы, противолежащие рабочему краю, являются элементом аккомодации скребловидного орудия.

Призматические и грубопризматические нуклеусы. В коллекции выразительны, хотя и немногочисленны ядрища призматического типа, которых всего 3. Наиболее же выразительными являются два нуклеуса, из которых один имеет две ударных площадки, а второй - одну. На поверхности последнего наблюдается выщерблина, указывающая на результат воздействия морозобойных процессов. Степень сохранности поверхностей расщепления ядрищ аналогична типичным дисковидным, но отличается от верхнепалеолитических. Оба указанных обстоятельства позволяют не считать эти изделия поздней примесью.

Один из таких нуклеусов, изготовленный на небольшом обломке кремневой гальки, является наименее выразительным, что указывает на начальную стадию обработки (Рис. 28-2).

Двуплощадочный нуклеус, напротив, весьма выразителен (Рис. 28: 4), при том, что с него, несмотря на типично призматическую форму, сняты достаточно широкие, хотя и плоские, пластинчатые отщепы.

Одноплощадочный нуклеус, который является явно остаточным, имеет небольшие размеры (Рис. 28: 5). С него также снимались преимущественно укороченные сколы.

Для всех призматических нуклеусов характерны подправленные ударные площадки. Подправка производилась широкими и плоскими снятиями. Негативы снятий на рабочих поверхностях неглубокие и недостаточно протяженные, отличаясь этим от подлинных призматических нуклеусов с верхнепалеолитического участка. Стоит отметить, что этот тип ядрищ встречается, пусть в небольшом числе, на многих стоянках среднего палеолита. В частности, типичные образцы его выявлены в коллекциях нижних слоев грота Микок: выразительный предмет из слоя 5 был зарисован П.И. Борисовским во время его научной командировки во Францию. Подобные формы известны мне и в коллекциях грота Старые Дуруиторы в Молдавии. Для контраста укажу на превосходные образцы призматических нуклеусов из подлинно мустьерских памятников (Монашеская пещера, Губское местонахождение), расположенных на территории Северного Кавказа (Беляева, 1999: 76, 78, 168). Типичный призматический микронуклеус найден и в мустьерском слое стоянки Кетросы. Торцовый нуклеус на отщепе, напоминающий клиновидные формы верхнего палеолита, выявлен даже в ашельском слое пещеры Кударо 1 (Любин, Беляева, 2004: рис. 19: 1).

Можно предположить, что в нашем случае призматическая форма была обусловлена, как характером сырья, основой которого служили удлиненные осколки или гальки яйцевидной формы, так и крайней степенью утилизации данного нуклеуса.

Грубопризматические нуклеусы отличаются от подлинно призматических неправильностью форм и широкими, относительно глубокими негативами сколов, которые были, если судить по оставшимся на нуклеусах негативам, преимущественно отщепами или пластинчатыми отщепами (Рис. 29-3). Эти ядрища обычны в коллекциях среднего палеолита.

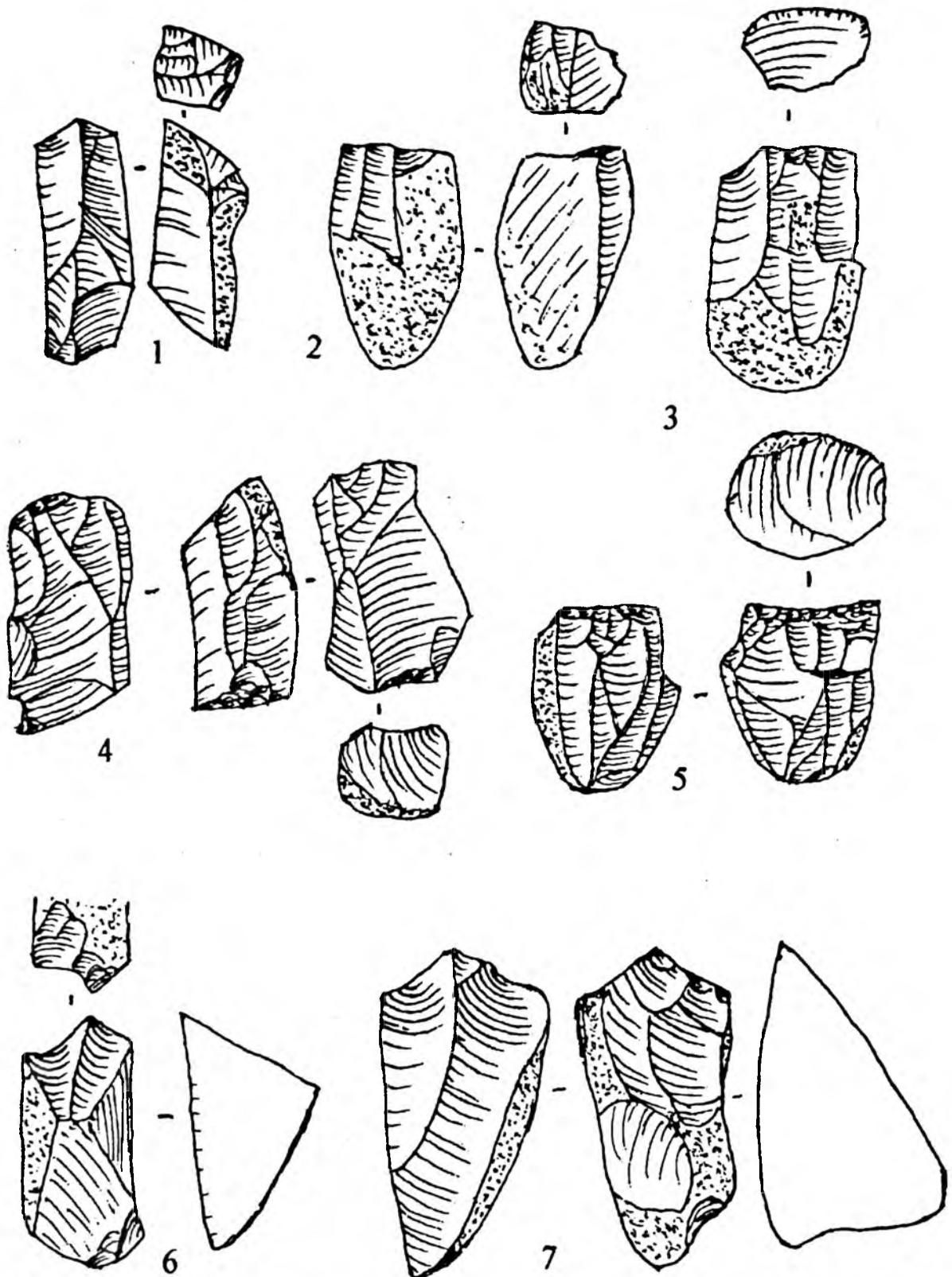

Рис. 28. Нуклеусы нижнего слоя. 1,6,7-с торцовым скалыванием; 2,3,4,5-призматические (4,5-типичные).

Атипичные или аморфные нуклеусы. Эти ядрища представлены 27 экз. Они, как правило, невыразительны. В их числе имеются также невыразительные обломки и осколки со следами двух-трех отчетливых снятий.

Общее заключение о нуклеусах. На основе анализа нуклеусов можно сделать общие заключения о технике первичного расщепления, характерной для нижнего слоя. Здесь преобладало ситуационное или клетонское расщепление. В том случае, если площадки тех или иных форм ядрищ использовались более интенсивно, а угол скалы

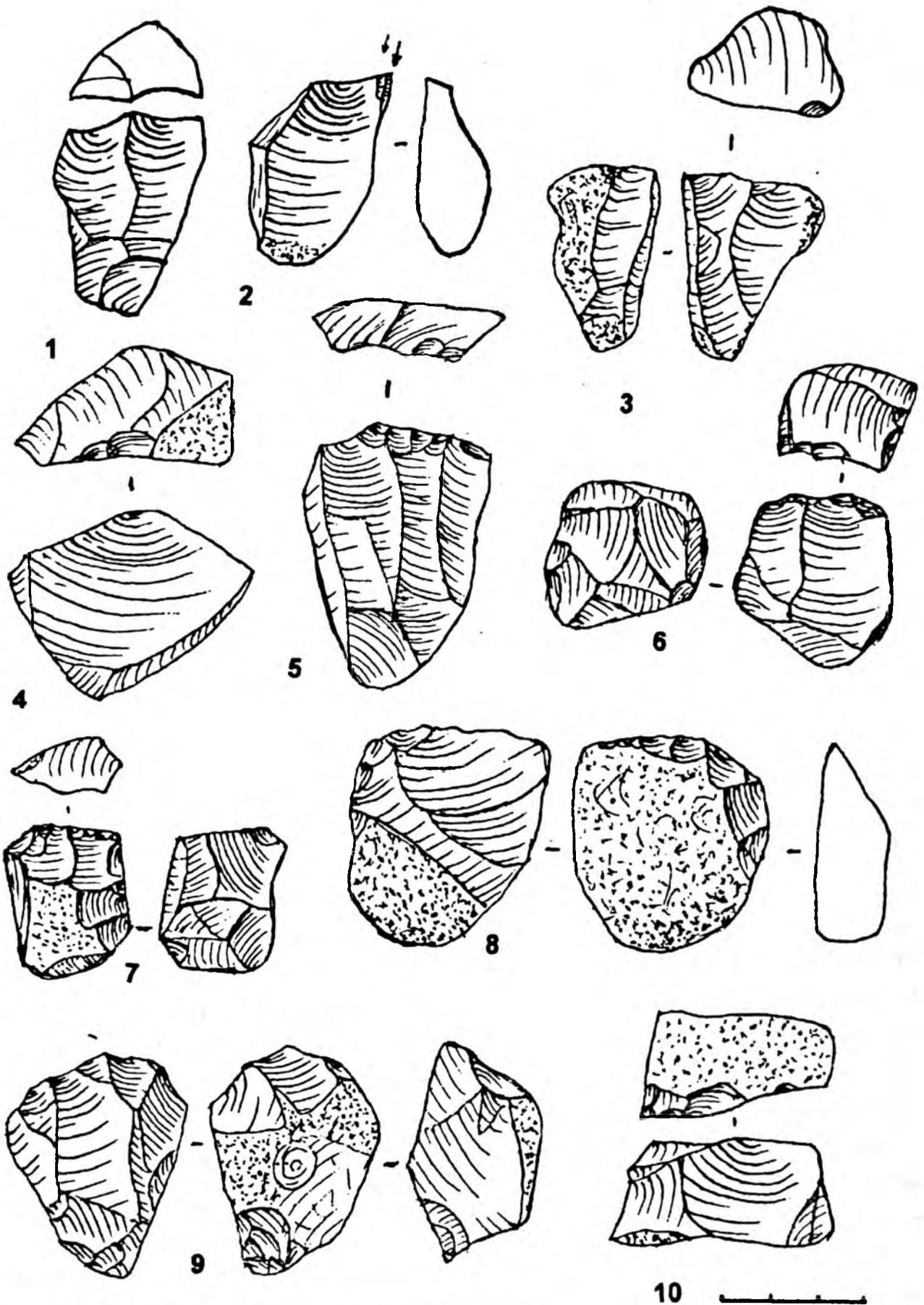

Рис. 29. Нуклеусы нижнего слоя. 1,2,4,5-одноплощадочные; 3-грубопзматический; 6,7-многоплощадочные, 8-веероидный, 9-пирамидальный, 10-атипичный.

вания в результате становился прямым или почти прямым, то мы имеем дело с ортогональным принципом утилизации ядрищ. У подавляющего большинства нуклеусов ударные площадки были широкими и гладкими, образованными либо одним сколом,

либо естественными. Они были чаще всего скошенными, реже - прямыми. Ядрища с углом скалывания от 90° до 80° составляют 18%, до 70° - 35%, и более 70° - 47%. Показательны одноплощадочные нуклеусы укороченных пропорций с гладкими и скошенными ударными площадками, которые в той или иной мере типичны для стинковских индустрий.

Сопоставлю, для контраста, ядрища верхнего и нижнего слоев по таким признакам, как размеры и углы ударных площадок. Эти данные приведены в табл 3 (материалы раскопок 1965, 1966, 1967 гг.), где в левой колонке приведены данные нижнего слоя, а в правой - верхнего (размеры ядрищ даны в мм, углы в градусах).

Таблица 3. Соотношения между углами и размерами ядрищ.

углы/размеры	30-35	36-54	55-64	65-80	более 80
55°-63°	- -	8 -	8 -	2 -	1 -
64°-67°	3 -	14 1	6 -	4 -	3 -
68°-72°	11 -	42 4	17 1	6 -	8 -
73°-76°	12 2	26 14	9 -	2 1	1 -
77°-90°	12 2	16 20	11 5	1 3	- -

Из анализа таблицы видно, что для нижнего слоя типичны ядрища более крупных размеров. Для них характерно абсолютное преобладание площадок с острыми углами, с которых скалывались клетонские отщепы, в то время как в верхнем слое более половины нуклеусов имеют прямые площадки. Подобная зависимость отражена и в более высоком проценте клетонских отщепов, найденных в нижнем слое.

В целом, подчеркну еще раз, для нижнего слоя Стинки 1, если использовать данные по имеющимся нуклеусам, характерна архаичная, но типично среднепалеолитическая техника первичного расщепления камня. Элементы техники леваллуа представлены весьма слабо, а типичных нуклеусов леваллуа нет совсем. Достоинно внимания наличие ядрищ, укороченных по оси скалывания, среди которых имелись не только одноплощадочные, но и с радиальной системой расщепления. Сходные формы характерны для весьма архаичной системы расщепления. В этой связи укажу на аналогичные образцы из разных (включая тайякские) среднепалеолитических слоев грота Кульна в Моравии (Valoch, 1988; Voeda, 1995: 66-67), а также из слоя 5 грота Ля Микок (Delpesch et al.: 147, 149).

Правда, здесь нужно обратить внимание на то, что в анализируемой технологии применялся, как прием подправки ударных площадок при помощи фасетирования, так и прием уменьшения размеров площадок при помощи удаления "бахромы" или снятия "карниза". Бесспорных следов редукции на ядрищах не обнаружено. Также, если исходить из анализа приплощадочных участков ядрищ, очевидно применение не только преобладающих твердых отбойников, но и редких отбойников иного типа. В последнем

случае мы имеем дело с относительно небольшими бугорками и сравнительно неглубокими негативами снятий.

Анализ сколов. Для индустрии нижнего слоя характерно использование как отщепов или пластин, так и осколков, которые имели, как правило, малые размеры. Следует указать на относительно небольшое количество подлинных отходов производства, которые представлены 520 неретушированными отщепами, 260 осколками и обломками, а также 212 чешуйками. Они составляют в целом около 53% от всех кремневых изделий, в то время как нуклеусов всего 11%. Это сложно объяснить только степенью сохранности слоя. К примеру, на раскопе 2 с находками верхнего палеолита, рассеянными в толще суглинка по вертикали и находящимися в явно нарушенном положении, чешуйки многочисленны. Напротив, чешуек мало в слоях гротов Буздужаны 1 и Тринка 1, а также, например, в коллекции Монашеской пещеры на Северном Кавказе (Беляева, 1999: 71). Малочисленны чешуйки в комплексе хорошо сохранившегося культурного слоя раскопа 2 открытой стоянки Кетросы, но зато обильны в комплексе раскопа 1 (Анисюткин, 2001). Подобные примеры малочисленности чешуек, происходящих из сохранившихся культурных слоев, не являются редкими. Возможно, это указывает на то, что интенсивная обработка камня, включая производство орудий, производилась вне площади раскопа 1. Настоящих отщепов оббивки бифасов тоже найдено немного (всего 6) (Рис. 32-2). Это согласуется с тем предположением, что основной участок, на котором изготавливались бифасы, расположен где-то ниже, возможно в Каменном яре, непосредственно у родника. Обнаружено несколько выразительных отщепов типа комбева (Рис. 31-3). Последние постоянно встречаются в коллекции грота Буздужаны 1 и в иных памятниках, относящихся к стинковской индустрии.

Приведу данные о длине сколов, используя выборку на основе только абсолютно целых изделий, происходящих с разных квадратов – прежде всего, орудий и отщепов (пластин) с ретушью. Длина, естественно, определялась по оси скалывания:

сколов до 50 мм - 185,

сколов от 51 до 70 мм - 33,

сколов от 71 до 100 мм - 6.

Очевидно полное преобладание сколов менее 50 мм. Это же характерно и для прочих серий. Средняя длина для орудий с квадратов линий Л,М, т.е. с сохранившимся культурным слоем, равна 42,8 мм, а для отщепов без обработки, но также с этого участка, всего 38,2 мм, указывая на некоторое предпочтение в пользу более крупных отщепов, хотя и незначительное. Это же отмечено и для изделий с участка с частично поврежденным слоем, где средняя длина для орудий - 43 мм, а для отходов производства - 38,8 мм.

Размеры сколов-заготовок не были зависимы от свойств разнообразного исходного сырья. Наряду с гальками мелких и средних размеров использовались крупные глыбы и желваки кварцита и пластового кремня. Все малочисленные крупные отщепы либо не обработаны, либо переоформлялись в орудия после их рассечения, либо имели

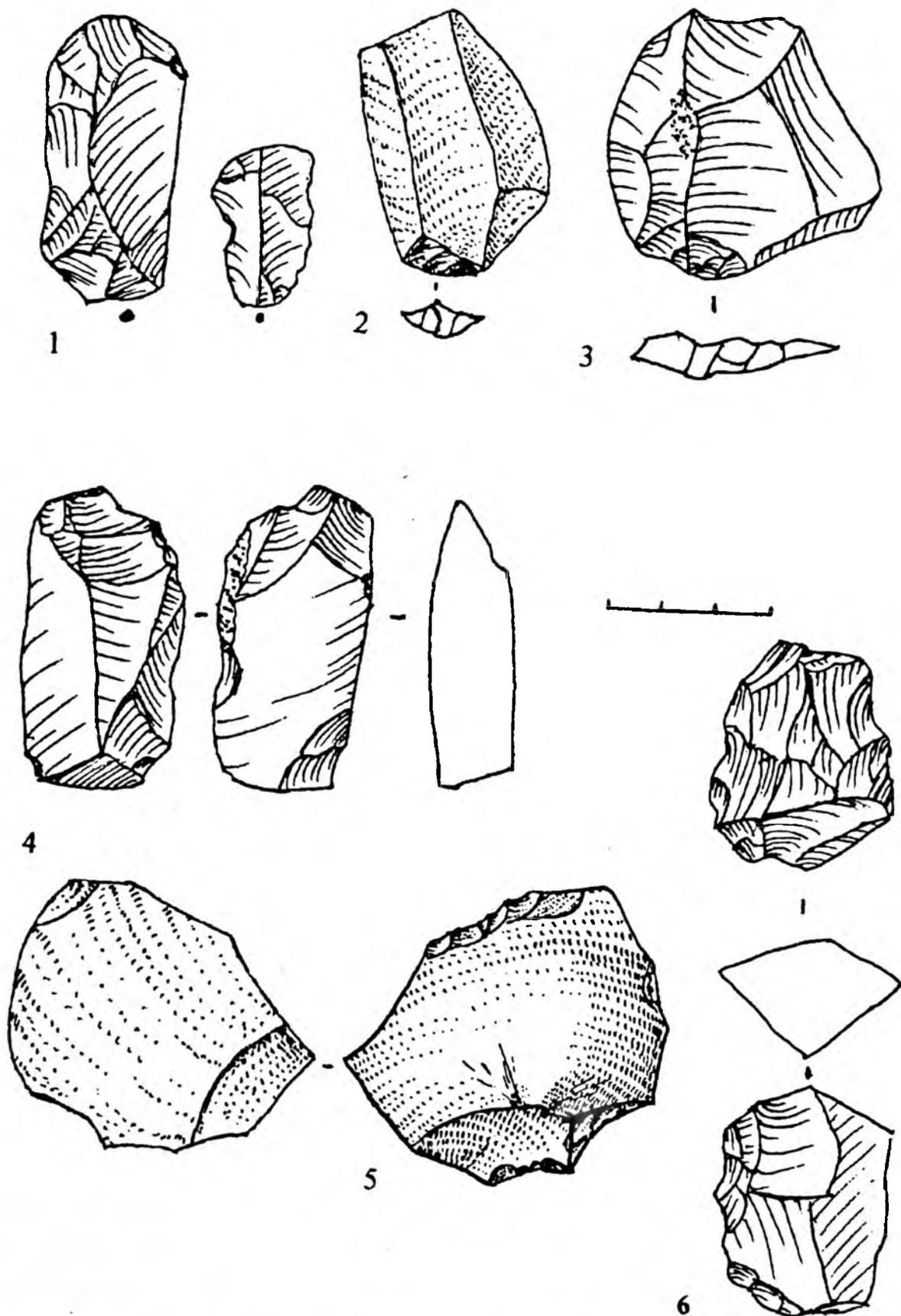

Рис. 30. Стинка 1, нижний слой. 1,2,3-отщепы леваллуа (1,2-атипичные), 4-долотовидное орудие, 5-скребло с брюшковой ретушью и выемкой (кварцит), 6-нуклеидный бифас.

только следы утилизации. Правда, особенность технологии, где расщепление проводилось по наименьшей оси ядрища с гладкими и скошенными ударными площадками, способствовала получению "сколов-заготовок", прежде всего, укороченных пропорций

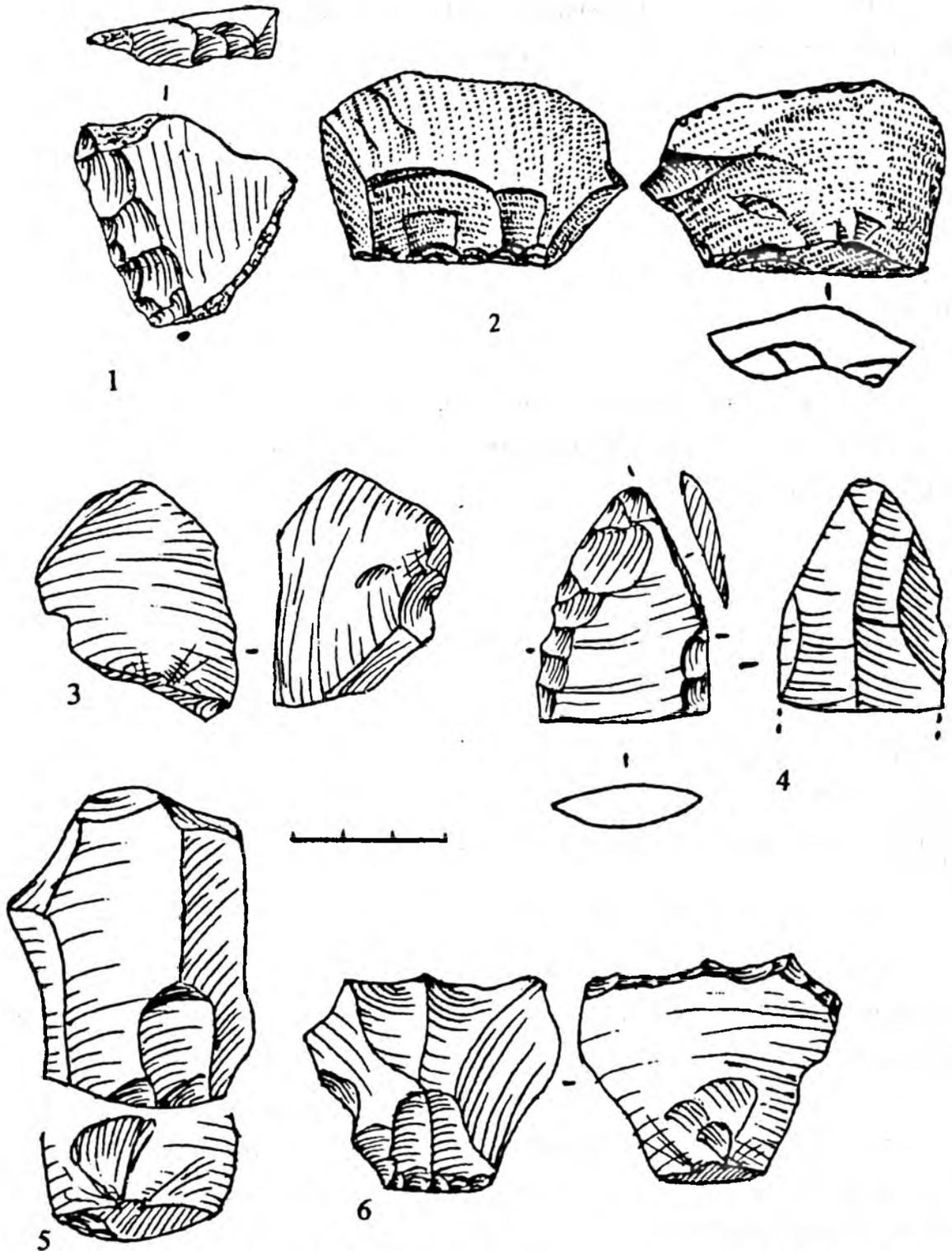

Рис. 31. Стинка 1. 1-скребло с обушком (подъемный материал), 2-плоский резец на кварцитовом отщепе (нижний слой), 4-нож с обушком на обломке пластинчатого отщепе (подъемный материал), 3-отщеп комбева, 5-отщеп леваллуа, 6-зубчатое орудие (все 3 из нижнего слоя).

и часто массивных, которые принято называть клетонскими отщепами. Давно известно, что удар, нанесенный по поверхности, которая не была доведена до вертикальной, отбивает отщепы относительно короткие и массивные (Kelley, 1954: 151).

Более 70% всех отщепов и пластин имели, как уже отмечено выше, длину менее 50 мм. Это типично для всех стинковских комплексов, независимо от того, использовались ли для получения сколов-заготовок преимущественно мелкие кремневые гальки из

аллювия IV-ой террасы, или крупные блоки и желваки пластового кремня из цоколя той же террасы, а также более крупные кремневые гальки кремня из аллювия II-ой террасы. Из аналогичного сырья в типичном мустье (Кетросы, Стинка-Дарабаны, Кишлянский яр) изготавливались кремневые изделия преимущественно средних и крупных размеров. Малые размеры характерны также для изделий верхнего слоя. Видимо, обитатели верхнего и нижнего слоев утилизировали одни и те же источники сырья, на что указывает тот же состав сырьевого материала, представленного аналогичными видами кремня и кварцита.

Таблица 4. Сопоставление сколов-заготовок верхнего и нижнего слоев стоянки Стинка I, сгруппированных по степени сохранности на их поверхностях корочного покрытия.

Сколы	верхний слой %	нижний слой %
1.Первичные отщепы	3,7	4,9
2.Полупервичные	6,5	6,7
3.С коркой более 25% поверхности	9,3	14,9
4.С незначительными участками корки	38,3	34,5
5.Без корочного покрытия	42,2	39,0

Очевидно значительное совпадение показателей: сколов со значительной корочной поверхностью (группы 1 и 2) 10,2% - в верхнем слое и 11,6% - в нижнем. Правда, в верхнем слое больше сколов без корочного покрытия.

Отщепы и пластины нижнего слоя преимущественно мелкие с распространенными и выпуклыми ударными бугорками, а также выраженными конусами. Стандартная форма отщепов находится, подчеркну еще раз, в пределах 35-45 мм. Средние размеры составляют 42-43 мм для орудий и 37-39 мм для неретушированных сколов. Эти показатели стабильны для коллекций 1966 годов (43 и 39) и 1967 (42,8 и 38). Тонкие отщепы немногочисленны. Общий индекс массивности достигает 28, в то время как в верхнем слое он равен 24. Так сколов с массивностью менее 20 (т.е. тонких) всего 11% для нижнего слоя и 32% - для верхнего. Однако, в отличие от комплексов раннего палеолита, в нижнем слое практически нет отщепов с распространенными, но плоскими ударными бугорками, частыми и рельефными волнами. В нижнем слое многочисленны клетонские отщепы.

Показатель леваллуа, приводимый для всей коллекции нижнего слоя, представленной почти 700 изделиями, (IL) составляет около 2%, фасетирования (IF) (широкого) - 19%, пластин (I_{lam}) - 6,2%. Много отщепов со скошенными и гладкими ударными площадками, образующими клетонский индекс (I_{cl}), который выше 41%. Встречены

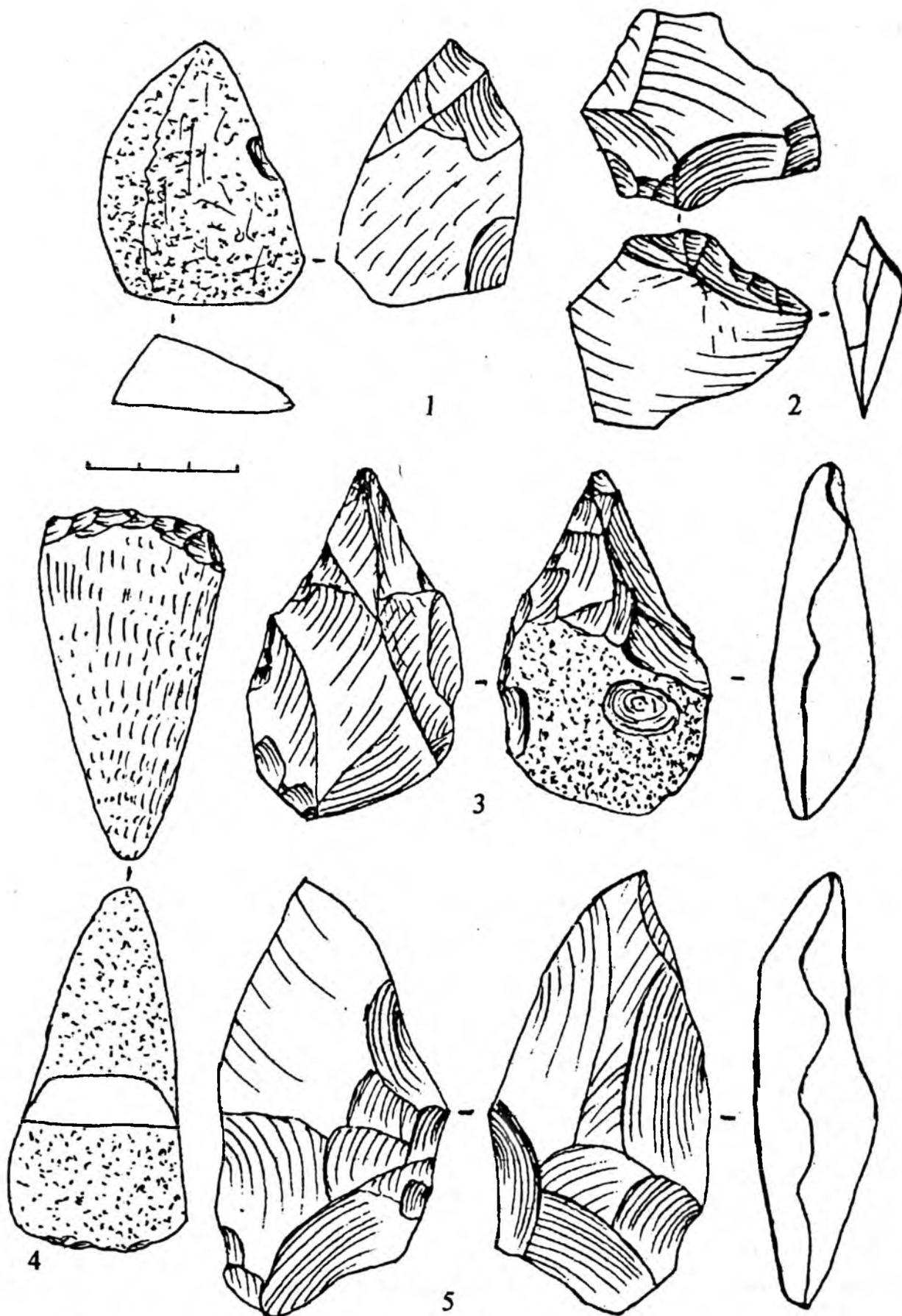

Рис. 32. Стинка 1, нижний слой. 1-преформа, 2-отщеп оббивки бифасов; 3,5-заготовки (?) бифасов; 4-отщеп песчаниковой гальки с поперечной ретушью.

немногочисленные точечные и линейные площадки, которые отнесены к гладким. Много двугранных площадок и мало подлинно фасетированных. Сколов с негативами

параллельных и субпараллельных снятий в нижнем слое выявлено 39,3%, а в верхнем их 56,8%. Для сравнения приведу тот же показатель из верхнего слоя 2 грота Буздужаны 1 - 43,2%, а также из мустьерского слоя 4 грота Тринка 1, который равен 53,2%. Этот показатель, как и прочие показатели подобного рода, имеют, на мой взгляд, относительную ценность.

Если же для сравнения использовать выборку только из целых предметов с хорошо сохранившимися ударными площадками (включая орудия и отщепы с ретушью), представленную 224 предметами, то мы получим следующие показатели техники первичного расщепления: индекс леваллуа - 4,0% (8 отщепов леваллуа типичных и атипичных, 1 пластина леваллуа); индекс широкой подправки ударных площадок - 26,7% (отщепов и пластин с подправленными ударными площадками 60); сколов с корочными площадками-5,3% (12 экз.); со скошенными ударными площадками (клектонский индекс)-108 (48,2%); точечных ударных площадок-7, а линейных-3; индекс пластин-6,6% (15 экз.); сколов "реберчатых" - 28 (11,1%), из них 23 с левосторонним "обушком" и 5 с правосторонним. Снятие "карниза" или "бахромы" выявлено на 15 предметах, а редукция на 4. В последнем случае речь идет о недостаточно типичных признаках, заметно отличающихся от бесспорной редукции на кремневых изделиях из верхнепалеолитического комплекса. Индекс толщины (или глубины) ударных площадок достаточно высок, достигая 8,2 мм. Напротив, для сравнения, индекс толщины площадок верхнего слоя значительно ниже, составляя всего лишь 6,2 мм. Этот показатель, на мой взгляд, требует более основательных данных, но приводимые в археологических работах индексы толщины площадок дают интересную (хотя и неоднозначную) информацию. Так используя данные из публикации Тостевина, получаем такие значения: среднепалеолитическое молодовское леваллуа-мустье (слой 5 Молодова 5) имеет показатель всего 6 мм, а богунисьен, знаменующий начало верхнепалеолитической технологии, всего 4 мм. Бокер Тахтит (с переходной индустрией) - 4 мм, в то время как нелеваллуазские комплексы дали сопоставимые с нижним слоем Стинки 1 показатели толщины ударных площадок для среднепалеолитического (микокского) слоя 7а Кульны - 9 мм (Тостевин, 2000: 228-229). Здесь, на мой взгляд, первостепенное значение имеет не возраст той или иной индустрии, а особенности технологий. Правда, как я уже отмечал выше, в этом направлении необходим дополнительный сбор информации, подтверждающий или опровергающий данные индексы.

Процентные соотношения, характеризующие технику расщепления данной серии, хорошо согласуются с индексами, полученными ранее для более многочисленной серии, включая по-разному фрагментированные сколы.

Если же попытаться определить основной тип сколов-заготовок, из которых производились орудия, то здесь ответ будет отрицательным. Стандартных заготовок нет. В качестве орудий использовались не только отщепы и редкие пластины, но и осколки. Правда, здесь всегда выдерживались размеры, которые, в основном, варьировали в пределах 40-50 мм. Крупнее были только бифасы. Показательно присутствие среди

орудий относительно большого количества первичных и полупервичных сколов, которые опровергают необходимость при получении сколов-заготовок технологического приема так называемой "декорткации" (т.е. снятия корки).

Представление о необходимости этого приема является одним из предрассудков, отражающим, как это уже было отмечено в известной работе Е.Ю. Гири, ошибочное и широко распространенное мнение о необходимости "снять корку" с желвака, прежде чем приступить к работе по раскалыванию (Гиря 1997: 56). На самом деле, именно под коркой желвачный кремнь наиболее пластичен, что находит свое подтверждение в материалах стоянки Стинка 1, где многие орудия были на отщепках первичных или полупервичных. В частности, большинство бифасов изготовлено на первичных отщепках.

Соотношения между орудиями и "заготовками" (т.е. продуктами расщепления с вторичной обработкой) представлены мною в таблице 5. Здесь учтены только ретушированные изделия. Формы с неясными заготовками, в число которых попало большинство бифасов, не учтены. Из числа осколков и обломков принимаются во внимание лишь естественные, но не обломки отщепов или пластин.

Таблица 5. Стинка 1 (нижний слой). Выявление наиболее распространенного типа заготовки для изготовления орудий.

Отщепы	пластины	осколки и обломки	гальки	нуклеусы
156(69%)	19(8%)	32(14%)	9(3,9%)	10(4,4%)

Как мы видим, при явном многообразии форм так называемых сколов-"заготовок", очевидным является преобладание различных отщепов. Второе место занимают разнообразные естественные осколки и обломки. Пластин же, которые представлены чаще всего обломками, найдено только около 8%. Общим признаком, типичным для всех орудий, можно считать их небольшие размеры, подавляющая часть которых составляет 3-5 см. Кроме того, предпочтение отдавалось укороченным и относительно массивным отщепам.

Удалось заметить, что среди сколов без обработки сравнительно много пластин и особенно мелких. Например, с восточных и центральных квадратов, где материал залегал под стерильной прослойкой, происходит 15 пластин. Из них лишь 3 обработаны, а остальные могут рассматриваться, как отходы производства. Это, по-видимому, связано с тем, что пластины не были желаемыми заготовками, являясь, скорее, случайными отходами. Подобное наблюдение было сделано и ранее немецким исследователем В. Топфером на материалах среднепалеолитической стоянки Рабуц в Германии (Тоерфер, 1958).

Соотношение степени удлиненности сколов, иллюстрирующее данное наблюдение, приведено мною в табл. 6. Учетный здесь материал происходит из нижнего слоя с

восточных квадратов (линии К,Л,М), где этот культурный слой имеет наилучшую сохранность.

Таблица 6. Характеристика удлиненности сколов и степень их использования для изготовления орудий нижнего слоя Стинки 1.

Удлиненность сколов	Орудия %	Отходы производства %
Укороченные (до 1:1)	30,0	26,0
Слабоудлиненные (1:1,5)	52,0	37,6
Удлиненные (до 1:2)	14,0	20,9
Пластины (более 1:2)	4,0	15,5

Таким образом, для орудий употреблялись более короткие сколы-заготовки (укороченные и слабоудлиненные - 82%). Отличаются эти группы и массивностью: если для изделий с вторичной обработкой она равна 29,8, то для необработанных предметов - 26,8. К тому же для изготовления орудий, наряду с отщепами, часто отбирались кремневые и кварцитовые осколки соответствующих пропорций, т.е. длиной 40-50 мм. В данном случае видно, как проявления более прогрессивной технологии, характеризующие пластинчатыми сколами, представлявшие собой элемент случайной инновации, не смогли прорваться сквозь рамки традиции. Данная инновация оказалась преждевременной.

Примечательно практически полное отсутствие микропластинок, которые могли бы быть получены с кареноидных скребков-рабо или с призматических нуклеусов. Микропластинок без ретуши выделено всего 5, из них только 1 является типичной. Это указывает на то, что данный тип заготовок также не был востребован. Таким образом, нецелесообразно всегда рассматривать нуклевидные скребки-рабо в качестве нуклеусов для снятия микропластин. Этот тип скребков, как уже было установлено трасологами, часто использовался по своему прямому назначению, именно, как скребки, а не только в качестве нуклеусов для микропластинок (Коробкова, Кегурадзе, 1972: 56).

Для индустрии нижнего слоя характерна, в целом, среднепалеолитическая технология плоскостного скалывания. В зависимости от качества и форм сырья, расщепление в основном велось: а) по радиальной системе; б) по параллельной или субпараллельной; в) по той и другой одновременно (чаще всего). К этой среднепалеолитической системе нужно отнести не только многоплощадочные ядрища, но и торцовые. Как следует интерпретировать присутствие здесь малочисленных призматических и грубопризматических нуклеусов? - На мой взгляд, как своеобразную технологическую "мутацию", которая однако не привела, если говорить об индустрии только нижнего слоя Стинки 1, к какой-то существенной перестройке. Пластинчатые сколы весьма слабо использовались в качестве заготовок для изготовления каменных орудий. Однако эти верхнепалеолитические формы нуклеусов можно рассматривать, наряду с иными наметившимися качественными изменениями (снятие "бахромы", слабо выраженная редук-

ция), как предвестник качественной перестройки технологической системы, которая начала реализовываться уже в верхнем слое.

Вторичная обработка представлена не только ретушью или выемками, но и подтеской, включая костенковский тип, а также резцовыми сколами (преимущественно, широкими). Подтеска костенковского типа характерна, как писал Карел Валох, также для индустрии Мамаи. Правда, нужно отметить специально, типичная для мустье чешуйчатая и ступенчатая ретушь редка в нижнем слое Стинки 1 (как и в Мамаи), а характерная обработка типа кина отсутствует совсем. Хорошо известно, что для зубчатого мустье, к примеру, остроконечники, лимасы, конвергентные скребла, а также ретушь типа кина и полу-кина вообще не характерны (Bordes, Sonnevillе-Bordes, 1970: 71; Bordes, 1962-1963: 43-49). Отмечу еще раз: для Мамаи все эти признаки типичны.

Индустрии нижнего слоя характеризуется преобладанием выемчато-зубчатой и крутой ретуши, хотя нельзя исключать того, что во многих случаях речь идет не о намеренной обработке, а о следах утилизации, возникших в результате разного использования орудий. Прежде всего, это мелкая и микрозубчатая ретушь, но здесь, в отличие от пещерных памятников, нельзя ожидать заметного количества естественно поврежденных предметов. Для этого нет никаких веских оснований.

Орудия нижнего культурного слоя. В этом разделе представлены данные об орудиях нижнего культурного слоя Стинки 1, несколько отличающиеся от ранее опубликованных (Анисюткин, 1969, 2001). Правда, это никак не повлияло на общую оценку индустрии, сделанную прежде. Пересмотру подверглись, в первую очередь, некоторые недостаточно выразительные орудия, в том числе: а) атипичные зубчатые и выемчатые формы; б) скребла с очень мелкой ретушью; в) ряд комбинированных и редких, но недостаточно выразительных орудий.

Изделия с вторичной обработкой весьма разнообразны, отличаясь этим от монотонных мустьерских ансамблей, где многообразие проявляется, чаще всего, лишь в деталях вторичной обработки таких относительно стандартизованных форм, как остроконечники, скребла и бифасы. Высокий уровень подлинной стандартизации достигается только в индустриальных ансамблях верхнего палеолита.

Заметно обилие комбинированных форм, где на одном предмете сочетаются различные элементы вторичной обработки. В предлагаемый тип-лист, в первую очередь, включены те формы, которые наиболее четко выражены. Этот "метод преимущества", заимствованный мною у Ф. Борда [Bordes, 1961], создает благоприятные условия для применения тип-листа. Правда, стоит отметить: он несколько упрощает ситуацию, хотя и позволяет перевести язык описания к общепринятым понятиям.

В соответствии с методикой Борда, необходимо начать описание коллекции каменных орудий с мустьерской группы (группа II), ибо в коллекции отсутствуют ретушированные леваллуазские острия, которые образуют леваллуазскую группу (группа I), состоящую только из ретушированных форм ("essentiels" Ф. Борда).

При раскопках нижнего слоя Стинки 1 не было найдено ни выразительных мустьерских остроконечников, ни лимасов. Один предмет остроконечной формы, изготовленный на конце пластинчатого отщепы, который можно было бы рассматривать в качестве остроконечника (Рис. 41: 1), является, на мой взгляд, верхним концом обломанного листовидного бифаса. Правда, в коллекции из подъемного материала найден один достаточно выразительный остроконечник, изготовленный на удлиненной заготовке, но отнести его к комплексу того или иного слоя невозможно.

Скребла. Группа II или мустьерская представлена только скреблами и скребловидными орудиями. Под скреблами следует понимать, вслед за Ф. Бордом, предметы, изготовленные на отщепе или пластине (обломках), с непрерывной и разнотипной ретушью одного или нескольких краев [Bordes, 1961: 25]. Имеются комбинированные формы, представленные элементами иных орудий. В нашей коллекции предметы с чешуйчатой и ступенчатой обработкой редки. Чаще встречается субпараллельная ретушь. Плоские сколы или подтеска (включая костенковский тип) применялись либо для снятия ударных бугорков, либо для утончений заготовок, а иногда для подправки острых углов с целью оформления режущей кромки концевого ножа (Рис. 41: 8). Имеется много обушковых форм, но, как правило, естественных. Среди них есть, как покрытые коркой, так и образованные элементами первичного расщепления. В качестве заготовок использовались не только отщепы, но, хотя и реже, естественные осколки камня. В одном случае такой заготовкой послужил нуклеус.

Скребел с прямым рабочим выделено 3, в их числе одно с выделенным обработкой долотовидным концом. Второе скребло на массивном клетонском отщепе (Рис. 33: 2) имеет на дистальном конце усечение ядрищного типа, для которого характерно нанесение фасеток крутой ретуши ("тронкирование") со спинки на брюшко, напоминая тем самым подготовку ударной площадки на ядрище. Один предмет является обломком скребла, отнесение которого к данной категории весьма условно.

Скребел с выпуклыми рабочими краями выделено 10. Одно из них является комбинированным орудием, где выявляется скребок на ударной площадке отщепы, в сочетании с усечением противоположащего поперечного конца крутой ретушью. Данное усечение вновь относится к так называемому ядрищному типу. Этот способ "тронкирования" характерен именно для стинковской индустрии. Еще одно интересное скребло изготовлено на остаточном нуклеусе.

Скребел с вогнутым рабочим краем найдено всего 4, включая одно с долотовидным концом. У следующего скребла имеется усечение верхнего конца, вновь представляющее собой "тронкирование" ядрищного типа. Два остальных являются атипичными.

Двойное скребло, изготовленное на широком отщепе, всего одно. Два слабовыпуклых рабочих края обработаны чешуйчатой ретушью. Один из них полукрутой, второй имеет более острое, ножевидное лезвие. Ударный бугорок и площадка сняты широкими и уплощенными сколами (Рис. 34: 1).

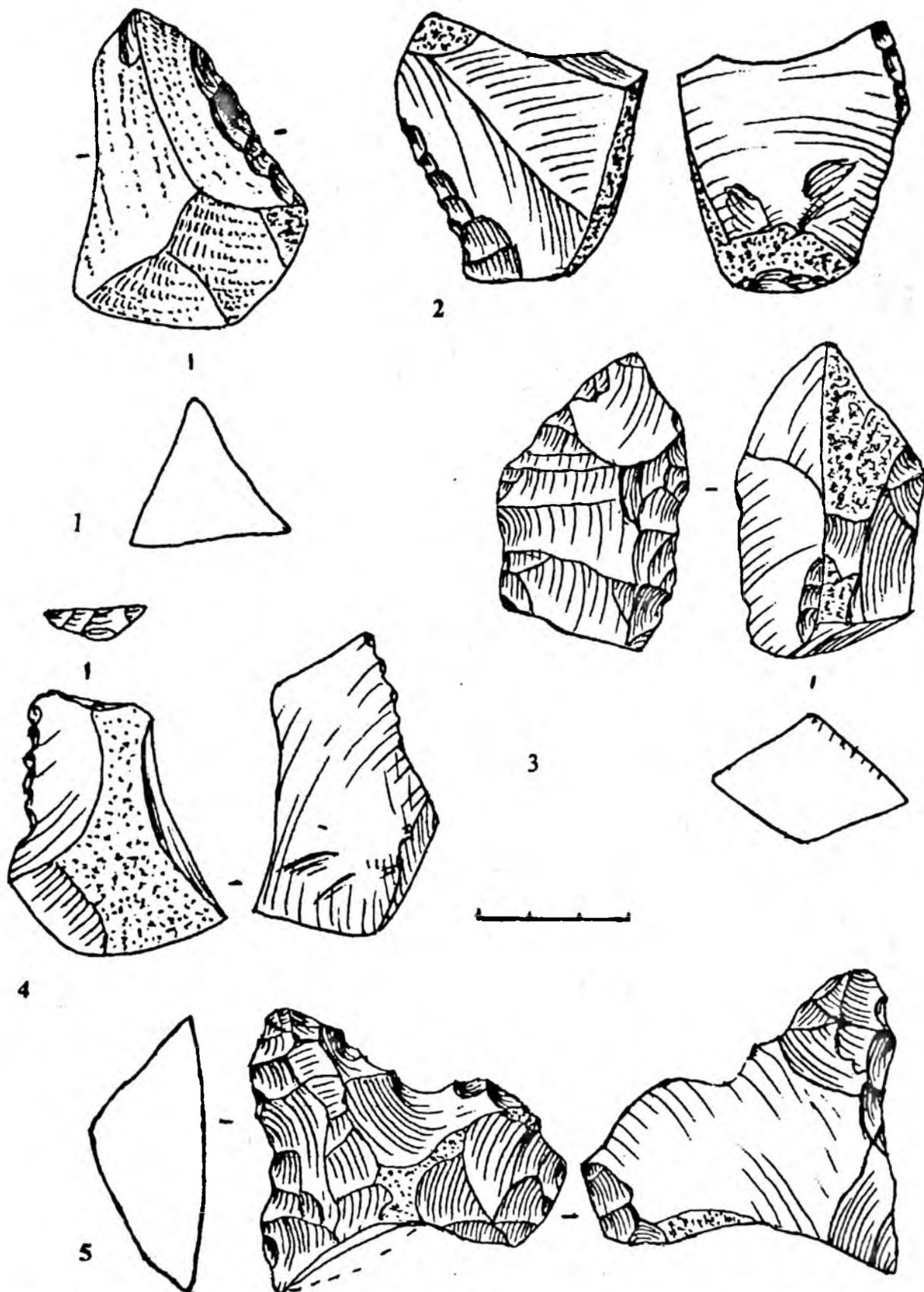

Рис. 33. Каменные орудия нижнего слоя Стинки 1. 1,2- скребла (1-кварцит, 2-на массивном клектонском отщепе), 3-острие типа кинсон, 4-комбинированное орудие: зубчатое орудие (нож) с поперечно усеченным ретушью концом и естественным обушком, 5-тайякское острие с костенковской подтеской.

Поперечных скребел всего 6. Из них 2 с прямыми рабочими краями, включая одно, которое, скорее всего, следует отнести к диагональным. Это последнее имеет подправку верхнего угла плоским сколом (Рис. 41: 8). Поперечных скребел с выпуклы

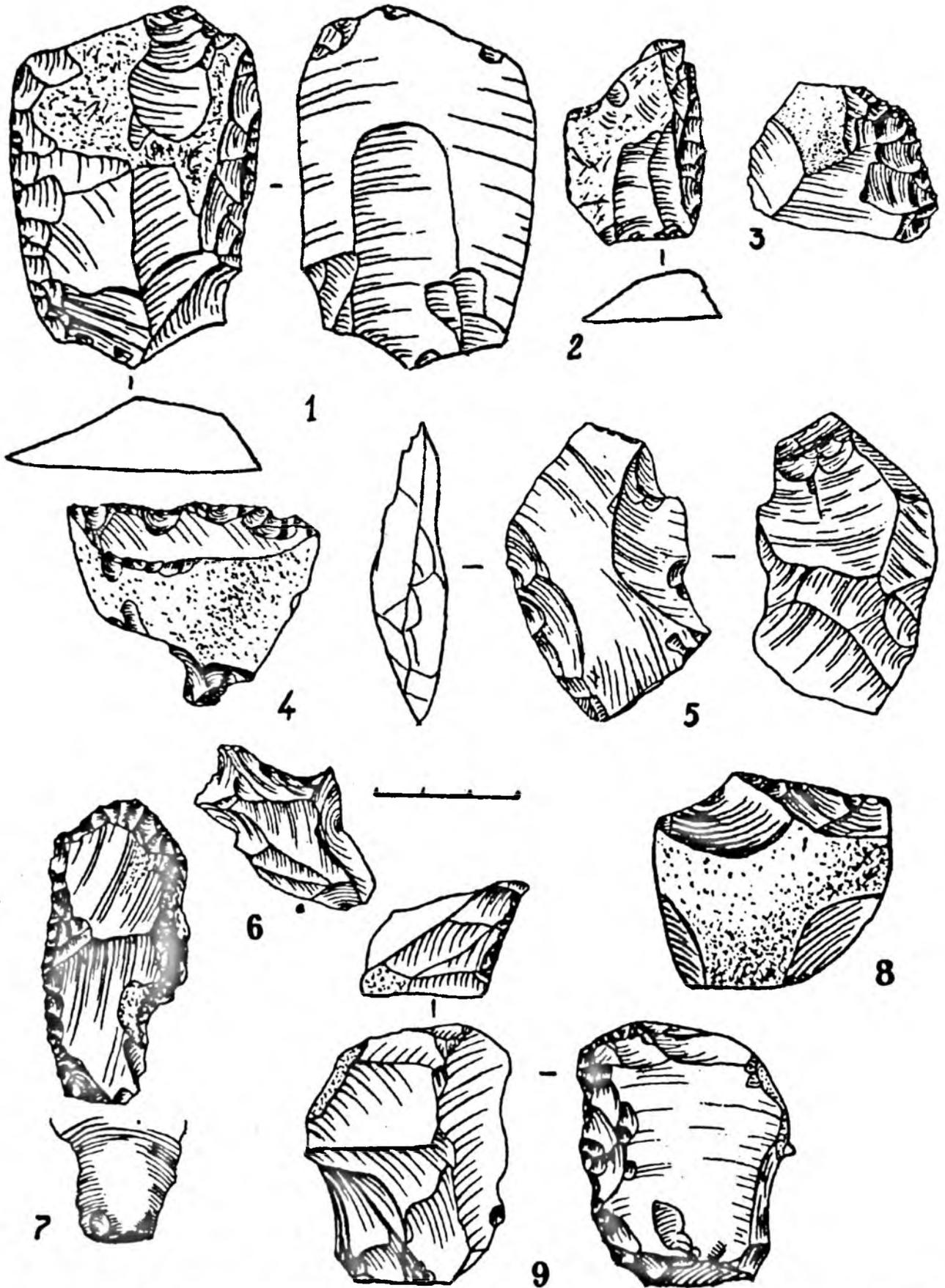

Рис. 34. Каменные орудия нижнего слоя. 1-скребло с двумя рабочими краями и подтеской с брышка, 2,3-скребла простые; 4-скребло поперечное; 5-скребло ретушированное с брышка и подтеской; 6-клювовидное острие, 7-скребло+скребок, 8-поперечное скребло с клетонской выемкой, 9-скребло ретушированное с брышка и скребоквидным концом.

ми рабочими краями 4 экз. У одного из них часть обработанного края удалена крупной клетонской выемкой (Рис. 34: 8). Сходный тип скребел отмечен Ф. Бордом в слое 3 грота Микок [Bordes, 1961: 28], но там, в отличие от Стинки 1, речь идет о скреблах типа кина. Аналогичная форма, происходящая из раскопок 1975 г., выявлена мною в коллекции грота Буздужаны 1.

Скребел ретушированных с бруска выделено 3 экз. Здесь имеются две комбинированных формы: в одном случае это выемка (Рис. 30: 5), в другом - выразительный скребковидный рабочий край (Рис. 34: 9).

Два скребла можно отнести к той разновидности, которая соответствует № 26 тип-листа Ф. Борда (так называемые скребла с крутой ретушью края) [Bordes, 1961: 28]. Одно из них изготовлено на отщепе, а второе скребло имеет выпуклый рабочий край, обработанный крутой и отвесной ретушью. Оно напоминает "боковые скребки", выделенные мною в коллекции грота Буздужаны 1. Исходной формой является обломок ядрища с торцовыми сколами, противоположными сильно выпуклому рабочему краю, обработанному отвесной и крутой ретушью (Рис. 27: 5).

Скребел с утонченными плоскими сколами "обушком" ("ra cloirs a dos aminci") всего 2. Одно из них, выделенное при просмотре коллекции французским ученым Анри де Люмлеем, имеет почти сплошную двустороннюю обработку и отчасти напоминает Keilmesser немецких исследователей, отличаясь сравнительно тонким сечением (Рис. 43: 4). Второе является менее выразительным и может рассматриваться в качестве атипичного.

Одно скребло относится к особым формам с рабочим краем в виде латинской буквы S. Этот тип скребел очень редок в мустье [Bordes, 1961: 30]. Однако он выделен мною на нескольких памятниках нижнего и раннего среднего палеолита Прото-Днестровского междуречья.

Интересны 2 скребловидных орудия с рабочими краями на торцах обломанных отщепов. Если для обычных мустьерских скребел плоскости, образующие лезвия, являются естественными поверхностями сколов, то для выделяемых форм только одна плоскость естественная, вторая же (нижняя) образована сечением заготовки. Угол между ними варьирует от прямого к острому, находясь в тесной связи со степенью изношенности рабочего края. Это отражается и на характере ретуши: формы с острым лезвием имеют плоскую и интенсивную ретушь, с тупым - крутую или ступенчатую. В самых общих чертах эти скребловидные орудия (по характеру вторичной обработки) напоминают "струги", выделенные в мустье Узбекистана [Сулейманов, 1972], отличаясь от них заготовками. На одном таком орудии Г.Ф. Коробковой были выявлены отчетливые следы работы, возникшие от длительного использования предмета, как скобящего инструмента по дереву или кости. На противоположном остром конце, образованном двумя обломами, также выявлены следы работы, свидетельствующие об использовании его в качестве массивной проколки (Рис. 41: 6).

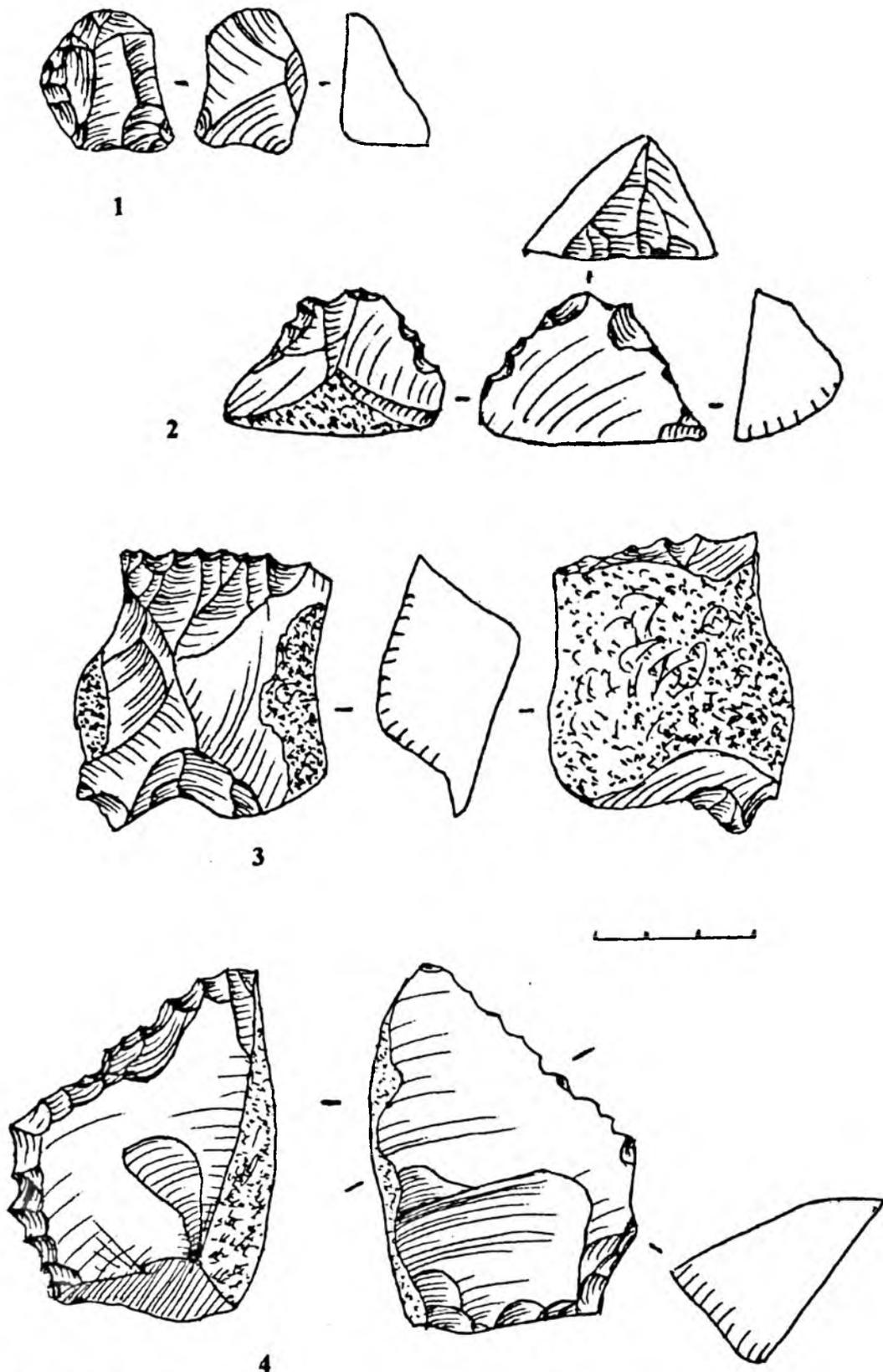

Рис. 35. Кремневые орудия нижнего слоя. 1-скребоквидное орудие на остаточном нуклеусе, 2,3,4-зубчатые орудия с массивными крутыми и полукрутыми рабочими краями (4-происходит со стоянки Мамай).

Следует указать также на небольшой обломок скребла, не поддающийся более точному определению.

Группа III или верхнепалеолитическая группа орудий нижнего слоя разнообразна и представлена достаточно хорошо, но, на мой взгляд, слабо стандартизирована. Она

характеризуется, преимущественно, скребками высокой формы, которые отождествляются с ориньякоидными скребками.

Скребки. Наиболее многочисленными и выразительными орудиями данной группы являются скребки, которые представлены: а) нуклеидными ладьевидной формы (рабо) – 6 экз.; б) с «носиком» ("a museaux") - 3 экз.; в) концевыми – 4 экз.; г) атипичными – 2 экз. Среди концевых выделяется типичная комбинированная форма скребок-скребло (Рис. 34: 7). Два типичных концевых скребка на обломках пластин, которые почти неотличимы от аналогичных форм из граветтского комплекса с северного участка, не являются более поздней примесью. Один типичный скребок на конце обломанной пластины, найденный на кв. И-4 раскопа 1, залегал под отчетливой стерильной прослойкой мощностью до 15 см (Рис. 36: 8). На этом квадрате, как уже отмечалось выше, наблюдается частичная сохранность стерильной прослойки. В процессе расчистки установлено, что скребок располагался почти вертикально именно в основании нижнего культурного слоя. С ним рядом, как и вообще на квадрате, не было никаких изделий заведомо позднего облика и поэтому данный предмет уверенно отнесен к нижнему культурному слою. К тому же почти все находки каменных изделий с кв. И-4 встречены только в нижнем слое, а выше, на уровне верхнего слоя, над стерильной прослойкой, найдены только небольшой отщеп и атипичное ядрище. Правда, чисто теоретически, если принять во внимание маломощность стерильной прослойки, нельзя исключать того, что данный предмет проник в нижний слой по древней промоине из более поздних отложений. Такого рода промоина глубиной до 10 см, выявлена на кв. Ж-6 на уровне верхнего среднепалеолитического слоя. В ней был найден типичный слабо патинизированный верхнепалеолитический скребок-резец на пластинке. Однако на квадрате И-4 никаких нарушений нижнего слоя не обнаружено. Второй, не менее выразительный скребок на конце обломанной пластинки (Рис. 36: 3) найден в раскопе 3 непосредственно в нижнем слое. Перекрывающий его суглинок был частично деформирован, и в нем имелись включения мелкой гальки. Тем не менее, скребок отнесен к нижнему слою на том основании, что на этом участке вообще не найдено никаких находок верхнего палеолита. Для рассмотрения этих скребков в качестве вероятной поздней примеси, не соответствующей каменной индустрии нижнего слоя, серьезных оснований нет.

Один скребок, как уже отмечалось, является комбинированным орудием, где сочетаются скребок и типичное скребло с естественным (покрытым коркой) обушком. В качестве заготовки использован удлиненный отщеп с массивным и распространенным ударным бугорком, но гладкой ударной площадкой. Негативы от предшествующих снятий на спинке перпендикулярны оси скалывания и не являются параллельными, указывая на то, что отщеп, скорее всего, сколот с радиального ядрища. В данном случае скребло выражено более четко. Оно имеет слабо выпуклый рабочий край, обработанный чешуйчатой ретушью. Однако орудие отнесено к скребкам - на том основании, что эти формы являются для среднего палеолита более редкими (Рис. 34: 7).

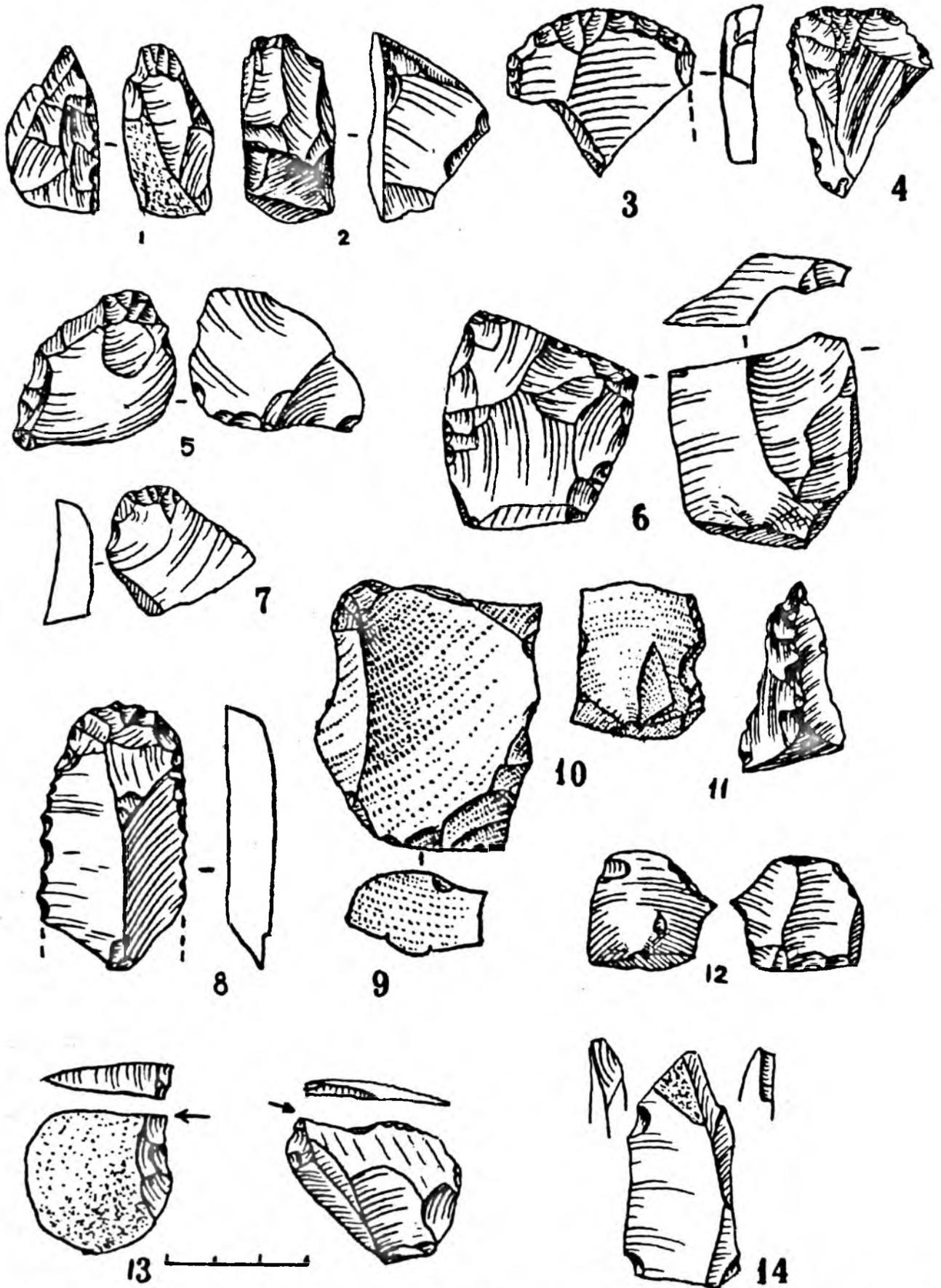

Рис. 36. Каменные орудия нижнего слоя. 1,2-нуклеидные скребки-рабо; 3,8-концевые скребки; 5,7-скребки на площадках, 6-скребло с утонченным корпусом, 9-скребок с носиком, 10-выемчатое орудие, 11,12-проколки; 13,14-резцы.

Скрепки нуклеидные (рабо) также производят впечатление более поздних орудий (рис. 36: 1,2), хотя они отсутствуют в граветтском комплексе Стинки 1. Однако эти

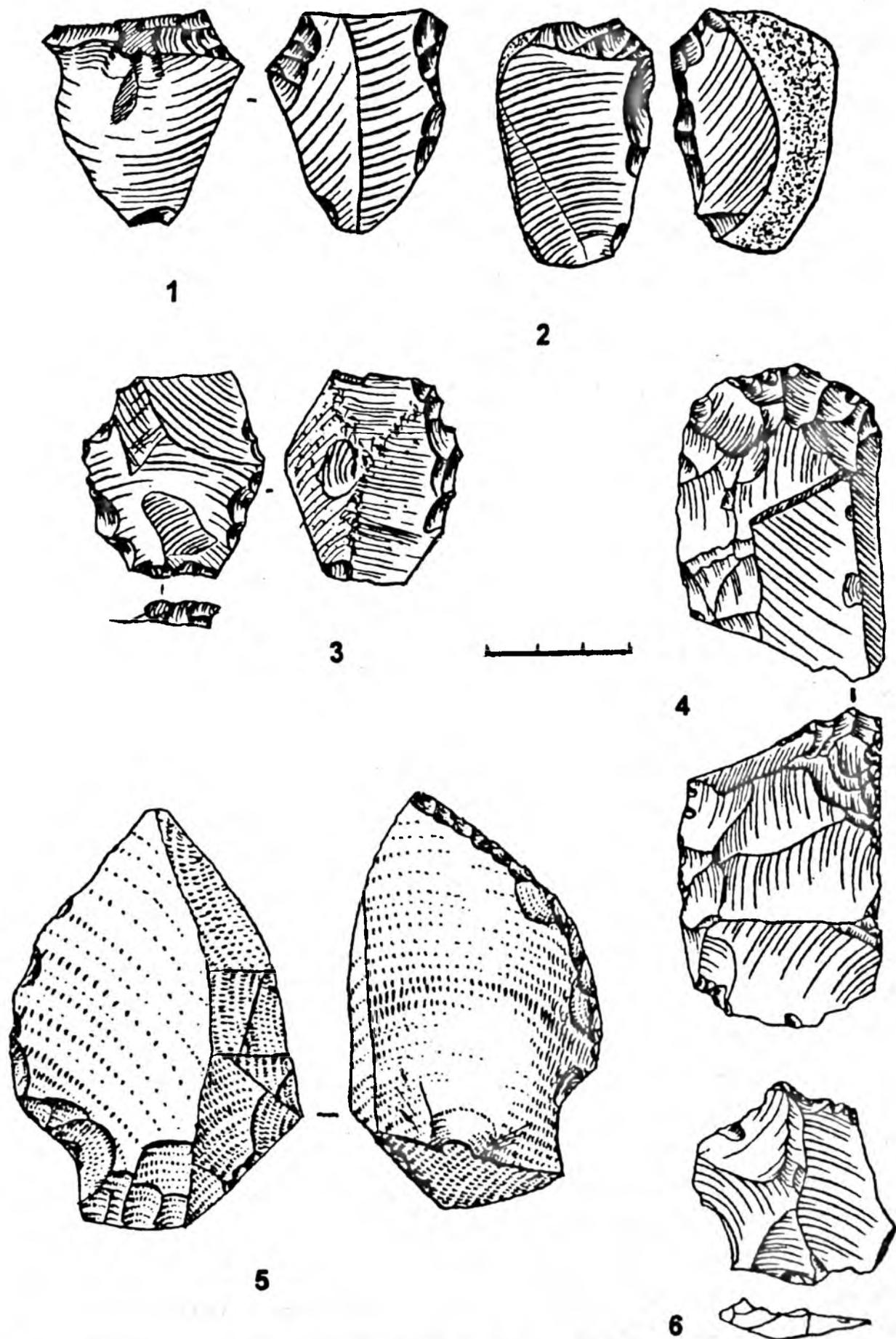

Рис. 37. Каменные изделия со вторичной обработкой из нижнего слоя. 1,2,3-формы с парарезцовыми сколами ("угловые долотовидные орудия"); 4-заготовка листовидного бифаса; 5-комбинированное орудие на клектонском отщепе (скребло+выемчатое орудие), 6-отщеп с микрорубчатой ретушью конца.

скребки бесспорно связаны с индустрией нижнего слоя: два из них найдены на квадратах по линии Л, где культурный слой имеет хорошую сохранность и перекрыт достаточно мощной стерильной прослойкой, а еще один, также выявленный в нижнем слое, изготовлен на осколке архаичного шаровидного ядрища (Рис. 27: 1). Два других скребка имеют выразительные и небольшие, микроскребковые рабочие края. Еще один предмет является атипичным.

В целом, скребки отличаются низкой степенью стандартизации. Последняя характерна только уже для верхнего палеолита. К примеру, даже архаичная индустрия ранней поры верхнего палеолита, соответствующая стрелецкой культуре, имеет достаточно стандартизованные формы скребков с хорошо выделенными рабочими краями, существенно отличаясь этим от соответствующих орудий нижнего слоя Стинки 1 [Рогачев, 1957: Рис.12; Аникович, 1977: Рис. 2]. Это же можно сказать, к примеру, и о скребках такой переходной индустрии, как "богунисьен", где много типичных скребков на концах пластинчатых заготовок [Svoboda, 1990: 207-208].

Резцы. В коллекции присутствует 10 резцов, из которых 2 боковых, 4 угловых, 4 срединных. Последние следует рассматривать, как специфические формы, у которых одна грань образована обломом, а вторая подлинным резцовым сколом (Рис. 35: 14), хотя иногда и достаточно плоским и широким (Рис. 31: 2). Большинство из них являются атипичными. Оба боковых резца различны, как по характеру резцовых сколов (у одного он очень узкий, у второго - широкий), так и по характеру оформления поперечного конца (в одном случае это слабая ретушь, в другом - выемчатое орудие). Среди угловых резцов один имеет резцовый скол на углу остаточного одноплощадочного ядрища, то есть речь идет о случайной форме. Только одно орудие с резцовым сколом изготовлено на обломке пластины, все остальные были на отщепках.

Проколки. Эта категория орудий представлена всего 6 достаточно выразительными предметами. Жальца выделены, как правило, противолежащей ретушью. Почти все они изготовлены на отщепках преимущественно мелких размеров (Рис. 36: 11, 12). В одном случае использовалась обломанная пластина, а в двух - осколки мелких галек.

Ножи с обушками. Эти формы относительно многочисленны. Сюда включены, как ножи с ретушированными обушками, так и с естественными. Чаще всего на рабочих краях дополнительно прослеживается мелкая ретушь или следы утилизации.

Форм с ретушированными обушками выделено 4. В одном случае обушок ножа на небольшом отщепе образован крутой ретушью. Обушок второго ножа, изготовленного на массивном отщепе, был частично ретуширован. Третий нож представляет собой орудие на массивном отщепе с обушком, значительная часть которого представляет облом, а примыкающий к облому верхний конец усечен крутой и отвесной ретушью ("тронкирован"). На остром лезвии имеется выразительная микрозубчатая ретушь (Рис. 33: 4). Подобные ножи, только более выразительные, особенно характерны для коллекции грота Буздужаны 1. Один из ножей нашей коллекции, изготовленный на отщепе из

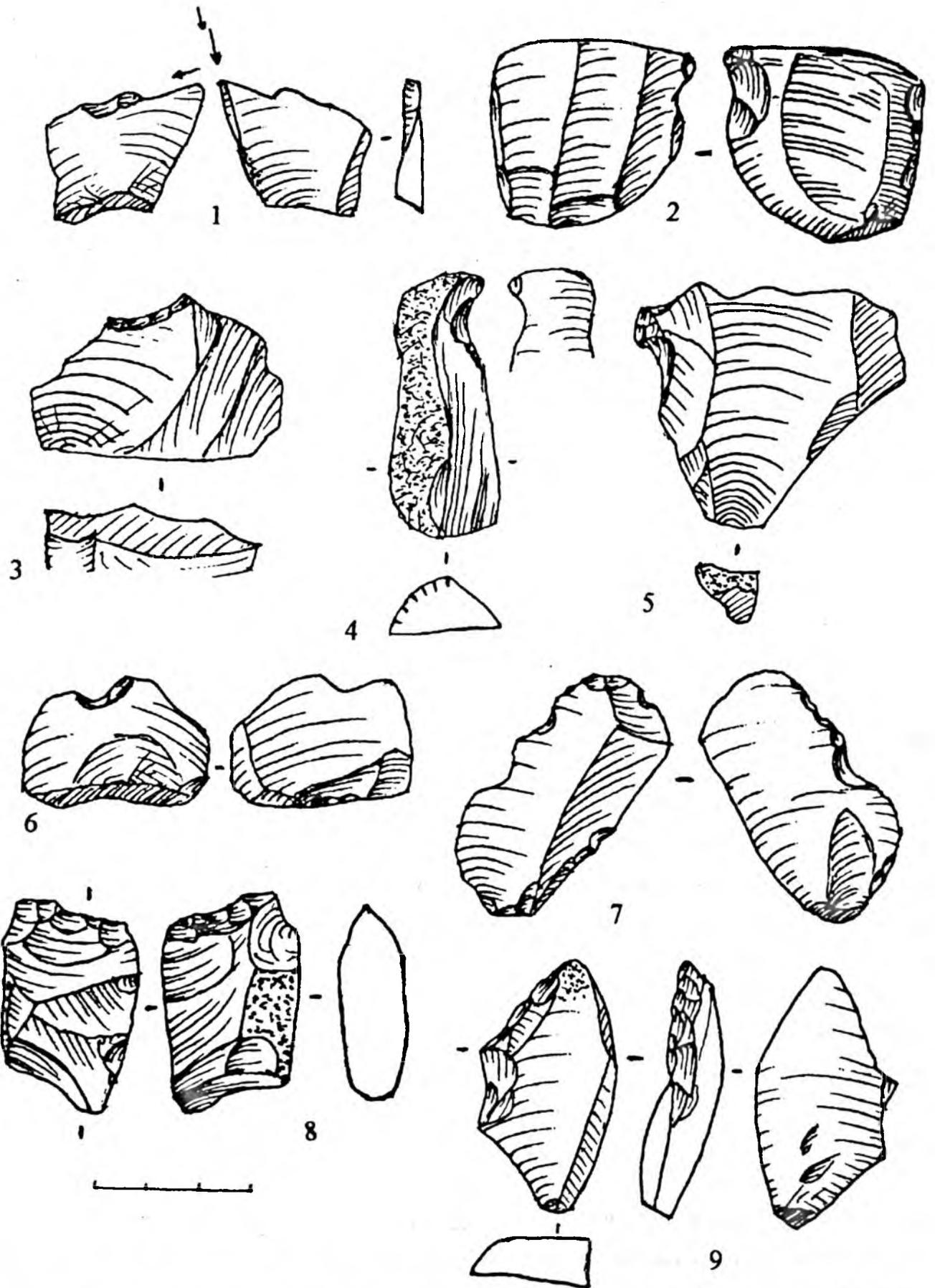

Рис. 38. Кремневые орудия нижнего слоя. 1-резец, 2,4,5-клювовидные резак (bill-hooks); 3,6-орудия с поперечными выемками; 7-зубчатое орудие, 8-долотовидное орудие (pièce escaillée), 9-скребло.

кварцитовидного песчаника, имеет массивный обушок со встречной ретушью. Этот тип ножей наиболее характерен для ранних памятников дуруиторо-стинковского единства.

Остальные ножи имеют естественные обушки, в их числе 10 с коркой и 4 с намеренными обломами или гранями ядрищ. У трех из них дополнительной ретушью выделен острый конец. Эта обработка имеет уплощенные и параллельные фасетки, которые напоминают "парарезцовые" сколы. Естественно-острые лезвия чаще всего имеют следы утилизации в виде мелкой ретуши или выщерблин.

Орудия типа "раклет" ("Raclettes"). французских исследователей представлены в коллекции 5 предметами. В тип-листе Ф. Борда они приведены под № 39 [Bordes, 1961: 37]. Эти орудия изготовлены, как и положено, из тонких отщепов. Острые и тонкие края орудий обработаны мелкой, крутой ("жемчужной") ретушью. Исключением является один предмет на сравнительно толстом отщепе, поперечный край которого так же обработан мелкой и крутой ретушью.

Отщепы с усечением крутой ретушью поперечного конца ("Eclats tronques"). Орудия "тронке" тип-листа Франсуа Борда (№ 40) обнаружены в так называемом "чистом" виде, а не в качестве элементов иных орудий, всего в количестве 5 экз. Из них 3 имеют усечение типичное, характерное для верхнего палеолита: фасетки ретуши наносились с брюшка на спинку. Остальные два изделия имеют усечение так называемого "ядрищного" типа: фасетки крутой ретуши наносятся со спинки на брюшко, напоминая подготовку ударной площадки полюсного ядрища. Усечение ядрищного типа характерно, в сочетании с прочими показательными признаками, именно для стинковских индустрий, часто встречаясь, как один из элементов комбинированных орудий. Кстати, ядрищное усечение является одним из элементов подтески костенковского типа.

Долотовидные орудия. Они представлены, как изделиями с чешуйчатой подтеской концов, так и с выраженной подтеской уплощенными снятиями. Их выделено всего 6 экз. Среди них обнаружено одно типичное "Piese escaillee", изготовленное на массивном обломке кремня, которое было сильно повреждено в древности морозобойными процессами (Рис. 38: 8). Второе орудие изготовлено на обломке пластинчатого отщепа. Здесь крупными сколами выделен поперечный конец, на котором прослеживаются следы утилизации в виде мельчайших фасеток микроретуши (Рис. 30: 4). Остальные 3, оформленные на отщепах, являются атипичными и менее выразительными. На присутствие же в коллекции Мамаи форм типа "Pieces escaillees" особое внимание обращал К. Валох [Valoch, 1993: 257].

Дополнительно выделяется серия из 5 специфических долотовидных форм на углах отщепов или осколков (Рис. 37: 1, 2, 3; 40: 6). Их рабочие края, образованные двусторонней обработкой, напоминающей парарезцовые сколы, были или вогнутыми, или прямыми. На одном из них В.Е. Щелинским выявлены следы работы (Рис. 40: 6), указывающие на использовании этого инструмента для обработки твердых материалов (кости или дерева).

Интересно, что на аналогичные орудия обратил внимание Карел Валох в коллекции стоянки Мамаи [Valoch, 1993: 257]. Он описал эти сходные формы как резцы "dejetes". В целом, в некоторой мере похожие орудия, например, выделены и описаны в

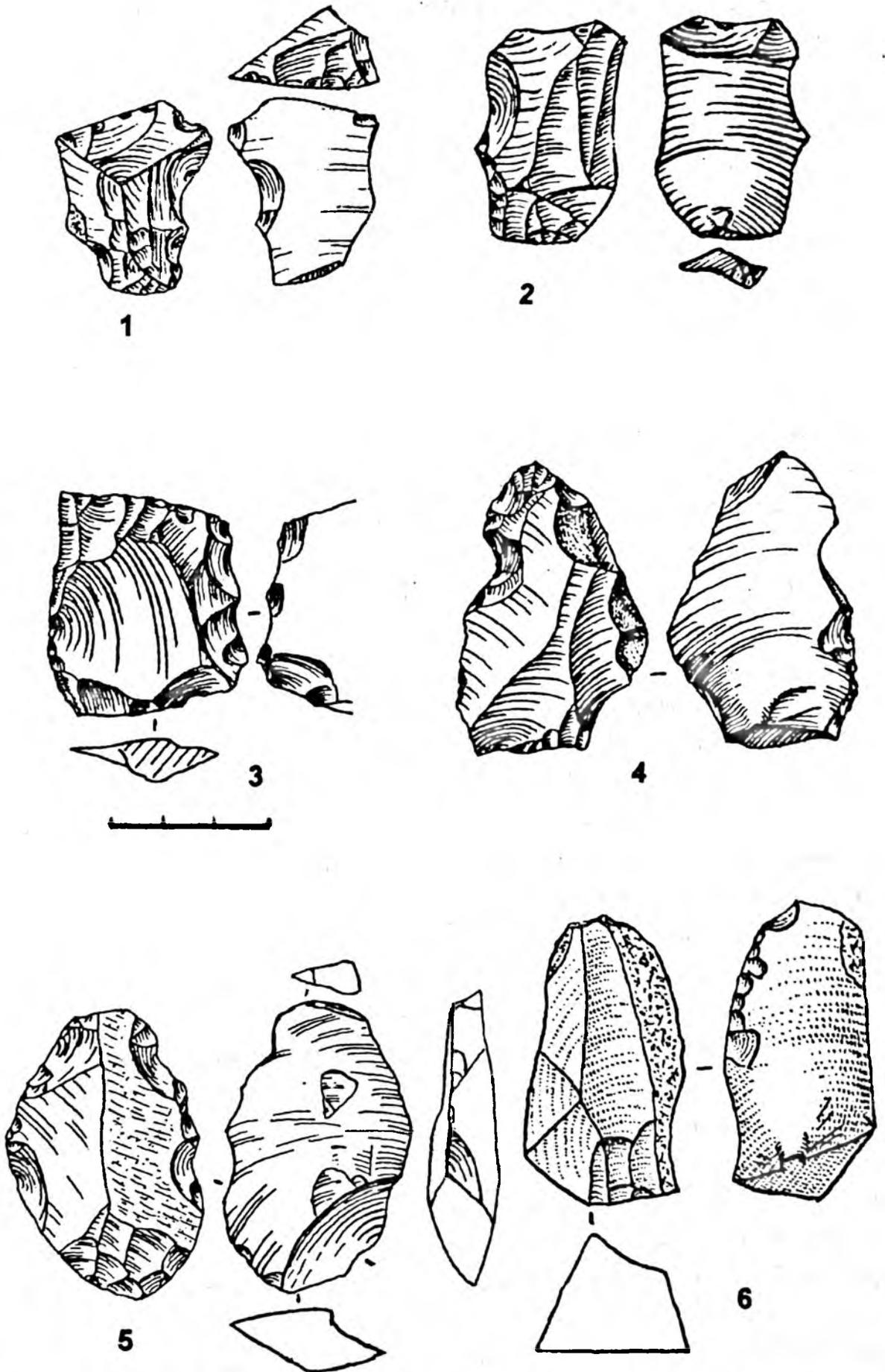

Рис. 39. Каменные орудия нижнего слоя. 1-комбинированное (скребок+зубчатое орудие+клювовидный резак); 2,4-выемчатые орудия; 3,5-зубчатые орудия, 6-клетконский отщеп с ретушью.

ориньякском комплексе Тварожна в Моравии, где они определены как резцы *carenes* [Valoch, 1976: 24], а также на французской стоянке Абри Пато (Pataud), названные резцами "Bassaler". Здесь в первую очередь речь идет о резце, опубликованном на таблице 22 под № 3 [Demars, Laurent, 1992: 72-73]. Стинковские формы отличаются от названных выше резцов невыраженными и широкими "резцовыми" сколами, а также отсутствием ретушного усечения, роль которого выполняют параллельные псевдо- или парарезцовые снятия. На мой взгляд, выделенные в нижнем слое Стинки 1 резцевидные формы не являются подлинными верхнепалеолитическими резцами: почти все "резцовые сколы" являются уплощенными и относительно короткими. В какой-то мере эти формы на углах отщепов могут быть эквивалентны так называемым "pieces a chanfrein".

Аналогичные орудия с парарезцовыми сколами выявлены мною в коллекциях более ранних памятников Молдовы и Приднестровья: речь идет о местонахождении Мерсына, Ярово и Шипот 2. Однако их нет в коллекциях регионального типичного мустье. Исключением является аморфный предмет, происходящий из комплекса типичного мустье, который найден в культурном слое 4 грота Тринка 1 [Анисюткин, 2001: 139].

Сходные формы, но более близкие подлинным резцам, присутствуют в коллекциях "богунисьена". Они, на мой взгляд, справедливо, в отличие от наших, описаны, как резцы [Oliva, 1981].

Выемчатые орудия. Эти формы многочисленны и разнообразны, их общее число равно 36 экз (Рис. 39, 2, 4). В качестве заготовок использовались отщепы (25 экз.), пластины (2 экз.), осколки (3 экз.) и обломки галек (3 экз.). В группу выемчатых орудий следует включить 3 желобчатых с клетонскими выемками. Последние являются устойчивой формой, для которой характерна клетонская выемка, расположенная на месте пересечения естественной грани отщепа и облома, часто намеренного. Изделий с клетонскими выемками 18 и простыми (ретушированными) так же всего 18.

В целом, выемки широко использовались как прием вторичной обработки для выделения различных выступов, острий, режущих кромок, а цепь соприкасающихся выемок, как указывал Ф. Борд, рассматривается, как основной признак зубчатых орудий.

Зубчатые орудия. Эти орудия образуют группу IV (№ 43 тип-листа) по системе Ф. Борда. В коллекции нижнего слоя они относительно многочисленны и разнообразны (35 экз.). По сравнению с более ранними публикациями [Анисюткин, 1969: 2001] из этой группы изъяты, прежде всего, атипичные формы, имеющие нерегулярную микроретушь. В предварительном плане, исходя из имеющихся форм, они подразделялись следующим образом: 1) с пильчатым рабочим краем, 2) скребковидные высокой формы, 3) с боковыми остриями, 4) скребловидные или зубчатые скребла.

1) *Пильчатые.* Орудия представлены в количестве 6 экз. Изготовлены на разнообразных заготовках. Рабочие края образованы зубчатой ретушью с правильно и попеременно чередующимися фасетками – как правило, мелкими, создающими край типа разведенной пилы (Рис. 39, 3; 41: 5).

2) *Скребоквидные высокой формы* (5 экз) изготовлены на массивных отщепах или осколках, чьи рабочие края, напоминающие края скребков или массивных скребел, обработаны крупными фасетками типа клетонских выемок или нуклевидных снятий. На углах или, что редко, в центре выделяются шипы. Рабочие края этих массивных в сечении орудий постоянно полукрутые или крутые (Рис. 35: 2,3).

3) *Боковые острия* (2 экз), занимают промежуточное положение между остроконечниками типа тайяк и – в меньшей мере – клювовидными остриями, на зубчатом рабочем крае которых крупными выемками или только одной выемкой выделено острие. От тайякских остроконечников отличаются тем, что острие образовано не сходящимися краями, а расположено на продольном крае. От клювовидных острий отличается коротким жалом, отсутствием регулярных выемок и подправки с нижней плоскости острого конца (Рис. 40: 3,8).

4) *Скребловидные орудия (зубчатые скребла)*, которые представлены 22 предметами, часто имеют различные обушки. Они могут быть подразделены, подобно скреблам, но с определенными поправками. Для нижнего слоя речь идет, в основном, о ножах с обушками и преимущественно микрозубчатыми рабочими краями. Нельзя исключать того, что во многих случаях мы имеем здесь следы утилизации, связанной с определенным видом работ. Некоторые формы можно описать, как типичные зубчатые скребла (Рис. 40: 5,7; 41: 3).

В целом, половина всех зубчатых орудий имеют разнообразные обушки. Последние, как правило, естественные, реже представленные гранями ядрищ или обломами. Среди зубчатых орудий найдено несколько комбинированных, включая двойное с костенковской подтеской.

Весьма любопытно отметить то, что почти все выделенные в нижнем слое Стинки I формы зубчатых орудий обнаружены мною и в коллекции стоянки Мамая, которую я изучал в Бухаресте в 1987 г. Особенно выразительными были предметы с полукрутыми скребковидными рабочими краями на толстых и массивных отщепах (Рис. 35: 4).

В целом, было бы полезно подразделять эти орудия на типичные и атипичные. К первым следует относить формы с крупнозубчатой ретушью и основную часть среднезубчатых. Ко вторым – все изделия с микрозубчатой ретушью, которая могла представлять собой следы утилизации. Формы с замятыми и тупыми "лезвиями" можно считать, скорее всего, псевдоорудиями.

В настоящее время прослеживается отчетливая тенденция умалять значимость и даже вообще отрицать существование выемчатых и зубчатых орудий, полагая, что подобный тип обработки представляет из себя, в основном, результаты естественных повреждений. Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена в публикации Н.Д. Праслова, который увидел в мустьерской коллекции Белокузьминовки 98% изделий с так называемой "зубчатой ретушью" и связал данный "факт" с повреждениями кремневых изделий непосредственно в слое [Праслов, 1984: 102-103]. Последнее не было подтвер-

ждено исследованиями украинских коллег [Цвейбель, Колесник, 1992]. Тем не менее, указанная точка зрения быстро нашла многочисленных сторонников, которые в своей категоричности пошли куда дальше Н.Д. Праслова, заявив, что "публикуемые во многих работах по ашелю и мустье орудия (зубчатые, выемчатые, клювовидные формы, острия тайяк и т.д.) имеют псевдоретушь" [Матюхин, 2002: 292].

Вопрос о выемчатых и зубчатых орудиях достаточно детально рассмотрен в соответствующем разделе монографии Е.В. Беляевой, предложившей (дабы утихомирить противников выделения выемчатых и зубчатых орудий) "изгонять" все изделия с псевдоретушью из совокупности подлинных ("reels") орудий [Беляева, 1999: 35-36]. На самом деле отделить псевдоретушь от подлинной очень сложно и не всегда возможно. К числу орудий с псевдоретушью можно, на мой взгляд, отнести большинство форм с чередующимися фасетками микрозубчатой ретуши и относительно тупыми рабочими краями, которые могут быть также и следами утилизации. Именно по такому пути, в какой-то мере, пошел и я в оценке зубчатых орудий Стинки 1, убрав из коллекции ряд невыразительных предметов.

Следует однако подчеркнуть, что многие исследователи палеолита понимают под зубчатыми орудиями весьма разнообразные формы. Первостепенное значение имеет лишь зубчатый контур предполагаемого рабочего края орудия. Отсюда в число подобных орудий попадают отщепы и пластины с микрозубчатой и нерегулярной ретушью. Я считаю, что, наряду с прочими признаками, следует придавать особенно большое значение сохранности поверхностей артефактов и степени остроты рабочих "лезвий" зубчатых орудий, а также сохранности культурных слоев и наличию или отсутствию в них возможных источников очевидных повреждений.

В свое время Ф. Борд, который включил выемчатые и зубчатые орудия под №№ 42 и 43 в свой тип-лист, призывал осторожно относиться к каменным изделиям с микрозубчатой ретушью краев, утверждая, что подобная "обработка" могла возникать от использования простого отщепа о твердый предмет [Bordes, 1961: 50], то есть подобная "обработка" могла быть и следами утилизации. Правомерность данного вывода была подтверждена экспериментально советскими исследователями палеолита [Щелинский, 1983: 87]. Для этой цели несколько десятков сколотых кремневых отщепов было высыпано на щебнистую поверхность, которая затем подверглась вытаптыванию ботинками экспериментаторов в течение продолжительного времени, травмируя таким образом края артефактов. Собранные и проанализированные затем кремневые "орудия" имели по краям выщерблины и разнообразную мелкую ретушь, включая микрозубчатую, которая напоминала следы утилизации на предметах из культурных слоев. Однако, на мой взгляд, в данной коллекции (если судить по публикации!) не оказалось ни одного подлинного зубчатого или выемчатого орудия. Кроме того, важно всегда помнить: для образования настоящей "зубчатой" ретуши требуется ряд обязательных условий, которые природные процессы (несмотря на все их многообразие) вряд ли могли постоянно "соблюдать". Необходимы реальные источники создания "обработки" подобного типа:

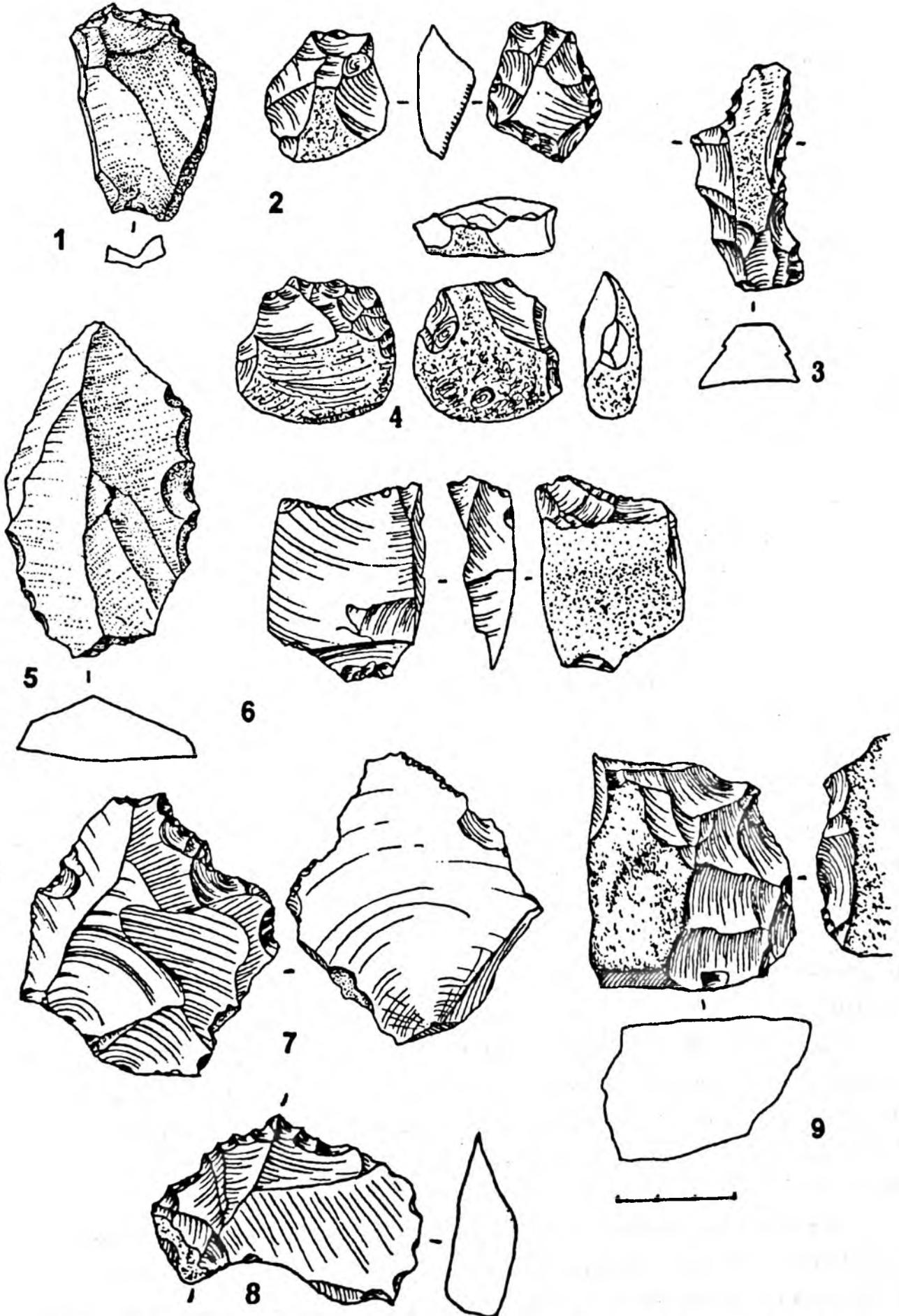

Рис. 40. Каменные орудия нижнего слоя. 1-зубчатое орудие с поперечно обработанным краем, 2-дисковидное орудие, 3,8-зубчатые орудия с острями, 4-чопперовидное орудие, 5,7-зубчатые скребла, 6-комбинированное орудие (парарезец+долотовидное орудие), 9-чоппер.

прежде всего твердые основы, на которых фиксировались бы повреждаемые предметы, а также сам источник наносимой "травмы". Про это позабыли те исследователи, которые, не занимаясь глубоко проблемой зубчатых орудий, сочли описанный выше эксперимент простым и однозначным решением проблемы, которая, в действительности, куда сложнее [Васильев, 2002: 97].

Безоговорочно принимая идею об искусственном происхождении выемчатых и зубчатых орудий, ученые должны закрывать глаза на целый ряд вопросов, которые непременно встали бы перед ними, при более внимательном подходе к делу. Остановлюсь на некоторых из них.

Количество и качество выемчатых и зубчатых орудий не всегда напрямую зависит от того, найдены они в скальных убежищах со щебнистыми отложениями, или на открытых стоянках, связанных с лессово-почвенными отложениями. Здесь необходим учет конкретных условий. Полезная информация по данному вопросу имеется в монографии В.П. Любина, где обобщены все имеющиеся сведения о раннем и среднем палеолите Кавказа, основными памятниками которого являются пещерные стоянки [Любин, 1989]. В частности, как это видно из публикации, все стоянки с обильными микрозубчатыми формами почти всегда связаны со щебнистыми отложениями. Казалось бы, вот неоспоримое доказательство зависимости появления зубчатой (преимущественно, микрозубчатой) ретуши от типа отложений, в которых найдены данные формы орудий! И тем не менее, не все так просто и однозначно.

Примеры с других территорий не подтверждают в полной мере приведенные выше наблюдения, показывая, что количество выемчатых и зубчатых орудий не зависит напрямую от типа отложений, в которых они найдены. Часто в пещерных памятниках таких форм мало, а в лессовых, где вроде бы явные источники повреждений отсутствуют, они обильны. Очень показательна в данном отношении изобилующая мустьерскими материалами территория Крыма. Здесь типичны именно пещерные памятники, но обилие зубчатых орудий для них не характерно. По моим данным, основанным на изучении ряда коллекций памятников крымского мустье и на анализе публикаций, индекс зубчатых орудий никогда не был выше 10%. На это указывают и публикации [Колосов и др., 1993]. В среднем палеолите Германии и бывшей Чехословакии зубчатые индустрии так же редки. "Зубчатое мустье" выявлено только в гроте Шипка [Valoch, 1965]. А вот в германском раннем палеолите орудия с зубчатой обработкой обильны [Mania, 1993: 525-548].

В многослойном гроте Кульна, среднепалеолитические культурные слои которого находятся в пещерных отложениях, включая горизонты с обильным щебнем, который мог бы стать, как это видно на материалах Кавказа, источником повреждения артефактов, зубчатых орудий немного [Valoch, 1988]. Напротив, средний и поздний палеолит Приднестровья и Молдовы, включая территорию Румынии, характеризуется

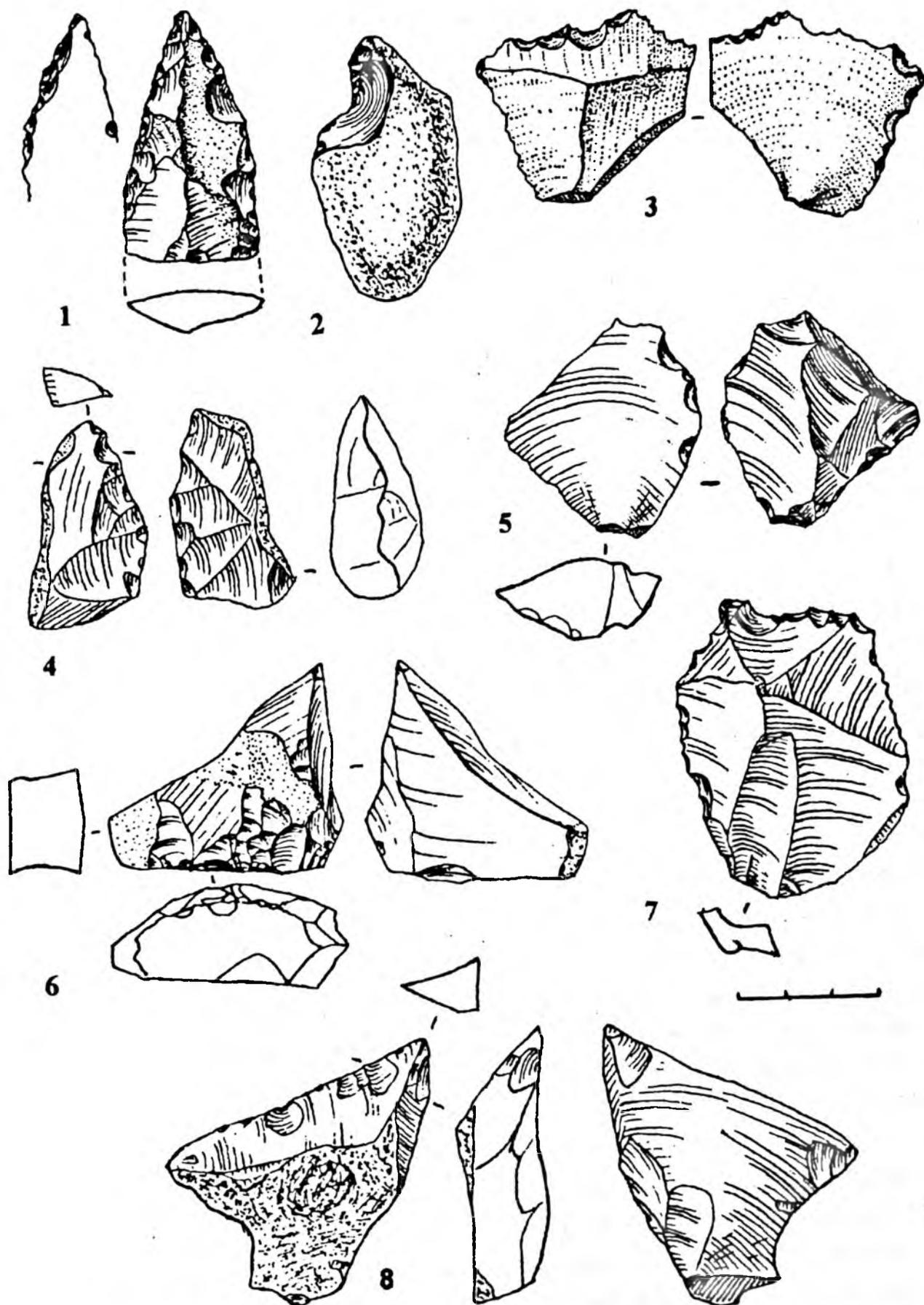

Рис. 41. Каменные орудия нижнего слоя. 1-остроконечник (обломок листовидного острья?), 2-клювовидный резак, 3,5-зубчатые орудия, 4-нож с бифасиальной обработкой (Keilmesser), 6-скребловидное орудие, 7-атипичное тайякское острие, 8-скребло диагональное,

обилием выемчатых и зубчатых орудий, количество которых очень мало зависит от типов и степени сохранности памятников.

В гроте Буздужаны 1, где, по моим данным, каменные индустрии относятся к стинковскому варианту, процент зубчатых орудий во всех слоях неизменно выше процента этих орудий нижнего слоя Стинки 1, превышая 30% [Анисюткин, 2001]. Выемчатые и зубчатые орудия широко представлены на открытой палеолитической стоянке Миток Валя Изворулуй (Румыния), с индустрией, переходной от мустье к верхнему палеолиту, но их совсем немного в мустьерских слоях соседней стоянки Рипичени-Извор. С другой стороны, в коллекции каменных изделий, происходящей из пещерных отложений разрушенного грота Бутешты, процент зубчатых орудий вообще ничтожен, не превышает 3%.

Последний пример вновь указывает на отсутствие прямой связи между количеством выемчатых и зубчатых орудий и типом отложений, в которых залежали каменные изделия. Невозможно даже представить, что все разнообразные региональные палеолитические памятники с многочисленными выемчато-зубчатыми формами, включая коллекции из лессовых стоянок, подверглись столь существенному (но никак не фиксируемому!) нарушению. К тому же важно отметить особо: в любом памятнике стинковской индустрии постоянно встречаются специфические формы зубчатых и клювовидных орудий, которых нет, например, в значительной по объему коллекции выемчатых и зубчатых орудий из слоя 4 стоянки Молодова 1. Нет их также в Кетросах, ибо клювовидные орудия, найденные там в небольшом количестве, атипичны и существенно отличаются от стинковских. Не обнаружил я соответствующих стинковских форм и в изученной мною в 1987 г. коллекции из нижнего слоя 1 стоянки Рипичени-Извор, чья каменная индустрия относится к типичному мустье (как Кетросы и Молодова 1). Изучение иллюстраций монографии, посвященной этому памятнику, только подтвердило этот вывод [Paunescu, 1993].

К тому же нельзя забывать того, что каменные индустрии классического зубчатого мустье Франции имеют свою структуру [Bordes, 1961-1962]. Эта структура отличает данный вариант мустье от прочих. Отсюда естественно возникает вопрос о причине какой-то странной "избирательности" якобы повреждаемых каменных индустрий мустьерского времени. А может, по большей части, роль этих "повреждений" слишком преувеличена?

Дополнительно необходимо в этой связи сослаться на трасологические исследования, которые указывают на то, что выемчатые и зубчатые орудия сохраняют отчетливые следы от разнообразных видов работ [Коробкова и др., 1982]. Здесь обращает на себя внимание, как писал В.Е. Щелинский при характеристике зубчатых орудий из ашельской коллекции стоянки Азых [Щелинский, 1994а: 34-37], явная специализация данных орудий. На зубчатых орудиях из культурных слоев известного навеса 1 Ябруд в Сирии [Napp, Lass, 1995: 54] и на мустьерских стоянках Западной Европы [Hoffecker, 2002: 103-104] трасологи также выявили весьма разнообразные следы работы, чаще всего связанные с обработкой дерева.

Наконец, существуют значительные территории Старого Света, включая прежде всего Восточную и Юго-Восточную Азию, где индустрии с зубчатыми и выемчатыми орудиями преобладают или играют весьма заметную роль. Если иметь в виду палеолит Китая, то там эти формы происходят, как из пещерных отложений, так и (особенно) из лессовых, указывая на то, что фактор "повреждения" вряд ли играл здесь существенную роль [Абрамова, 1994]. Выемчатые и зубчатые орудия, наряду с абсолютно преобладающими галечными формами, многочисленны и в изучавшемся мною палеолите Вьетнама.

И в верхнем палеолите, и в неолите достаточно широко представлены изделия с хорошей зубчатой ретушью, включая специализированные. Среди последних можно указать на такие типичные для европейского граветта формы, как пластинки и микропластинки с притупленными краями и хорошо выделенными ретушью зубчиками. Серия подобных орудий, например, опубликована в превосходной монографии А.Н. Рогачева, посвященной стоянке Костенки 4 [Рогачев, 1955: Табл. XXXVII].

Все эти далеко не полные данные в совокупности говорят о том, что модное ныне "гонение" на выемчатые и зубчатые орудия никоим образом не вытекает из самого материала. Это, скорее, умозрительная теория, способная нанести ощутимый вред палеолитоведению. Беда в том, что "гонители" начисто игнорируют факты, которые им неуютны. Будет ли полезным подобное упрощение, связанное с "изъятием" выемчатых и зубчатых форм из числа орудий? – Конечно, нет. В такой ситуации актуальны и необходимы дальнейшие разнообразные исследования указанных форм на конкретных памятниках, которые только и позволят предложить разумное решение этой (во многом надуманной) проблемы.

В свете всего изложенного, я считаю нерациональным увязывать сравнительно большое количество выемчатых и зубчатых орудий Стинки 1, залежавших в лессовидном суглинке без видимого источника повреждений, с фактором естественных нарушений их в слое. Так, например, однотипные выемчатые и зубчатые изделия найдены, как на западных квадратах, так и на восточных. В первом случае они находились в переотложенном состоянии совместно с включениями мелкой гальки и полуокатанных осколков камня, которые лишь чисто теоретически могли оказать какое-то воздействие на острые края отщепов, а во втором - в чистом суглинке, где источника повреждений нет.

Таким образом, если иметь в виду коллекцию нижнего слоя Стинки 1, почти все следы микрозубчатой ретуши следует считать следами утилизации. Среди более сотни отщепов с мелкой и нерегулярной ретушью, которые не являются подлинными орудиями, предметов с мелкой ретушью - 66%, с крутой и уплощенной - 11%, а с микрозубчатой - всего 23%.

Особыми формами представлены 2 *резцевидных острия* ("bec burinante alterne"), 1 *орудие типа кинсон* ("Quinson"), 3 *тайякских острия* (Рис. 33: 5) и 2 *ладьевидных орудия*. Последние, как отдельный элемент, присутствуют более широко, встречаясь на углах различных скребел, клювовидных острий и прочих орудий. На одном тайякском

острие, изготовленном на обломке отщепы из пластового кремня, представлена костенковская подтеска (Рис. 33: 5).

Чопперовидные орудия представлены 3 кремневыми предметами и 2 галечными. Они больше соответствуют определению Х. Мовиуса ("грубые скребла") [Bordes, 1961], отличаясь от подлинных чопперов и чоппингов характером обработки, в котором преобладает частично двусторонняя оббивка и ретушь (Рис. 40: 4,9). Некоторые предметы изготовлены на песчаниковых гальках и могут быть включены в галечные орудия с оббитыми краями. Абсолютно аналогичные формы найдены мною в коллекции румынской стоянки Мамайя. Кстати, подобное орудие опубликовано в статье К. Валоха, посвященной материалам этой стоянки, под названием "hachoire" [Valoch, 1993: Fig.7].

Клювовидные орудия. Среди своеобразных форм орудий нижнего слоя Стинки 1, отсутствующих в тип-листе Ф.Борда, много весьма выразительных, которые я определил, как "клювовидные". Исследователи палеолита Сибири называют их орудиями с "шипами" [Дервянко и др., 2001: 14-15].

Разнообразные клювовидные орудия представлены в нижнем слое 10 острями, 4 долотовидными с зауженными рабочими краями и 5 резаками. Клювовидным орудиям, рабочие элементы которых не выделены выемками, в какой-то мере близки 3 массивных острия на отщепах и 1 на осколке, которые найдены в нижнем слое. Они сопоставимы с так называемыми "климауцкими острями", выделенными И.А. Борзьяком на материалах стоянки Климауцы 1 в Молдавском Приднестровье [Борзьяк, 1981].

Клювовидные орудия занимают в коллекции Стинки 1 особое место и могут рассматриваться даже в качестве "руководящих ископаемых", придавая стинковскому варианту определенное своеобразие. Они впервые описаны в моей специальной статье еще в 1973 г. [Анисюткин, 1973]. Остановлюсь подробнее на их характеристике.

Клювовидные острия. Рабочие концы этих орудий в виде выступов или "шипов" выделены смежными (клектонскими или ретушированными) выемками. Они изготовлены на заготовках различного типа (но не на пластинах). В подавляющем большинстве "клюв" (в данном случае острие) имеет с вентральной поверхности различную по интенсивности подтеску, незначительную обработку или следы утилизации (выщерблены). Можно выделить следующие характерные типы (понимая их как устойчивое сочетание наиболее существенных конструктивных признаков):

1. Укороченные нуклевидные острия высокой формы (чопперовидные), рабочие концы которых выделены выемками различного типа. Жальца подправлены с дорсальной плоскости серией уплощенных снятий, напоминающих подтеску. Подобная обработка частично напоминает таковую на бифасах (Рис. 42: 7).

2. Простые острия на отщепах или обломках с различными выемками. Подправка с дорсальной стороны незначительная, напоминая следы утилизации. Изредка имеется только одна выемка, примыкающая к облому или ретушированному краю (Рис. 42: 1).

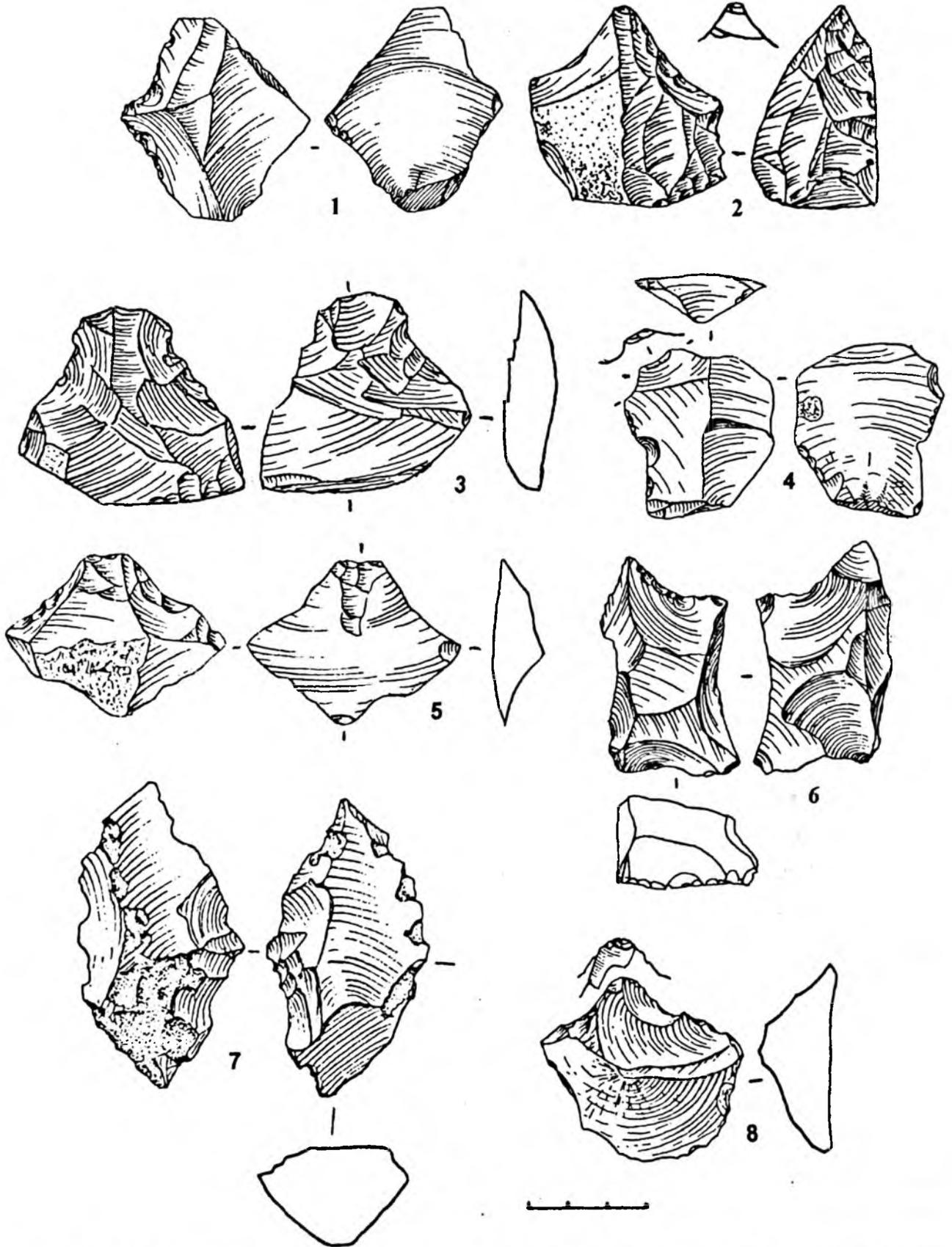

Рис. 42. Клювовидные орудия нижнего слоя. 1,2,8-острия простые (2-массивное, напоминающая тип "климауцы"), 3,5-формы долотовидные, 4-комбинированная форма сочетающая признаки желобчатого клетонского анкоша и клювовидного орудия, 6-орудие комбинированное (острия+микроскребок), 7-чопперовидное.

3. Комбинированные с элементами прочих орудий. Часто сочетание с микроскребками и стамескообразными концами, в том числе на вентральной плоскости, на

месте ударной площадки. Последний признак важен потому, что в более ранних по времени комплексах обычными являются орудия на площадках массивных отщепов, включая микроскребки и острия (Рис. 42: 6).

4. Долотовидные и стамескообразные отличаются шириной рабочих концов: у первых они широкие, а вторых - узкие. Снятия, образующие рабочие элементы, преимущественно плоские и двусторонние (Рис. 42: 3,5). Аналогичные орудия обнаружены мною в коллекции Мамаи (Рис. 51: 6).

Острия "дуруиторского типа" в коллекции Стинки 1 не представлены. Эти острия выделены на материалах ранних среднепалеолитических памятников Молдавии - Мерсыне [Кетрару, Анисюткин, 1967] и нижних слоев грота Старые Дуруиторы. В качестве заготовок использовались либо удлиненные отщепы, либо обломки отщепов. Острый конец выделялся выемкой (реже обломом) с одного края и ретушью - другого. С дорсальной плоскости имеется подтеска или плоский скол. От подлинных клювовидных острий отличается лишь одной выемкой.

Клювовидные резачки или орудия с угловой режущей кромкой выделены с учетом результатов трасологических исследований. На одном из таких предметов (Рис. 41: 2) В.Е. Щелинскому удалось установить отчетливые следы работы, указывающие на применение этих форм в качестве режущих инструментов, использовавшихся, вероятно, для раскройки шкур. Подобные формы можно описать следующим образом: орудия на отщепах, реже - на пластинах или осколках, рабочий край которых расположен на углу заготовки и образован пересечением выемки и поперечного конца (обушком). Последний может быть естественным и сохранять галечную поверхность. Он может быть намеренным или случайным обломом, ударной площадкой или, наконец, может быть выделен крутой ретушью. Для выявления орудия необходимы следующие признаки: выемка (клектонская или простая), "обушок", подправка жальца с дорсальной поверхности плоскими или микрорезцовыми сколами (Рис. 38: 2,4,5; 41: 2). В принципе, аналогичные формы выделены в клектонской индустрии Англии [Collins, 1968: 29; Gamble, 1985: 145], которые под наименованием "Bill-hooks" наиболее типичны именно в индустриях раннего палеолита. Последняя разновидность данной архаичной формы найдена в коллекциях грота Старые Дуруиторы, местонахождений Мерсына, Ярово и Осыпка.

Клювовидные орудия в типичной форме и в большом количестве характерны не только для нижнего слоя Стинки 1, но и для прочих, но более ранних, комплексов, как стинковской индустрии, так и прочих европейских индустрий тайякского типа. Например, выразительные клювовидные острия выявлены в ашельском слое стоянки Кударо 1 [Любин, Беляева, 2004]. Абсолютно аналогичная форма орудия также с несколькими рабочими элементами, которая происходит из нижнего слоя (Рис. 42: 6), опубликована в домустьерском (тайякском) слое пещеры Бом-Бон во Франции [Lumley, Vottet, 1959: Fig. 2].

Скребки на ударных площадках отщепов. Характерными для стинковской индустрии являются скребки на ударных площадках отщепов, которые представлены только

3 предметами. Один из них является комбинированным орудием, где на отщепе из пластового кремня сочетаются такие элементы как выпуклолезвийное скребло с усечением ядрищного типа и скребок на площадке. Подобные орудия, выделенные и описанные впервые на материалах местонахождения Мерсына, наиболее многочисленны и типичны в более ранних памятниках нашего региона [Кетрару, Анисюткин, 1967]. В рассматриваемой коллекции нижнего слоя они изготовлены на отщепах небольших размеров (Рис. 36: 5, 7).

Бифасы. В коллекции нижнего культурного слоя относительно многочисленны орудия с двусторонней обработкой, в их числе 5 целых бифасов листовидной формы и 13 выразительных обломков, включая 5 верхних концов, 3 основания и 1 сечение средней части. Также выявлено 2 бифасиальных ножа типа "Keilmesser" немецких исследователей с массивными естественными обушками (Рис. 41: 4). Один из них, возможно, является неудачной заготовкой листовидного острия (Рис. 43: 4). Далее имеется 2 "рубильца" (Рис. 43: 5, 6), включая 1 "Faustkeilblatt", и 1 мелкий диск, чей предполагаемый рабочий край имеет отчетливую двустороннюю обработку (Рис. 40: 2). Выявлено несколько заготовок бифасов (Рис. 32: 3, 5). Приведу краткие описания наиболее выразительных орудий с двусторонней обработкой, начиная с листовидных форм.

Одним из замечательных изделий является тонкое острие листовидной формы из галечного кремня, которое имеет достаточно крупные размеры (L-80 мм) и покрыто голубовато-белой патиной (Рис. 44-5). В качестве заготовки был использован тонкий первичный отщеп (возможно, от оббивки бифаса?). Ударная площадка и часть бугорка были стесаны уплощенными снятиями. Ось скалывания отщепа не совпадала с осью орудия, отклоняясь на 30°. Обе плоскости обработаны уплощенной чешуйчатой ретушью, достаточно неправильной формы фасетки которой следуют вдоль краев, не захватывая полностью плоскости заготовки. Лезвия сравнительно тупые, что, видимо, связано со следами длительного использования орудия, кончик которого обломан в древности. Это листовидное острие, изученное в свое время под бинокулярной лупой С.А. Семеновым, имело отчетливые следы употребления его в качестве обыкновенного ножа. Основание, представляющее из себя естественно острый край тонкого отщепа, не имело никакой дополнительной обработки.

Второе листовидное острие, изготовленное из галечного кремня, покрыто интенсивной патиной белого цвета. Оно было сплошь обработано с двух сторон уплощенной чешуйчатой ретушью, имея плосковыпуклое поперечное сечение, что не позволяет определить исходную заготовку этого относительно небольшого орудия (L-60 мм). Основание листовидного острия округлое, подтесанное с нижней плоскости. Самый кончик жальца обломан в древности, края были острыми (Рис. 44: 3).

Третье листовидное острие, покрытое голубовато-белой патиной, также имело сплошную двустороннюю обработку чешуйчатой ретушью. Размеры орудия небольшие (L-68 мм), сечение неправильно линзовидное, основание не было специально обрабо

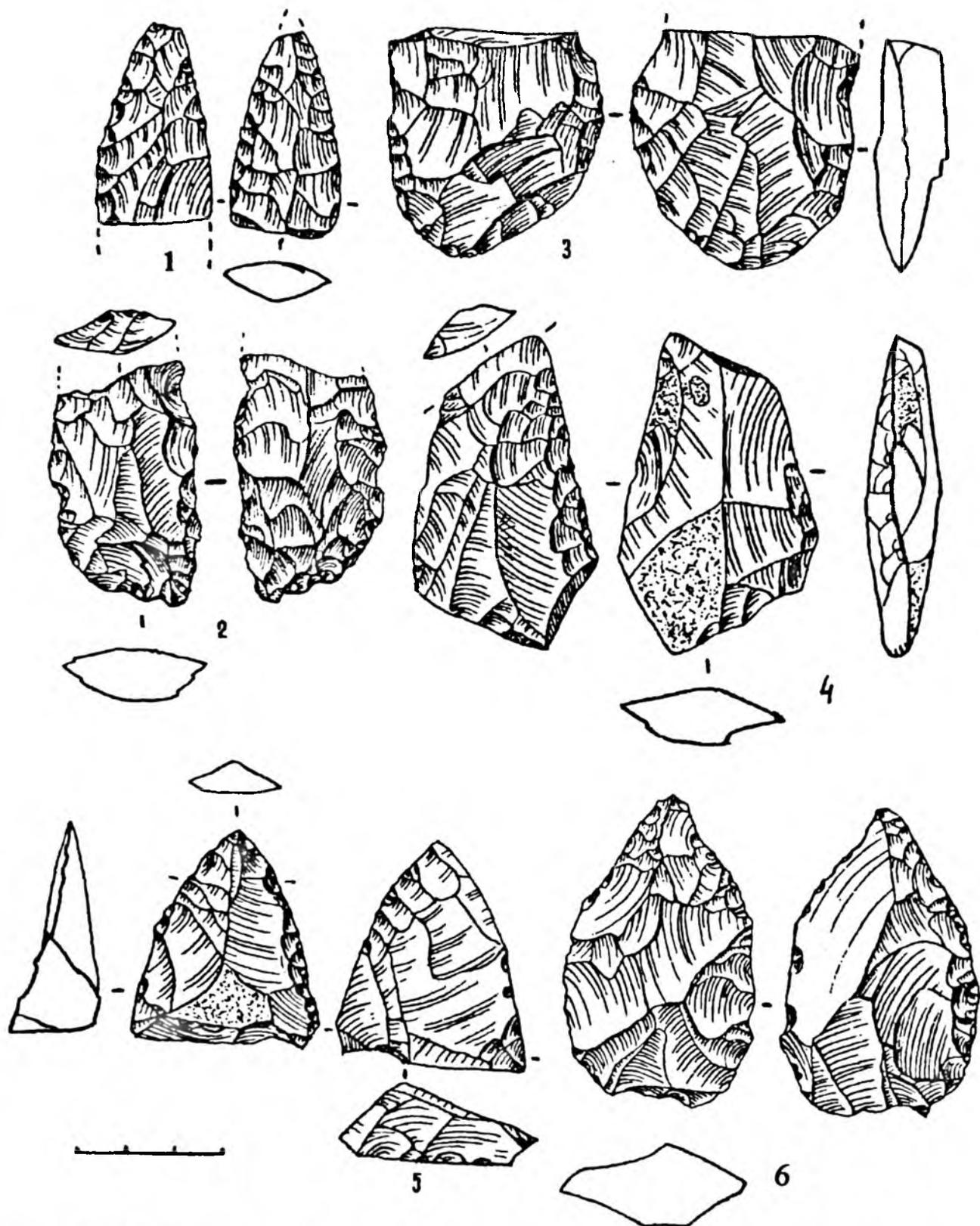

Рис. 43. Бифасы нижнего слоя. 1,2,3-листовидные острия (1-2 - обломки одного изделия), 4-бифас с обушком, 5,6-рубильца.

таным, кончик жальца обломан. Края этого бифаса были острыми, сохраняя на одном из них желвачную корку (Рис. 44: 2).

Четвертое листовидное острие изготовлено на фрагменте удлиненного отщела (Рис. 44: 4). Оно покрыто светлой патиной, но некоторые фасетки, которые имели известковистые натёки, сохранили естественную поверхность кремня. Орудие, имеющее относительно небольшие размеры (L-67 мм), обработано уплощенной чешуйчато-

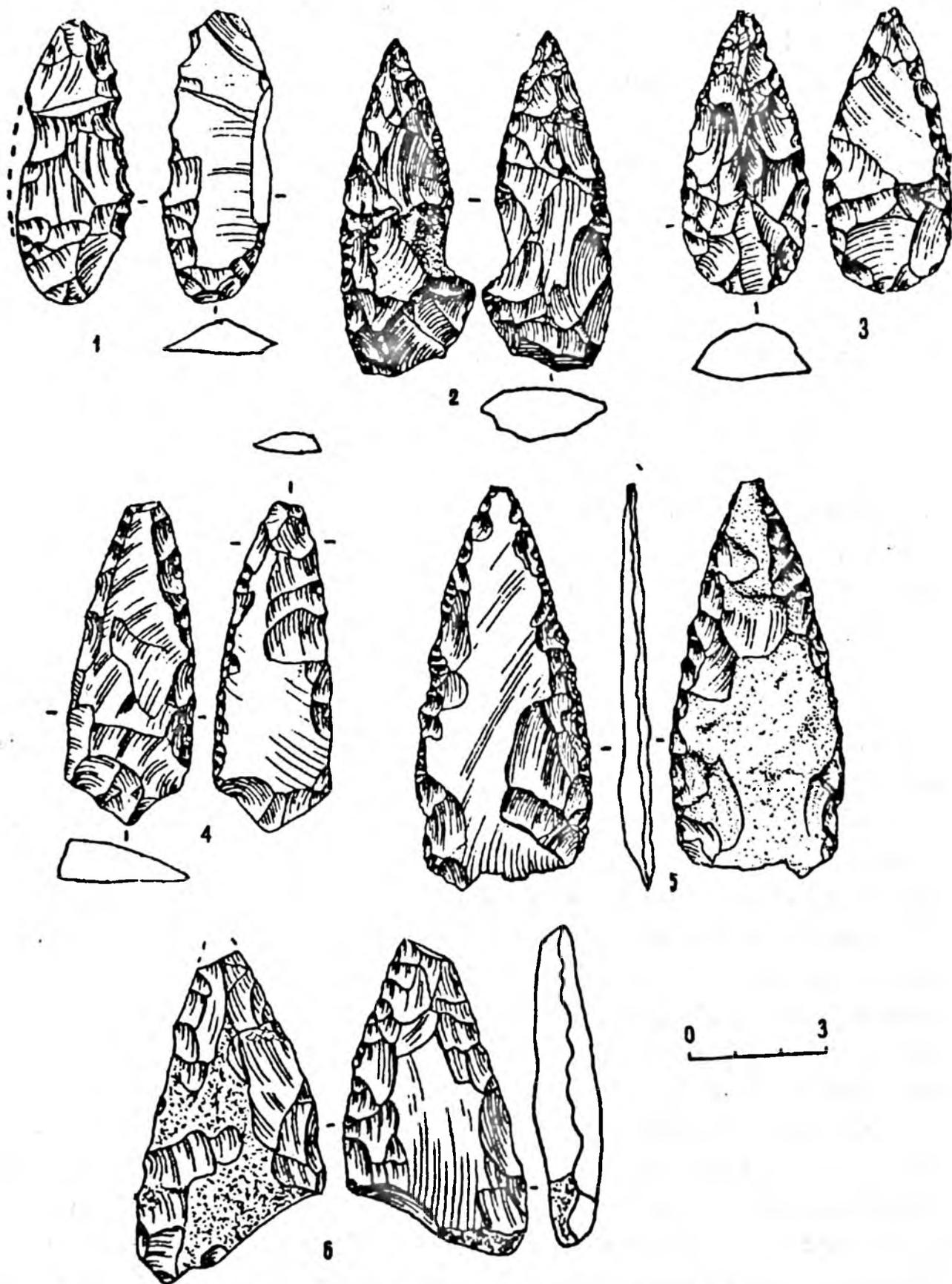

Рис. 44. Стинка 1. Листовидные остря-бифасы нижнего слоя.

субпараллельной ретушью. Жальце обломано в древности, а основание обработано клетонской выемкой в сочетании с ретушью, напоминая тем самым "дурунторские остря". Один край предмета острый, другой, также обработанный ретушью, может рассматриваться, как обушок. Поперечное сечение имеет неправильно линзовидную форму. Этот бифас можно интерпретировать, как нож, который по форме сопоставим (в

самых общих чертах) с бифасиальными ножами стоянки Konigsau в Германии [Mania, Toepfer, 1973: 104].

Пятое листовидное острие из галечного кремня, обнаруженное в кровле нижнего слоя (в среднем горизонте) на кв. Ж-8, то есть на участке без стерильной прослойки, можно отнести к данному слою лишь условно, учитывая его более совершенную морфологию. Изготовленное из относительно тонкой пластины небольших размеров (L-58 мм), оно было обнаружено при зачистке стенки, и в результате разбито на два фрагмента. Острие имеет интенсивную патину белого цвета со следами ячеистого выветривания поверхностей, указывающую на то, что предмет выявлен во вторичном или нарушенном положении. Спинка его сплошь обработана плоской ретушью, брюшко отретушировано лишь частично. Острие разбито, края частично оформлены зубчатой ретушью. Возможно, этот предмет был вторично переоформлен в зубчатое орудие (Рис. 44: 1).

Следующее листовидное острие, представленное двумя обломками, изготовлено из пластового кремня. Оно покрыто незначительной патиной и обработано с двух сторон чешуйчатой ретушью. Крупный обломок листовидного бифаса с обломанным острым концом найден на кв. Е-6, а обломок острия того же предмета выявлен на кв. Л-3 у очага на расстоянии 11 м от первого обломка. Место облома крупного фрагмента имеет дополнительную подправку крутой ретушью, создавая своего рода "обушок" клювовидного резака. Поперечное сечение этого орудия линзовидное, а тщательно подправленное плоской ретушью основание имеет скошенную форму. Кончик жальца, который подбирается к основному предмету, обломан в древности (Рис. 43: 1,2).

Забитость и деформация острых концов большинства листовидных острий аналогичны повреждениям, которые возникали при ударе ими о твердые предметы (то есть о кость). Подобные повреждения описаны в докторской диссертации В.Е. Щелинского, где приводятся данные экспериментов [Щелинский, 1994а], а также в публикации французских исследователей, посвященной разбитым солютрейским наконечникам верхнепалеолитической стоянки во Франции, в гроте Комб-Сониер [Chadelle, Geneste, Plisson, 1991]. Нельзя исключать, что эти обломки острий были принесены на стоянку застрявшими в тушах убитых на охоте промысловых животных.

Обломки верхних концов представлены 5 предметами. Поперечные сечения листовидных бифасов различны: 2 плоско-выпуклых и 3 линзовидных. Один фрагмент листовидного острия, обработанный плосковыпуклой ретушью, имеет подправленный полукрутой ретушью острый конец в сочетании с плоским вентральным сколом. Это сближает его, хотя и в самых общих чертах, с ножами типа прондник (Рис. 49: 2). Другой, имеющий одностороннюю обработку, напоминает остроконечник, но выделение конца противоположающей ретушью позволяет отнести его к листовидным остриям.

Тремя образцами представлены обломки нижних частей острий. Один из них имеет скошенное основание. Второй, крупный по размеру (46x45x16 мм), сохраняет закругленную, слегка асимметричную форму, образованную плоскими снятиями. Этот предмет по массивности и характеру обработки неотличим от позднеашельских ручных

рубил (Рис. 43: 3). Небольшой, но массивный обломок основания третьего предмета также имеет закругленную форму. Поперечное сечение является плоско-выпуклым.

Интересно листовидное острие-бифас, найденное на поверхности, которое может предположительно соответствовать нижнему слою (Рис. 44: б). Оно имеет треугольную форму и обработано с двух сторон уплощенной ретушью. Одна плоскость, сохранившая значительную часть желвачной корки пластового кремня, оформлена уплощенной крупнофасеточной ретушью; другая, являющаяся брюшком укороченного первичного отщепа, покрыта чешуйчатой ретушью с заломами. Поперечное сечение предмета линзовидное, основание скошенное, сохраняет значительную часть корки. Размеры (71x36x15 мм) и пропорции этого бифаса указывают на стремление древних людей получать удлиненную форму, несмотря на то, что в качестве исходной формы использован укороченный и массивный первичный отщеп.

Все эти листовидные бифасы позволяют выявить некую типичную форму, которая, несмотря на вариабельность признаков дает общее представление об определенном стандарте, которого придерживались носители "стинковской традиции". Для морфологической характеристики листовидных острий использовано 6 предметов. Все они изготовлены из кремня хорошего качества. Размеры листовидных острий-бифасов варьируют в пределах от 6 до 10 см, что выше среднего стандарта орудий на отщепах, который редко превышает 5 см. Заготовками, которые можно было определить визуально, были не только пластины и отщепы, но и удлиненные осколки. Листовидные острия имеют удлиненную, заостренно-овальную форму. Длина всегда превышает ширину более, чем в 2 раза. Если подразделять предметы на три части: проксимальную, медиальную (среднюю) и дистальную, то максимальная ширина орудия находится в проксимальной части или нижней трети. Характер вторичной обработки плоскостей (иногда частичной) указывает на технику с применением мягкого отбойника, ретушера из рога, кости или дерева. Основания или базальные участки проксимальных частей выделены по-разному. Они были округлыми, скошенными, прямыми или даже заостренными, иногда оставаясь без обработки. Очень часто листовидные острия имеют зубчатый контур, забитые и обломанные кончики. Поперечные сечения их были различными (линзовидными или плосковыпуклыми), но всегда относительно массивными. Для определения степени уплощенности приведу замеры (в мм) максимальной ширины и максимальной толщины только листовидных бифасов, хотя полезнее, на мой взгляд, было бы определять толщину и длину. Однако, поскольку в научной литературе имеется опыт описания массивности этих орудий через соотношение толщины к ширине, то я в целях единообразия использую именно подобный способ. В таблице 7 приведены соотношения между максимальными значениями ширины и толщины, которые позволяют сравнить по данному показателю стинковские бифасиальные формы с бифасиальными наконечниками древнейшего верхнего палеолита, данные о которых заимствованы из монографии В.Е. Гири [Гири, 1997].

Таблица 7. Соотношения максимальных значений ширины, толщины и сечений листовидных бифасов Стинки 1.

Музейные шифры орудий	Толщина	ширина	сечения (ширина/толщину)
Нижний слой:			
1. 2343-142	14	44	3,1
2. 2343-141	11	24	2,1
3. 2343-255	11	32	2,9
4. 2343-417	15	42	2,8
5. 2343-282	14	38	2,7
6. 2343-222	10	25	2,2
7. 2343-348	11	30	2,7
8. 2342-378	12	31	2,5
9. 2342-628	6	39	6,5
10. 2342-555	12	35	2,9
11. 2342-255	12	41	3,4
12. 2342-380	9	31	3,4
13. 2342-405	11	29	2,6
14. 2342-143	7	25	3,5
Верхний слой			
15. 2342-233	12	28	2,3
16. 2342-653	11	33	3
17. 2343-28	10	34	3,4

Если использовать только соотношения между шириной и толщиной, то они варьируют в четких пределах от 2,1 до 3,4. Исключительное значение 6,5, полученное для образца 2342-628, следует считать аномалией, ибо заготовкой явился тонкий (первичный) кремневый отщеп (возможно от оббивки бифасов), а ретушь не была сплошной, покрывая обе стороны лишь частично. Все значения для верхнего слоя близки значениям из нижнего слоя. Для сравнения использую данные замеров листовидных бифасов из нижнего слоя стоянки Костенки 1 [Гиря, 1997: 157]. Для слоя 5 (нижнего) стоянки Костенки 1 характерны разные значения, но для завершенных изделий они варьируют в пределах от 5,4 до 8,5, то есть несопоставимы со стинковскими. Подобные же показатели приведены для Сунгиря и Бирючьей балки, где также было характерно использование техники "тонкого бифаса". Однако насколько мне известно по данным визуального просмотра коллекций (к сожалению, ни в одной из публикаций моих молдавских коллег нет замеров), даже листовидные бифасы верхнего палеолита, происходящие с территории междуречья Прута и Днестра, имеют, в основном, сравнительно массивные поперечные сечения. Правда, верхнепалеолитические бифасы молдавского грота Чунту отличаются тонкими сечениями (использую здесь устные данные М.В. Ани-

ковича). Однако анализ иллюстраций монографии, посвященной стоянке Рипичени-Извор, показывает, что техника тонкого бифаса не была здесь господствующей даже в развитом позднем палеолите [Paunescu, 1993]. Таким образом, материалы данного региона требуют дополнительных специальных исследований.

Для контраста приведу соответствующие показатели для листовидных бифасов переходной индустрии "богунисьен", используя опубликованные предметы [Svoboda, 1990: 210-211]. Показатели листовидных острий-бифасов данной переходной индустрии варьировали в пределах 4,2-2,6, частично находя соответствия среди показателей индустрии Стинки 1. Показатели ширины на толщину, которые я получил для 16 листовидных бифасов из Мауэрна (Германия), варьируют от 2,8 до 6,2, в то время как средний показатель равен тут 4,7 [Bohmers, 1951], существенно отличаясь от показателей Стинки 1. В большей мере эти показатели соответствуют тонким бифасам, занимая промежуточное положение между листовидными остриями богунисьена и стрелецкой культуры. Правда, следует отметить особо: многие из этих орудий имели плосковыпуклые сечения [Bohmers, 1951: 53-59]. Этот признак весьма характерен, прежде всего, для среднего палеолита. Для листовидных острий с двусторонней обработкой Германии всегда были характерны четкие стандартные пропорции, где наибольшая ширина совпадает с серединой орудий [Bohmers, 1951; Freericks, 1995: 118-119].

Можно полагать, что основная часть стинковских листовидных острий-бифасов не были подлинными наконечниками дротиков, используясь, вероятно, в качестве ножей, а также очень редко как наконечники копий и рогатин.

При выделении стандартной формы листовидных острий первостепенное значение имеют пропорции и форма, в то время как остальные признаки варьируют весьма значительно. С подобными заключениями согласуются также материалы с соседних территорий - Румынии и Болгарии, представленные весьма значительными сериями листовидных острий-бифасов из различных памятников, относящихся к иному варианту мустье [Paunescu, 1993; Haesaerts, Sirakova, 1979], где для соответствующих бифасиальных форм характерны, в большинстве своем, иные пропорции.

Данные трасологии. Важные результаты были получены в ходе выборочного трасологического исследования стинковской коллекции. Известными отечественными специалистами-трасологами - В.Е. Щелинским и отчасти Г.Ф. Коробковой – была изучена серия кремневых изделий из нижнего слоя Стинки 1, включая, как ретушированные формы, так и обычные отщепы без вторичной обработки. На них обнаружены выразительные следы работы, связанные почти со всеми видами деятельности – резанием, скоблением, строганием, прокалыванием. Наиболее выразительными оказались изделия, связанные со строганием (обработка дерева). Листовидное острие на тонком отщепе с бифасиальной обработкой было изучено С.А. Семеновым, который установил использование этого орудия в качестве ножа.

Общие заключения по характеру индустрии нижнего слоя.

Анализ техники первичного расщепления указывает на преобладание плоскостного и некраевого расщепления, при господстве радиальной системы, что характерно для среднего палеолита. Показательно преобладание отщепов мелких размеров, из которых изготовлено подавляющее большинство каменных орудий. Этот показатель не является вынужденным, то есть зависимым от количества и качества сырья. Из подобного сырья в коллекциях варианта типичного мустье (стоянка Кетросы, местонахождения Кишлянский яр и Стинка-Дарабаны) были изготовлены многочисленными сколы средних и даже крупных размеров. Напротив, для всех памятников с набором каменных орудий, аналогичным стинковскому, характерно господство изделий мелких размеров. В данном случае этот показатель, который обычно изменчив [Праслов, 1968: 91] и зависит либо от особенности сырья, либо от иных причин, включая редукцию [Демиденко, 2003: 154], можно воспринимать в качестве культурного. На самом деле, в нижнем слое Стинки 1 качество и форма сырья никак не влияли на размеры заготовок и орудий из них. Элементы редукции весьма невыразительны: можно отметить всего 2-3 сомнительных случая. Присутствие торцевых и призматических ядрищ отчасти объясняется особенностью сырья, представленного иногда угловатыми обломками кремня и гальками яйцевидной формы.

Для вторичной отделки орудий характерно применение различной ретуши, выемок и подтески. Правда, типичная для памятников мустьерской эпохи ступенчатая и чешуйчатая ретушь относительно редка. Распространено ядрищное утончение поперечных концов заготовок, включая подтеску костенковского типа. Отмечены отдельные случаи полного переоформления (редукции) каменных орудий (Рис. 36: 1), которые, наряду с фактом присутствия сильно обожженных отщепов, указывают на то, что стоянка функционировала довольно продолжительное время. Среди изделий со вторичной обработкой обнаружено много комбинированных форм, где совмещаются рабочие элементы разных орудий.

Для стинковской индустрии, в целом, показательна сопряженная группа орудий и характерных приемов вторичной их обработки, которые нередко сочетаются, как элементы одного и того же орудия. В эту группу входят: 1) скребки на ударных площадках отщепов; 2) скребки ладьевидные и нуклевидные (часто "с носиком"); 3) микроскребки на углах; 4) группа клювовидных орудий, включая острия, долотовидные, резакки (Bill-hooks); 5) парарезцы; 6) формы с ретушированными обушками, оббитыми нередко встречной ретушью; 7) отщепы и пластины с ядрищным усечением поперечных концов; 8) массивные острия нуклевидных форм.

Кроме того, для стинковской индустрии показательны многочисленные выразительные выемчатые и зубчатые орудия, а также массивные чопперовидные формы. Бифасы, включая листовидные острия, обычны и относительно многочисленны, но редки и атипичны в более раннее время.

Индустрии с аналогичными сопряженными группами каменных орудий сосредоточены, в основном, в пределах восточного Прикарпатья (грот Буздужаны 1, нижний слой грота Выхватинцы, местонахождения Бобулешты 5, Осыпка, Шипот 1 и 2, Стинка 2). За пределами этого региона расположены такие стратифицированные стоянки, как Мамая в Добрудже (Румыния) и Бетово (включая Коршево 1 и 2, где представлены характерные «сопряженные» группы орудий) на Десне. Не во всех коллекциях имеются типичные листовидные бифасы, но всегда представлены характерные для стинковской индустрии прочие признаки, включая мелкие размеры изделий.

Для более ранних памятников стинковского варианта, отмечу еще раз, бифасы атипичны и малочисленны. Так в коллекциях Мамаи, с которой я весьма подробно ознакомился в Бухаресте, бифасы немногочисленны, но среди них имеются типичные листовидные острия, неотличимые от стинковского стандарта [Анисюткин, 2001: Рис. 99 - 2, 4]. Можно ли этому факту придавать хронологическое значение? Скорее всего, нет. Так в коллекции грота Буздужаны 1 листовидных бифасов немного, но они почти всегда типичны. Вероятно, количество и даже качество бифасов напрямую зависит от типа стоянок.

Если же принять во внимание, что индустрия Стинки 1 содержит совокупность таких признаков, как листовидные острия, преобладание среднепалеолитической технологии, при наличии выразительных верхнепалеолитических форм, включая ориньякоидные скребки, логично вслед за Я. Козловским рассматривать индустрию нижнего слоя Стинки 1 в качестве основы молдавского селета [Kozłowski, 1995], определяя ее как «преселет типа Стинка». Понятие "преселет" используется для характеристики индустрий, еще среднепалеолитических, но с бифасами листовидных форм. Эти индустрии предшествуют архаичному верхнему палеолиту, относящемуся к селетоидному технокомплексу. Известно, что основой селета являются такие варианты среднего палеолита Центральной Европы как микок и бабониен, которые также логично определять, как преселет.

Каменная индустрия верхнего слоя.

Из верхнего слоя раскопов 1 и 3 происходит 392 предмета. В числе их: 39 нуклеусов, 134 изделия с вторичной обработкой или следами употребления и 5 песчаниковых галек. Следует указать, что коллекция верхнего слоя представлена, как образцами непосредственно из слоя, так и собранными на поверхности. Последние, как уже отмечено выше, представлены двумя десятками предметов, найденных на том участке, где между слоями имеется стерильная прослойка. Тем не менее, в коллекции здесь нельзя исключить незначительной примеси нижнего слоя. Примесь же верхнего палеолита теоретически возможна, но маловероятна. В своей основе каменные изделия этого слоя происходят из нарушенных и даже частично переотложенных отложений. Однако учитывая наличие в слое чешуек и мельчайших осколков, которые легко перемещаются водными потоками, нет оснований говорить об абсолютном разрушении и переотложении верхнего слоя.

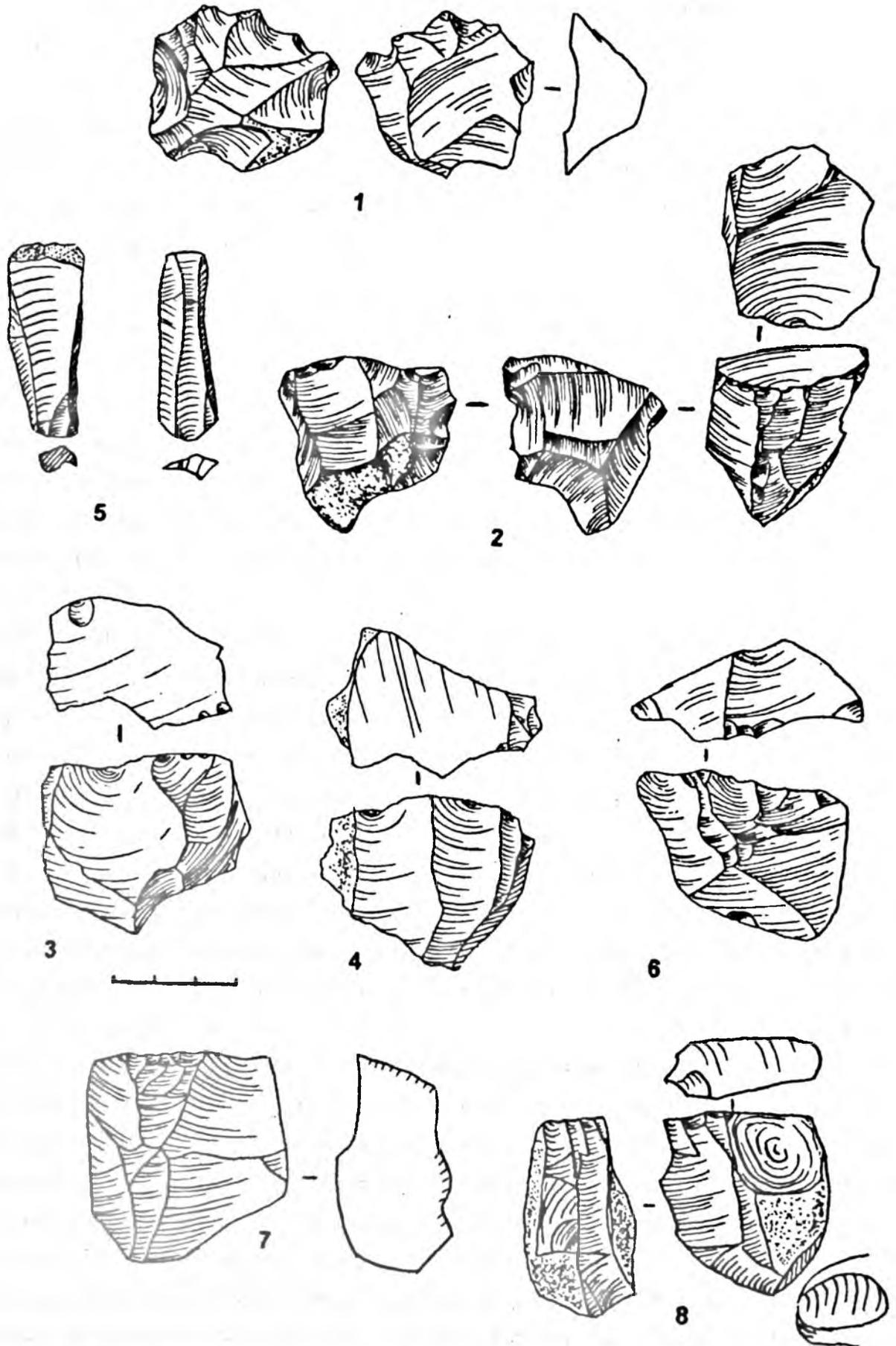

Рис. 45. Стинка I. Каменные изделия из верхнего слоя. 1-остаточный дисковидный нуклеус, 2-многоплощадочный нуклеус, 3,4,6,7-одноплощадочные нуклеусы, 5-пластинки, 8-призматический нуклеус.

В качестве сырья использовались те же породы кремня, что и в нижнем слое стоянки, а также кварцит и кварцитовидный песчаник. Последние видимо, были добы-

ты в окрестностях памятника. Краткое описание коллекции начнем, как это принято, с техники первичного расщепления камня.

Нуклеусы (Рис. 45) имеют небольшие размеры и подразделяются на радиальные или дисковидные (1 экз.), многоплощадочные (5 экз.), двуплощадочные (2 экз.), одноплощадочные с уплощенным скалыванием (19 экз.), призматические (4 экз.) и атипичные (8 экз.). Среди ядрищ нет типичных для мустье форм, как нет и типичных верхнепалеолитических. Преобладают формы с гладкими ударными площадками. Среди многоплощадочных выявляются формы, имеющие выделенные ударные площадки, напоминающая призматическую систему расщепления.

Аналогичные формы ядрищ, наряду с типичными призматическими, хорошо представлены на ряде переходных памятников, включая, к примеру, богунисьен в Чехии [Valoch, 1982: 41-42], где нуклеусы, на мой взгляд, имеют более развитый облик. Это может указывать на то, что данная индустрия является верхнепалеолитической в большей мере, нежели каменная индустрия верхнего слоя стоянки Стинка 1. Похожие одноплощадочные нуклеусы найдены в индустрии слоя 11 стоянки Бачо Киро, соответствующей древнейшему ориньякоидному ТК Европы [Kozłowski et al. 1982: 125].

Наиболее выразительными и показательными являются одноплощадочные ядрища верхнего слоя, которые почти неотличимы от подобных изделий нижнего культурного слоя. При сравнении нуклеусов этого слоя с нуклеусами местонахождения Бобулешты 6, чей каменный инвентарь сходен со стинковским и характеризуется чертами переходных индустрий, заметен более высокий процент типичных призматических ядрищ, которых в бобулештской коллекции более половины [Chetaru, 1995: 146-150]. Следует отметить, что последние, в ряде случаев, могут рассматриваться в качестве варианта "стинковских нуклеусов", но имеющих уже удлиненные пропорции. В этом плане бобулештская переходная индустрия, возможно, стадиально позднее индустрии верхнего слоя.

Сколы-заготовки. Отщепы и пластины имеют небольшие размеры. Преобладают предметы длиной менее 50 мм, их более 70%. Крупные заготовки встречаются редко. Пластины, включая достаточно типичные, составляют (Iam) 17,1%. Показатели леваллуа (IL) - 5,8% и фасетирования (IF) - 25% являются низкими, позволяющие говорить об индустрии, как нелеваллуазской, нефасетированной, с недостаточно высоким процентом пластин, с относительным обилием клетонских отщепов (IC1)-35%. Специально выделенных заготовок нет. Мною не выделяются площадки точечные и линейные, которые при подсчетах относились, если выражена точка удара, к гладким. Индекс массивности (лептолитизации) равен 25.

Подлинных орудий (Рис. 46-49) в коллекции 102 экз. Остроконечники и леваллуазские острия с ретушью отсутствуют.

Мустьерская группа представлена только скреблами, которые в основном отличаются от типично мустьерских характером вторичной обработки (Рис. 47: 6, 7, 8). Подлинная ступенчатая, чешуйчатая и субпараллельная ретушь отсутствует. Вместо нее

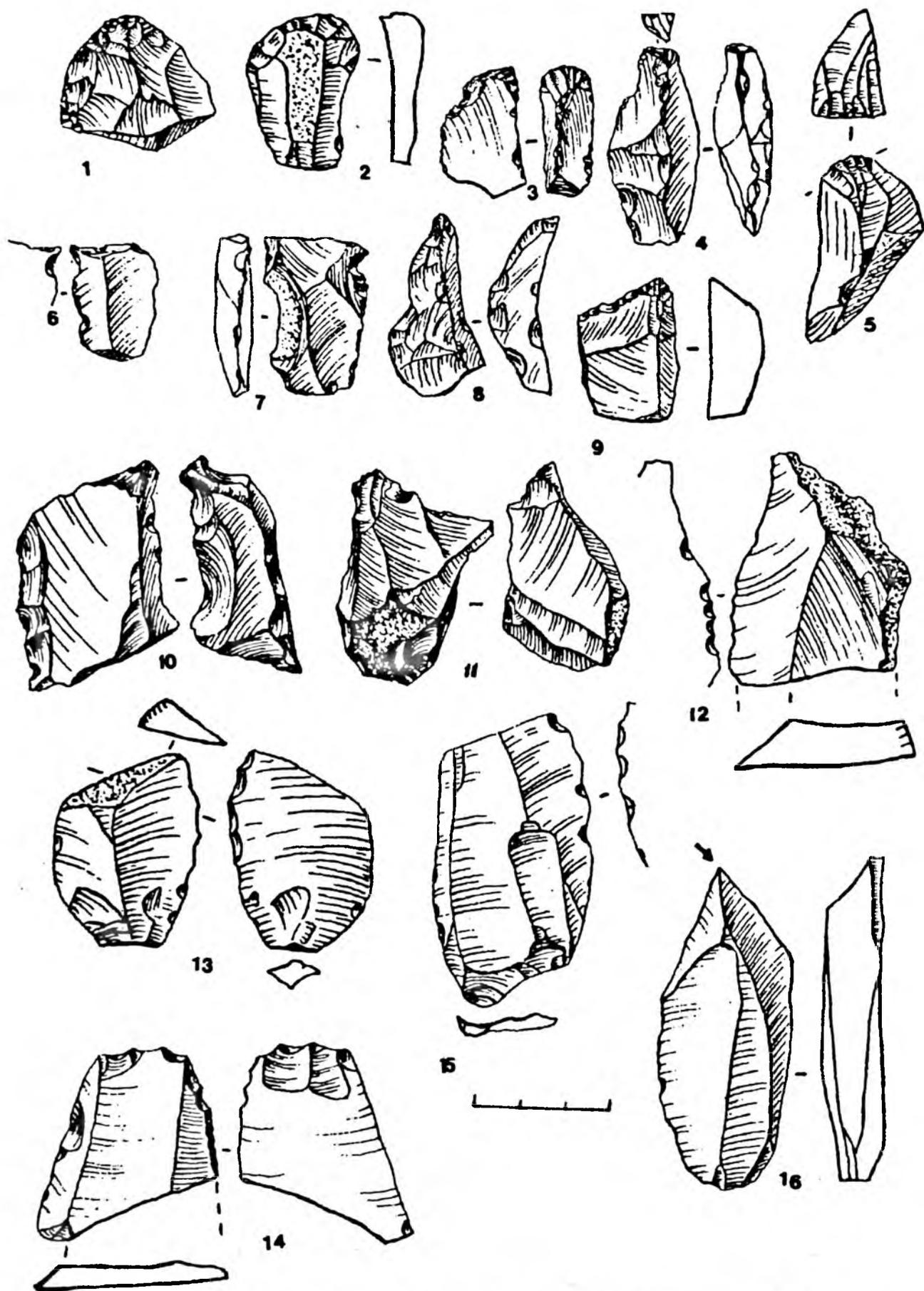

Рис. 46. Кремневые орудия верхнего слоя. 1-5 - скребки; 6 - проколка, 7 - клювовидный резак, 8,9-ладьевидные орудия, 10-комбинированное орудие, 11-клювовидное орудие на призматическом нуклеусе, 12,13-ножи с естественными обушками, 14-долотовидное орудие, 15-пластина леваллуа, 16-резец.

имеется мелкая, часто крутая, а также плоская, но нераспространенная ретушь. Преобладают простые однолезвийные скребла, а также ретушированные с бьюшка. В количественном отношении они распределяются так: простые прямые - 2, простые выпуклые - 2, вогнутолезвийные - 1, поперечные выпуклые - 1, ретушированные с бьюшка - 3. Они изготовлены преимущественно из кремня и только одно скребло из кварцитовидного песчаника (Рис. 47: 8). Верхнепалеолитическая группа более разнообразна.

Скребки (Рис. 46) можно подразделить на: 1) концевые (4 экз.); 2) ладьевидные высокой формы (5 экз.); 3) с носиком (а museaux) (3 экз.). Среди концевых имеется 2 типичных и 2 атипичных скребка. Среди первых 1 на конце пластинки и 1 на конце отщепы, напоминая поперечное скребло. Для ладьевидных скребков характерен узкий рабочий край. Один из них напоминает так называемые "скошенные резцы" (каренэ), происходящие из памятников ранней поры верхнего палеолита Приднестровья (Рис. 46: 3). Среди форм "с носиком" выделено два высоких и один плоский. Последний характеризуется тем, что рабочий край скребка выделен отчетливой выемкой. Это дает основание видеть здесь комбинированное орудие, сочетающее скребок и выемку.

Резцы. Среди резцов можно выделить 1 псевдосрединный (рабочий край образован пересечением естественной грани и мелкого резцового скола); 1 боковой мелких размеров с коротким и широким резцовым сколом; 1 срединный угловатый (dejeete), напоминающий тип busque. Отметим также разнообразие при малочисленности предметов, что указывает на архаику.

Прокол всего 2. Одна из них типичная, жальце ее выделено противоположащей ретушью. Вторая может быть отнесена к атипичным проколкам, которые многочисленны в зубчатых индустриях.

Интересны две *микропластинки* с ретушью, близкие типу дюфур. Они имеют малые размеры и оформлены по одному из краев полукрутой ретушью. Размеры первой составляют - 27x5x2 мм, второй - 20x4x2 мм. Им соответствуют такие формы, как рабо, которые, в отличие от аналогичных орудий нижнего слоя, можно рассматривать даже как своеобразные мелкие нуклеусы для микропластинок.

Эти формы отсутствуют в коллекции граветтского верхнепалеолитического комплекса, где представлены пластинки с притупленным краем. Важно обратить внимание на то, что, в сочетании со скребками каренэ, аналогичные микропластинки дюфур типичны для ориньяка 2 Франции и прото-ориньяка средиземноморского побережья Италии и Испании [Onoradini, 2004: 241], абсолютный возраст которого находится в пределах 35.000-37.000 л.н. [Onoradini, 2004: 243]. Три микропластинки с мелкой ретушью найдены в комплексе верхнепалеолитической стоянки Климауцы 1 [Борзьяк, 1981: 22], где они совмещаются с листовидными бифасами, ориньякоидными скребками и архаичными мустьероидными формами. Правда, в отличие от стинковских форм, края этих микропластинок обработаны притупляющей ретушью.

Относительно многочисленны *ножи с естественными обушками* - 8 экз (Рис. 46: 12, 13). Присутствуют также *удлиненный скол с поперечной крутой ретушью конца*

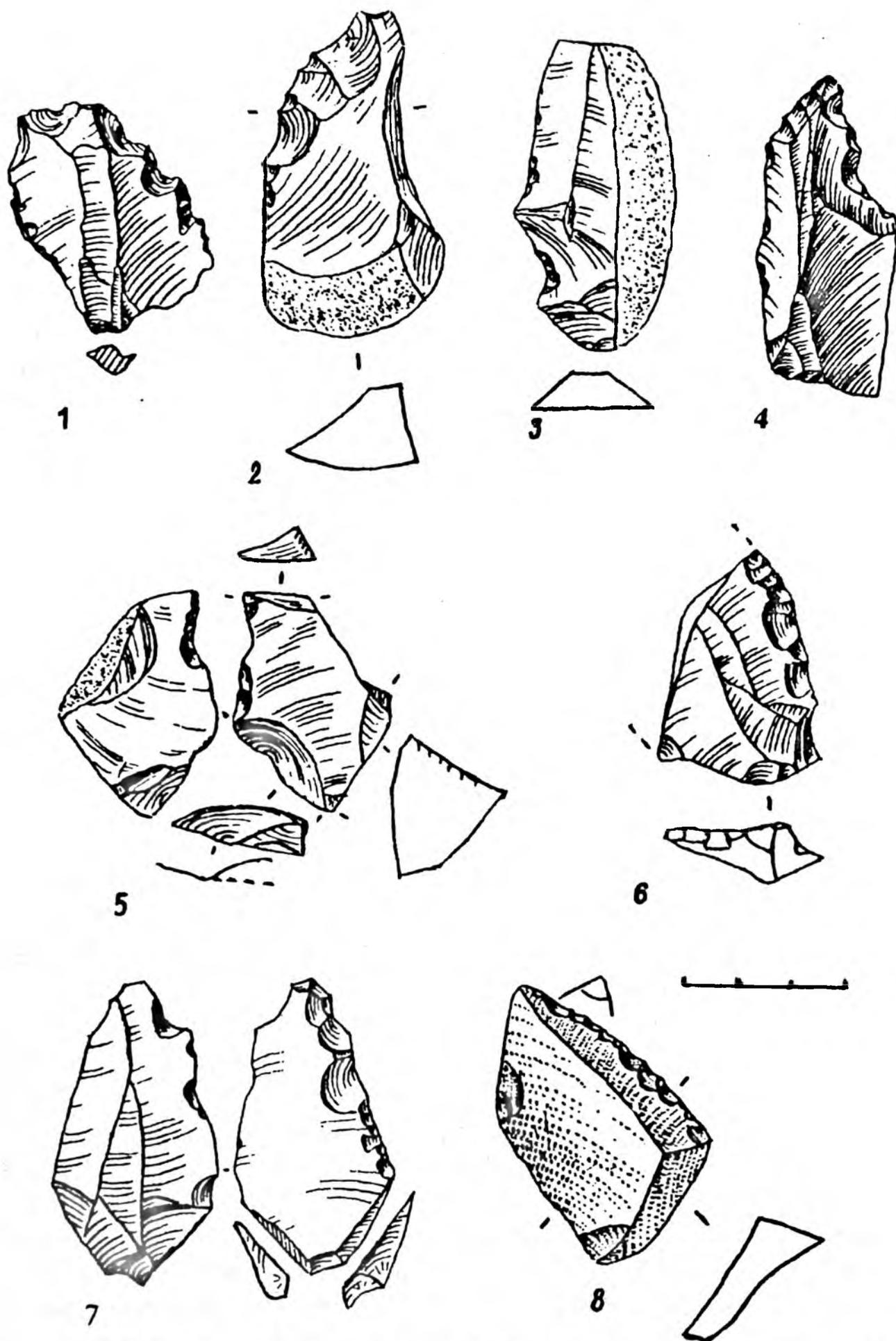

Рис. 47. Кремневые орудия верхнего слоя. 1,2,7-зубчатые скребла, 3-выемчатое орудие, 4-острие таяк, 5-комбинированное орудие, 6,8-скребла.

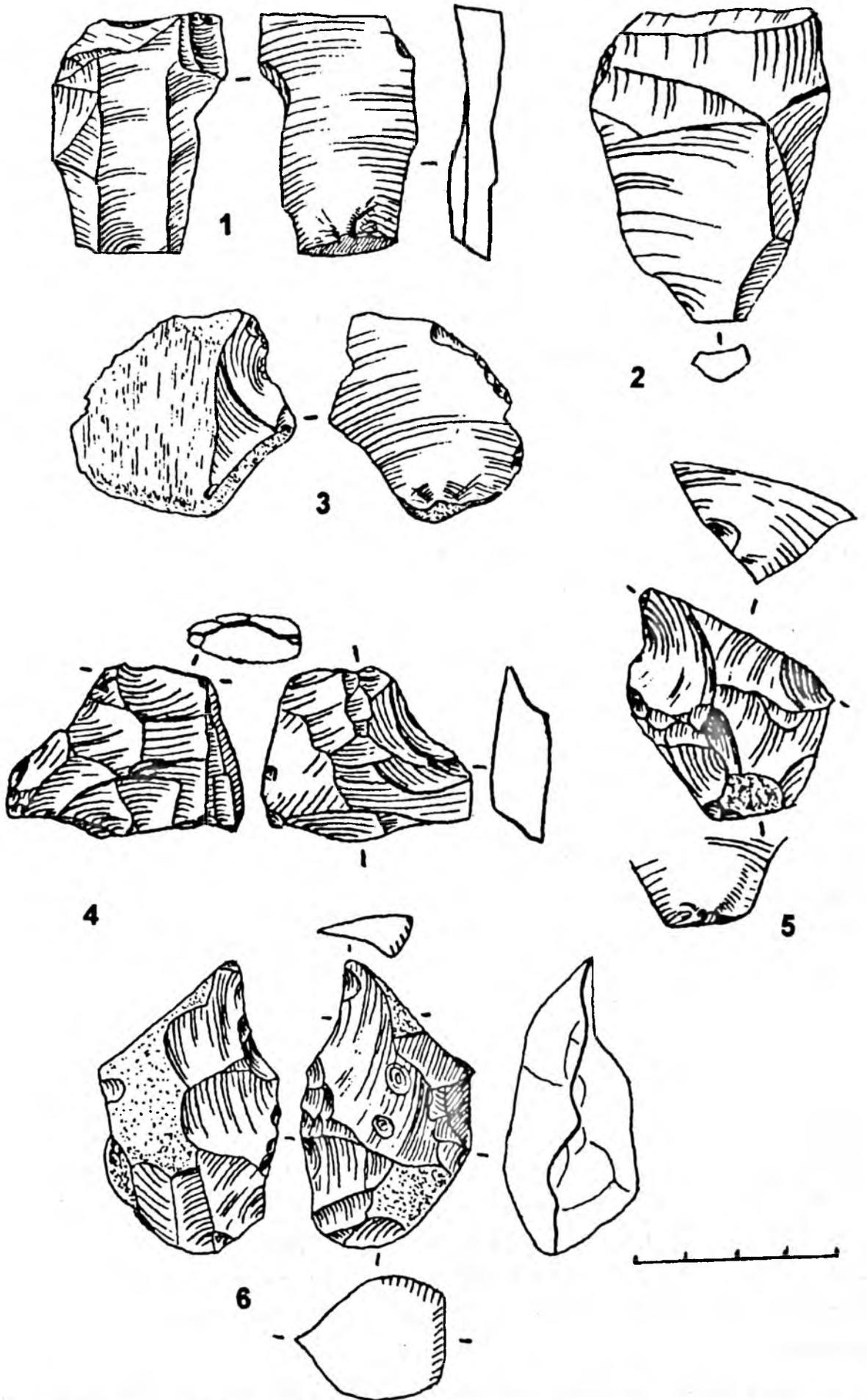

Рис. 48. Стинка 1. Верхний слой: 1-пластинчатый отщеп, 2-отщеп леваллуа, 3-выемчатое орудие, 5-клювовидный резак, 6-нож с обушком (Keilmesser). Нижний слой: 4-долотовидное орудие.

(1 экз.) и долотовидные орудия, рабочие края которых выделены подтеской со стороны брюшка (2 экз.) (Рис. 46: 14).

Группа *выемчатых орудий* достаточно разнообразна. Она может быть подразделена на боковые (13 экз.), поперечные (5 экз.) и желобчатые (1 экз.). Среди первых отметим 2 дорсальных клетонских выемки и 2 вентральных (Рис. 47; 48).

Группа *зубчатых орудий* достаточно многочисленна (21 экз.). Выделено 2 "пилки" и 19 ножевидных (скребловидных) изделий. По характеру вторичной обработки, представленной цепью разновеликих соприкасающихся выемок, их можно подразделить на клетонские (2 экз.), обычные (3 экз.) и микрозубчатые (16 экз.). Микрозубчатая ретушь данных форм является, вероятно, следами использования их в качестве режущих орудий (Рис. 47: 1, 2).

Если же рассматривать вместе выемчатые и зубчатые орудия, то доля клетонских выемок составляет около 10%.

Отличительной чертой стинковских комплексов являются острия ладьевидной формы, которые неизвестны в типичном мустье нашего региона (Рис. 46: 8, 9). Речь идет об остриях подтреугольных очертаний на массивных реберчатых заготовках, заостренные и утолщенные концы которых обработаны распространенной ("лямилирной" по В.П. Любину), но крутой ретушью. Узкие фасетки, образующие рабочий край, часто имеют вид микрорезцовых сколов. Эти орудия напоминают резцы с режущей кромкой на вентральной плоскости (брюшке). Характерные признаки этих орудий следующие: 1) форма подтреугольная или треугольно-овальная; 2) ладьевидное поперечное сечение; 3) рабочий конец напоминает в продольном сечении скребок, выделенный сколами резцового характера. На практике данные формы описываются или как скребки, или как резцы каренэ. Предварительно можно выделить две их разновидности: 1) резцевидное орудие без ретуши краев; 2) с крутой и распространенной ретушью краев, имеющих зубчатый контур. Первая разновидность может иметь два типа рабочих концов - резцевидный и скребоквидный. Одна представлена тремя предметами, вторая разновидность - двумя. Последние несколько напоминают тайякские острия (Рис. 47: 4).

Клювовидные орудия в коллекции верхнего слоя немногочисленны и представлены резаками (3 экз.) (Рис. 47: 5; 48: 5), скребками, рабочие края которых выделены смежными выемками (2 экз.), и атипичным острием на углу призматического нуклеуса (1 экз.) (Рис. 46: 11).

Выделено 3 небольших пластинки с мелкой ретушью по краю. Одна из них является краевым отщепком резца, снятым с нижней стороны (ударной площадки) пластины, что является архаичным показателем [Kelley, 1954: 419]. Можно указать также на 1 обломок пластинки с ретушью края.

Бифасы представлены рубильцами (3 экз.) и обломками листовидных острий (5 экз.) (Рис. 49). Среди первых 2 обломка и 1 специфический нож с естественным обуш

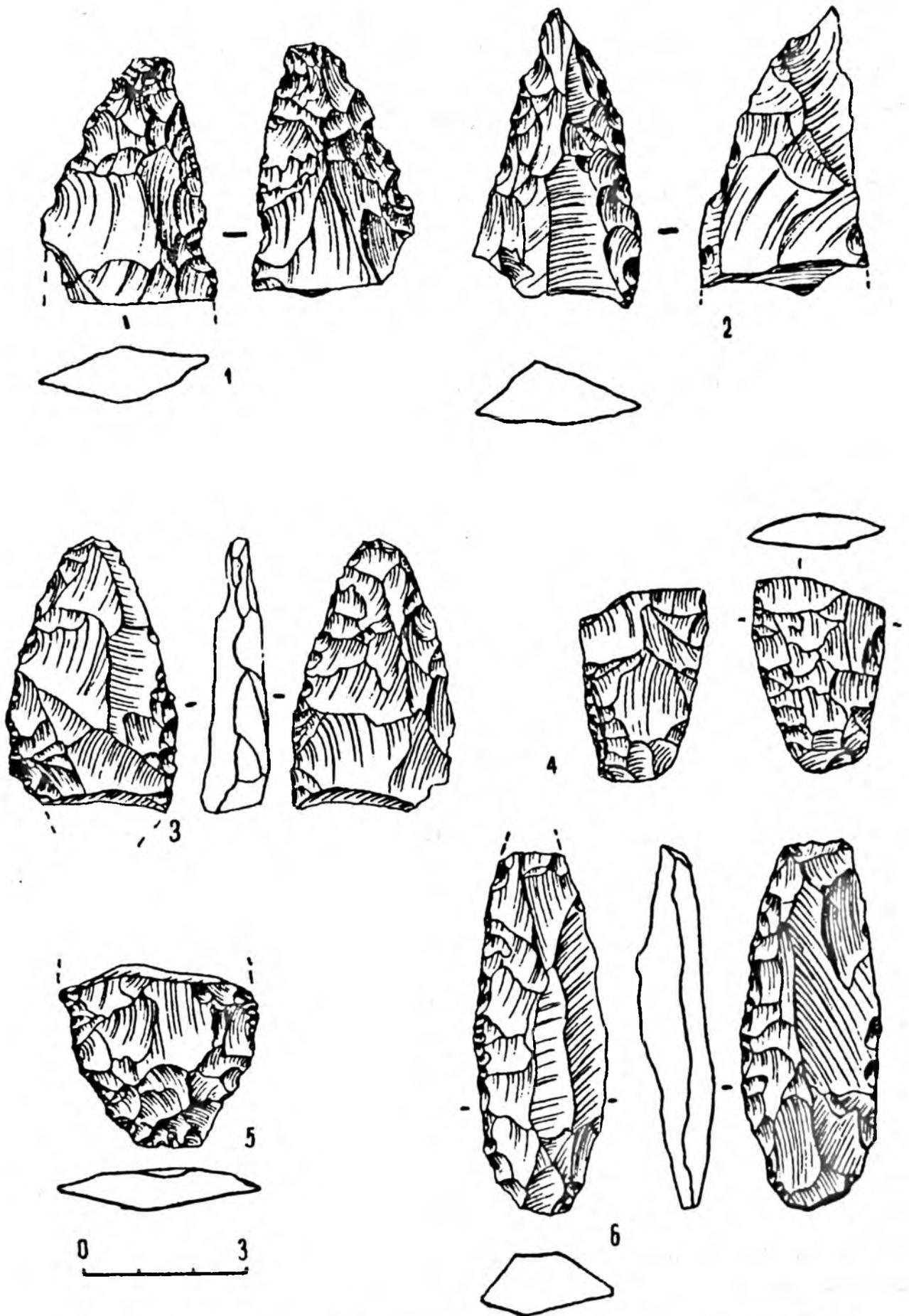

Рис. 49. Бифасы Стинки 1. Нижний слой: 1-обломок листовидного острья, 2-верхний конец листовидного острья (прондник?). Верхний слой: 3-6 - листовидные бифасы.

ком и зигзагообразным рабочим краем (Рис. 48: 6). Они были ранее описаны, как ножи "стинковского типа" [Анисюткин, 1978: 7], напоминающие атипичные ножи типа Бок-

штайн. Один из таких ножей, но мелких размеров, найден в нижнем культурном слое. Листовидные острия характеризуются одним почти целым предметом, двумя обломками оснований, одним верхним концом и одним обломком средней части. Они почти неотличимы от аналогичных форм нижнего слоя.

Эта индустрия относится к тому же варианту среднего палеолита что и индустрия нижнего слоя. Однако в ней более ярко выступают поздние элементы. При сопоставлении форм ядрищ и орудий верхнего слоя с такими известными переходными комплексами, как Бобулешты VI, Куличивка и богунисьен, очевидна более выраженная архаичность комплекса верхнего слоя Стинки I.

Список орудий нижнего и верхнего слоев Стинки I:

№№ по Борду	Нижний слой	Верхний слой
9,10,11. Скребла простые	17	5
15. Скребла двойные	1	-
22,23. Скребла поперечные	7	1
25. Скребла вентральные	3	3
26. Скребла с крутой ретушью	2	-
27. Скребла a dos aminci	2	-
29. Скребла с чередующейся ретушью	1	-
Обломки скребел	3	-
30-31. Скребки типичные и атипичные	15	10
32,33. Резцы типичные и атипичные	10	3
33а. «Парарезцы»	5	-
34,35. Проколки типичные и атипичные	6	2
37. Ножи с ретушированными обушками	4	-
38. Ножи с естественными обушками	10	8
39 «Раклет»	5	-
40. Отщепы с крутой поперечной ретушью	5	1
41. Долотовидные формы	6	2
42. Выемчатые орудия	36	19
43. Зубчатые орудия	35	21

Список орудий нижнего и верхнего слоев Стинки I (продолжение):

44. Резцевидные острия без burinante	2	-
51. Тайякские острия	3	-
55. Чопперовидные орудия	3	-
56. Рабо-нуклевидные скребки	3	3
59. Чопперы	2	-
62. Клювовидные острия	10	1
62. Клювовидные «долота»	4	скребки 2
62. Клювовидные резакки (bill-hooks)	5	2
62. Массивные острия	3	-
62. Ладьевидные острия	2	6
62. Скребки на площадках отщепов	3	-
62. Формы quinson	1	-
63. Листовидные острия-бифасы	18	5
Бифасы (Keilmesser)	2	2
Бифасы («рубильца»)	2	1
Дисковидный бифас	1	-
Пластинки и микропластинки с ретушью	-	5
- в их числе типа Дюфур	-	2
Итого:	237	102

Сопоставление коллекций верхнего и нижнего слоев.

Каменные изделия верхнего и нижнего слоев изготовлены из одинакового сырья. Орудия имели преимущественно мелкие размеры, а среди нуклеусов отмечаются своеобразные одноплощадочные формы, которые встречены, как в верхнем слое, так и в нижнем. Элементы леваллуа представлены слабо, относительно мало пластинчатых сколов. Вторичная обработка характеризуется обилием выемчатых и зубчатых форм, включая выразительные клювовидные орудия. Присутствует типичная ядрищная подтеска, включая костенковскую. Постоянно встречаются ориньякоидные формы, как, например, скребки. Бифасы, в том числе листовидные острия, имеют сходные пропорции и размеры.

Однако имеются и различия, которые проявляются, прежде всего, в технике первичной и вторичной обработки. В техническом отношении в верхнем слое заметна "утеря" ряда существенных среднепалеолитических показателей. Почти исчезают дис-

ковидные ядрища, увеличивается процент тонких, пластинчатых сколов. Индекс массивности значительно понижается, при увеличении доли тонких сколов с массивностью менее 20. Показатель пластин достигает 17% против 6% в нижнем слое. Среди ядрищ верхнего слоя преобладают образцы с прямыми или близкими им углами скалывания, которых почти 60%, в то время, как в нижнем слое данный показатель менее 20%. Более низкое значение получает также показатель глубины ударных площадок, причем количество линейных и точечных площадок в верхнем слое становится заметным, хотя они и не преобладают. Значительно увеличивается процент сколов с негативами параллельных и субпараллельных снятий. Все эти показатели указывают на существенные изменения в технике первичного расщепления камня.

Среди орудий верхнего слоя возросло количество верхнепалеолитических форм; клювовидные орудия и скребла стали малочисленны. Листовидные острия-бифасы, при сходстве пропорций и размеров, все же имеют в верхнем слое несколько меньшую массивность. Отсутствие здесь скребков на площадках отщепов, которые обычны и даже многочисленны в региональном среднем и даже верхнем палеолите [Сапожников, 1994], можно объяснить лишь относительной малочисленностью коллекции. Этим же следует объяснить и отсутствие массивных острий, сопоставимых с остриями "климауцкого типа". Последние найдены пока только в нижнем слое. Совокупность технико-типологических показателей указывает на развитие, демонстрируя переходный характер каменной индустрии верхнего слоя.

Если сопоставить индустрии верхнего и нижнего культурных слоев по ряду технических индексов, мы получим картину, отраженную в табл. 8:

Таблица 8. Сопоставление некоторых индексов техники первичного расщепления нижнего и верхнего слоев Стинки I.

	нижний слой	верхний слой
индекс пластин, %	6,2	17,15
общая массивность сколов	28	25
тонких сколов с М менее 20, %	11	32
сколов с параллельной и субпараллельной ограниченной спинкой, %	39,3	56,8
показатель глубины площадок, мм	8,2	6,2
клектонский индекс (ICI), %	41	35

Эти показатели хорошо согласуются с теми изменениями, которые установлены для нуклеусов, указывая на то, что основные перемены прослеживаются, главным образом, в технике первичного расщепления камня и во вторичной обработке.

В верхнем слое сократилось количество, разнообразие и качество среднепалеолитических элементов, включая скребла и крупнозубчатые формы. Исчезли чопперо-видные орудия.

В целом, для стинковской индустрии характерны ориньякоидные элементы, которые представлены в нижнем слое только скребками, а в верхнем – наряду со скребками, единичными резцами каренэ и микропластинками дюфур. Последние, несмотря на малочисленность, являются очень заметным показателем начинающейся качественной перестройки технико-типологической структуры данной среднепалеолитической индустрии.

Конечно, при желании можно попытаться увидеть в стинковской коллекции "ориньякскую примесь", как это допускал при знакомстве с материалом украинский археолог Ю.Э. Демиденко. Источником таковой (теоретически) мог быть верхнепалеолитический комплекс, обнаруженной на Стинке и представляющий собой самостоятельную локализацию севернее основной стоянки, выявленную еще в 1964 г. Однако анализ указанного комплекса позволил констатировать его принадлежность к индустрии граветта. В ней практически нет типичных ориньякских форм, зато хорошо представлены острия и пластинки с притупленными краями [Григорьева, Анисюткин, 1982].

Относительное обилие "ориньякских элементов" в стинковской индустрии можно понять лишь при учете особенностей регионального среднего палеолита, где данные формы обычны в среднепалеолитических комплексах дуруиторо-стинковского единства [Анисюткин, 2001]. Указанное "единство" можно, в известной степени, отождествить с "технокомплексом" в понимании М.В. Аниковича [Аникович, 2004: 87]. Однако в данном случае следует внести одну поправку: предполагается, что все индустрии, составляющие "дуруиторо-стинковское единство", связаны между собой культурно-генетическим родством. В качестве контраста важно отметить: ориньякоидные формы отсутствуют в региональном типичном мустье.

Как же ведут себя орудия сопряженной группы, характерные для индустрии нижнего слоя Стинки 1, в региональном верхнем палеолите? Этот вопрос остается неясным потому, что в публикациях им не уделяется должного внимания. Бесспорно постоянное присутствие в коллекциях регионального ориньякоидного верхнего палеолита таких форм, как скребки на площадках и массивные острия. Некоторую информацию можно получить из анализа публикации И.А. Борзияка, посвященной стоянке Климауцы 1 [Борзияк, 1981], каменный инвентарь которой (по обоюдному нашему мнению) очень близок стинковскому. Абсолютно однозначно можно указать на наличие выразительных скребков на площадках и ладьевидных острий [Борзияк, 1981: Рис. 6 - 9-12; Рис.3 - 13]. Некоторые острия климауцкого типа, выделенные И.А. Борзияком, близки клювовидным остриям нижнего слоя Стинки 1 [Борзияк, 1981: Рис. 5 - 17], Не исклю-

чено присутствие единичных клвовидных резачков [Борзияк, 1981: Рис. 6 – 8]. Эти примеры дают основания полагать, что характерные стинковские сопряженные группы могут продолжать присутствовать, в той или иной мере, и в ранней поре регионального верхнего палеолита.

Каменные индустрии верхнего и нижнего слоев Стинки 1 входят в круг средне-вюрмских палеолитических индустрий Центральной и Восточной Европы с листовидными бифасами, ориньякоидными скребками и, в значительной мере, среднепалеолитической техникой первичного расщепления (стрелецкая культура, селет, богунисьен и, в меньшей мере, альтмюльская группа) существовавших здесь 30-60 тыс. лет тому назад. Из них самым древним является среднепалеолитический комплекс нижнего слоя Стинки 1, предполагаемая дата которого варьирует в пределах 60-50 тыс. лет тому назад.

Все эти комплексы относятся, если говорить о раннем верхнем палеолите, к обширному понятию селетоидных индустрий Европы [Аникович, 1994: 150]. Индустрия же нижнего слоя Стинки 1, которая генетически, скорее всего, очень мало связана с отмеченными выше индустриями, имеет явно более ранний возраст, сосуществуя в регионе с молодовским леваллуа-мустье (а может быть и предшествуя ему) [Анисюткин, 2001].

Глава 7

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Эту главу необходимо предварить определением и уточнением терминов, используемых в данной работе.

В моем понимании "индустрия" есть совокупность коллекций каменных изделий какой-либо группы памятников (или отдельного памятника), соответствующих одной стадии развития и характеризующихся существенным технико-типологическим сходством. При этом в коллекции обязаны присутствовать почти все элементы технологического процесса.

Данное определение полностью относится к коллекциям нижнего и верхнего слоев Стинки 1, хотя каменный инвентарь верхнего слоя является переходным или даже может быть причислен к началу верхнего палеолита. Однако значительное технико-типологическое сходство не позволяет мне видеть здесь две разных индустрии. В подобном случае для подчеркивания специфики индустрии использую в ее наименовании название основного памятника. Так появилось понятие "стинковская индустрия".

Указанное понятие, по сути, является близким определению "мустье-археологическая культура", которым я пользовался в своих более ранних публикациях [Анисюткин, 1977а].

Понятие "единство" обозначает совокупность индустрий со сходными технико-типологическими признаками, которые они наследуют в течение всего периода сво-

его существования. Если подходить к материалу конкретно, "дуруиторско-стинковское единство" позволяет подразумевать, что древняя "дуруиторская индустрия" трансформируется в более позднюю "стинковскую индустрию", связанную с ней культурно-генетически. Правда, здесь возможно применение и иного понятия – "технокомплекс", но это понятие, которое сейчас широко используется исследователями палеолита, не подразумевает культурно-генетической преемственности.

Применяемое в работе служебное определение "*вариант*" (например, "мустьерский вариант") соответствует, в целом, вариантам Ф.Борда, выделенным на материалах Франции. Конкретно стинковский вариант среднего палеолита соответствует, в определенной мере, мустье зубчатому, имея с ним сходную структуру. Однако в данной работе он рассматривается, как одна из разновидностей регионального среднего палеолита, где сейчас выделены мустье типичное фаций леваллуа и нелеваллуа, микок и "преселет" типа Стинка.

Первоначально стинковская индустрия была отнесена к своеобразному нелеваллуазскому зубчатому мустье с листовидными остриями-бифасами и заметными тайякскими элементами [Анисюткин, 1969; 1971]. Наличие последних отстаивал и известный исследователь палеолита Чехословакии Л. Банес, который знакомился в свое время с материалами Стинки 1, а несколько ранее с коллекциями грота Фонтешвад во Франции. Сходной точки зрения придерживался американский исследователь ближневосточного палеолита Р. Солецки, который видел в стинковской индустрии аналогии ближневосточному тайяку из грота Ябруд 2.

Для тайяка – особого технокомплекса рисского времени – характерны, в первую очередь, высокий процент кареноидных скребковидных форм, наличие скребков на ударных площадках отщепов, а также разнообразных выемчатых, зубчатых и клювовидных орудий, изготовленных, преимущественно, на массивных клектонских отщепах небольших размеров. Подавляющая часть этих признаков весьма характерна и для раннего палеолита, представляя собой своего рода рудимент. Так, например, в коллекции ашельских слоев пещеры Кударо 1 орудия высоких форм, включая скребковидные формы, весьма многочисленны и выразительны [Любин, Беляева, 2004]. Так же хорошо представлены эти орудия и в раннепалеолитическом комплексе из Треугольной пещеры [Doronichev et al., 2004]. Указанные формы орудий обильны в нижних слоях грота Старые Дуруиторы.

В дальнейшем в Восточной Европе было найдено несколько памятников, аналогичных стинковской индустрии, подтвердив, тем самым, реальность существования комплексов подобного типа. В их числе оказались стратифицированные стоянки с хорошо сохранившимися культурными слоями. В первую очередь, это индустрии из грота Буздужаны 1 в Молдавии [Кетрару, 1973: 51] и открытой стоянки Бетово на Десне [Тарасов, 1977; 1999]. К индустрии стинковского типа отнесена также малочисленная коллекция кремневых изделий, происходящая из расположенного по соседству с Бетово местонахождения Чулатово 3 [Кухарчук, 1996].

Большой интерес вызывает местонахождение Мамаи в Добрудже (Румыния), каменный инвентарь которого аналогичен стинковскому [Paunescu et al, 1972; Valoch, 1968; 1993]. Подобный вывод независимо сделал чешский ученый К. Валох – известный западный специалист по палеолиту Европы, владеющий русским языком, а поэтому хорошо знакомый с нашей научной литературой. Этот ученый специально подчеркнул, что каменный инвентарь Мамаи имеет наибольшее сходство именно с нижним слоем Стинки I [Valoch, 1993: 260-262].

Выразительные кремневые изделия Мамаи, расположенной на берегу Черного моря, залегали в ископаемых почвах многометрового разреза отложений начала позднего плейстоцена, включая рисс-вюрмскую ископаемую почву [Valoch, 1968; 1993]. Индустрия Мамаи, а также еще три аналогичных, по мнению румынских исследователей, местонахождения среднего палеолита, отнесены А. Паунеску к зубчатому мустье с листовидными острями [Paunescu et al, 1972: 22-23]. Напротив, К. Валох вначале увидел здесь особый вариант тайяка, который далее был преобразован в своеобразное типичное мустье с выразительными элементами верхнего палеолита, многочисленными выемчатыми и зубчатыми орудиями, малочисленными, но выразительными, бифасами листовидных форм [Valoch, 1968; 1993].

Подчеркну еще раз, К. Валох определил этот комплекс, как специфическое не-леваллуазское типичное мустье с листовидными острями-бифасами и многочисленными зубчатыми орудиями, обратив специальное внимание на удивительное обилие и выразительность в коллекции таких верхнепалеолитических форм, как ориньякоидные скребки. Основой для отнесения этой индустрии к типичному мустье послужил повышенный процент скребел при несколько более низком проценте зубчатых орудий. Не характерным для типичного мустье, но показательным для зубчатого, является практически полное отсутствие в коллекциях Мамаи таких форм, как ретушированные леваллуазские острья, остроконечники и лимасы. Правда, на мой взгляд, для выявления специфики среднепалеолитических индустрий первостепенное значение должны иметь не столько статистические подсчеты, сколько сочетание определенных технико-типологических показателей и групп орудий, которые, в данном случае, характерны, как для каменного инвентаря Мамаи, так и для нижнего слоя Стинки I, образуя весьма устойчивую совокупность сопряженных признаков, отличающих эти индустрии от других.

Все эти заключения важны в том смысле, что они согласуются с моими прежними наблюдениями о значительном сходстве коллекций Мамаи и Стинки I. Данный вывод основан не только на анализе публикаций, но и на непосредственном знакомстве в 1974 и 1987 гг. с материалами этой стоянки, хранящимися в Брно и Бухаресте [Анисюткин, 1978].

Каменная индустрия Мамаи, как считает К. Валох, существовала от рисс-вюрмского межледниковья до одного из интерстадиалов раннего вюрма, что косвенно подтверждает принятый нами возраст стинковской индустрии.

Индустрия нижнего слоя стоянки Стинка 1 структурно, напомним еще раз, аналогична зубчатому мустье. Для классического зубчатого мустье Франции характерны: преобладание выемчатых и зубчатых орудий, малочисленность типичных скребел, редкость или отсутствие бифасов, мустьерских и леваллуазских остроконечников, а также конвергентных скребел [Bordes, Bourgon, 1951; Bordes, 1962-1963: 44]. Свообразием, которое отличает стинковскую индустрию от подлинного зубчатого мустье, следует признать наличие бифасов, включая листовидные острия (Blattspitzen немецких исследователей), а также присутствие ориньякоидных форм и скребков на площадках, при обилии клювовидных орудий.

В классификации мустьерских индустрий Русской равнины, предложенной видным украинским специалистом по палеолиту В.Н. Гладилиным, каменные индустрии типа Стинка отнесены к варианту "микромустье зубчато-двустороннему" [Гладилин, 1976: 105], где сделана попытка одновременного учета трех важных показателей, а именно: мелких размеров каменных изделий; господство выемчатых и зубчатых орудий; присутствие бифасов листовидных форм.

Такие исследователи, как А.С. Сытник и А.Е. Матюхин, пытались рассматривать стоянку Стинка 1 в качестве типичной мастерской [Сытник, 2003; Матюхин, 2004а], именно этим объясняя особенности ее каменного инвентаря. Притом первый из них (как и А.Е. Матюхин), произвольно игнорируя стратиграфию, видел здесь специализированный охотничий лагерь, где основой деятельности было производство листовидных наконечников, а все отщепы небольших размеров, включая клектонские, - считал отходами изготовления бифасов.

А.С. Сытник не обратил внимания на то, что аналогичные отщепы постоянно встречаются на всех стоянках стинковского варианта, включая те из них, где бифасиальные формы вообще отсутствуют. Индустрии с подобными отщепами хорошо представлены в среднем палеолите без листовидных бифасов. К тому же на Стинке 1 имеется серия подлинных отщепов оббивки бифасов, которые неотличимы от классических, но отличаются от клектонских малой массивностью и характером ударных площадок. Таким образом, интерпретации упомянутых авторов не выдерживают критики и не могут быть приняты.

Позднее, когда появились новые памятники стинковского типа, специфика данной индустрии выявилась более отчетливо, что позволило выделить особую археологическую мустьерскую культуру - "стинковскую" [Анисюткин, 1977а]. Однако, с накоплением сравнительных материалов, удалось заметить некоторую вариабельность тех признаков, которые до того рассматривались в качестве культуuroобразующих. Поэтому пришлось временно отказаться от самого понятия "мустьерская археологическая культура", оставив более емкое, хотя и менее конкретное, определение - "индустрия". Для стинковской индустрии характерно, если иметь в виду комплекс нижнего культурного слоя, определенное сочетание признаков, которые мало представлены в различных вариантах классического мустье. В дальнейшем удалось установить совместно встречае-

мые группы орудий, которые Г.П. Григорьев в свое время удачно назвал "сопряженными группами". Это способствовало более четкому описанию специфики совокупности определенных памятников в рамках европейского палеолита. Наряду с сопряженными группами, характерными для стинковского варианта, типичными являются малые размеры каменных изделий, среди которых господствуют массивные клетонские отщепы, но малочисленны пластинчатые заготовки. Размеры изделий, как уже отмечалось, здесь никак не связаны с особенностями сырья, которое в регионе обильно и разнообразно. Данный признак оказался весьма стабильным. Среди изделий с вторичной обработкой неизменно многочисленны зубчатые и выемчатые, а также комбинированные формы, но относительно малочисленны и атипичны скребла и случайны остроконечники. Данная совокупность признаков была типичной и устойчивой для группы разновременных памятников, характеризующих стинковскую индустрию. В наиболее ранних из них бифасы были редки и часто атипичны, но они становились довольно многочисленны позднее - в нижнем и верхнем слоях Стинки 1.

В целом, стинковская индустрия не может относиться ни к зубчатому мустье, ни к микоку. От первого она отличается присутствием бифасов, а от второго - относительным обилием выемчато-зубчатых орудий и верхнепалеолитических форм, включая ориньякоидные скребки. С другой стороны, листовидные бифасы, ориньякоидные скребки, архаичная техника расщепления камня характерны для типичного селета [Prosek, 1953], который рассматривается как совокупность региональных фаций [Валох, 1969].

И сегодня можно констатировать, что речь идет о некоем единстве, которое относится к селетоидному технокомплексу в понимании М.В. Аниковича [Аникович, 2003; 2004: 87]. Указанный технокомплекс (ТК) приурочен к территории Центральной и Восточной Европы, опровергая тем самым тезис Г.П. Григорьева об экстерриториальности данного явления [Григорьев, 2004: 100]. Селетоидный ТК включает несколько региональных вариантов (археологических культур). В пределах Карпатской котловины выделяется типичный селет. По соседству, на территории Чехии и Моравии - богунисьен, в восточном Прикарпатье - молдавский селет (брынзенская культура), на Русской равнине прослеживается выразительная стрелецкая культура, а на западной окраине ареала, в Германии - альтмюльская группа. На юго-востоке ареала, в Крыму, обнаружен так называемый "восточный селет" [Чабай, 2000]. Все эти варианты имеют свои особенности. Наиболее существенные отличия проявляются в культурах, расположенных на периферии ареала. Так для альтмюльской группы характерно почти полное отсутствие форм верхнего палеолита и присутствие листовидных острий, изготовленных в технике "тонкого бифаса" (если иметь в виду наиболее яркие памятники - Мауэрн и Ранис). "Восточный (крымский) селет" отличает то, что листовидные бифасы также имеют там тонкие поперечные сечения. Последняя черта типична и для уникальных листовидных острий стрелецкой культуры. Подчеркну еще раз: *для селетоидного ТК, существовавшего в пределах Центральной и Восточной Европы еще в среднем вюрме (валдае), ха-*

рактерно сочетание выразительных форм верхнего и среднего палеолита, а также многочисленных бифасов, включая типичные листовидные остря.

Индустрия нижнего слоя стоянки Стинка 1 отличается от прочих вариантов селетоидного технокомплекса Центральной и Восточной Европы абсолютным господством среднепалеолитической техники первичного расщепления и многочисленностью различных выемчатых, зубчатых и клювовидных орудий. Поэтому этот комплекс логично определить как "преселет типа Стинка", полагая, вслед за Я. Козловским [Kozłowski, 1995: 95], что на основе индустрии нижнего слоя Стинки 1 формируется «молдавский селет», который не является археологической культурой.

Выемчатые и зубчатые орудия также весьма характерны именно для селетоидных индустрий Румынии. Они регулярно встречаются в богунисьене, хотя редки в стрелецкой культуре, малочисленны в центральноевропейском селете и в альтмюльсской группе, где однако имеются очень выразительные образцы (в коллекции Мауэрна) [Bohmers, 1951]. Все эти варианты в той или иной мере связаны происхождением с центрально и восточноевропейским микоком (или Keilmesserguppe немецких исследователей). Исключением является молдавский селет, а также, вероятно, богунисьен, где влияние микока было частичным. Отчетливая преемственность давно отмечена для комплексов каменных орудий селета и регионального мустье [Prosek, 1953; Vertes, 1959; Жебера, 1961; Валох, 1969], которое ныне почти целиком сопоставляется с микоком. Порой эта связь прослеживается от земского (рисс-вюрмского) межледниковья до середины верхнего палеолита (от 120.000 до 20.000 л.н.), как это имело место в Венгрии [Ringer et al., 1995: 28-30]. Аналогичная картина отмечена и для стинковской последовательности, но здесь, как уже отмечалось выше, многочисленные и типичные бифасы не изначальны и появляются без плавного перехода, внезапно и лишь во второй половине среднего палеолита. На дуруиторском этапе развития, который предшествовал нижнему слою Стинки 1, напомним еще раз, бифасы атипичны и малочисленны, хотя и имеют, как это отмечено в слое 3 грота Старые Дуруиторы, удлиненные (типичные для Стинки 1) пропорции [Chetraru, 1995]. Редки и атипичны бифасы в коллекциях каменных орудий нижнего слоя грота Выхватинцы, а также открытых стоянок Осьпки, Шипота 2 и Бобулешты 5, которые обнаружены в отложениях рисс-вюрма и древнего вюрма (амерсфорта). В дальнейшем, начиная с нижнего слоя Стинки 1, бифасы, включая листовидные, постоянно присутствуют в коллекциях стинковской индустрии и регионального ("ориньякоидного") верхнего палеолита, который следует воспринимать в качестве специфической (молдавской) разновидности селета. На это впервые обратил особое внимание Н.А. Кетрару в предварительных публикациях материалов раскопок из слоя 3 грота Брынзены 1 [Кетрару, 1965, 1973]. Поэтому неприемлемо, на мой взгляд, отнесение к ориньяку таких памятников Молдовы, как Корпач-мыс, Брынзены 1 и Бобулешты 6 [Noiret, 2004], которые справедливо включены М.В. Аниковичем в селетоидный технокомплекс [Аникович, 2003: 20].

Сходное явление резкого увеличения количества бифасов в более поздних комплексах можно наблюдать и на стоянке Рипичени-Извор, расположенной на правобережье Прута. Здесь типичное мустье с преобладанием леваллуазской техники первичного расщепления и единичными бифасами, хорошо представленное в нижних слоях 1,2,3, трансформируется в так называемый "микок", сохраняя весь тот же набор орудий, который был типичен для нижних культурных слоев [Paunescu, 1993]. В этом я смог убедиться еще в 1987 г. при непосредственном знакомстве с коллекциями этого памятника в Институте археологии Академии наук Румынии, когда достаточно детально была изучена коллекция только слоя 1. С материалами вышележащих слоев я ознакомился весьма бегло, что было связано с недостатком времени. Однако, с учетом хорошей монографической публикации стоянки, этого оказалось достаточно для получения полезной информации. Важно подчеркнуть, что верхние слои Рипичени-Извор относятся уже к середине среднего вюрма, а слой 5 даже к интерстадиалу хенгело [Paunescu, 1993: Fig. 3], сосуществуя с индустриями ранней поры верхнего палеолита.

Похожую схему происхождения индустрии типа Богунице предложил в свое время чешский исследователь Мартин Олива [Oliva, 1981: 20]. Согласно его схеме, листовидные бифасы следует рассматривать, как результат заимствования [Valoch, 1982: 44]. Сходные с богуницкими листовидные острия происходят из такого варианта типичного мустье с листовидными бифасами, как Муселиево и Самуилица 2 (Болгария). Исходной формой может быть рисский комплекс горизонта V Королево 1, где обнаружена серия типичных листовидных острий с двусторонней обработкой. На вероятную трансформацию этого ашеля в соответствующий мустьерский вариант с подобными же формами (тип Муселиево?) указывали в своей статье украинские исследователи палеолита В.Н. Гладилин и Ю.Э. Демиденко [Gladilin, Demidenko, 1990].

В чем причина внезапного увеличения в разных индустриях бифасиальных форм именно в завершающей трети мустьерской эпохи (т.е. во время OIS 3)? Почему почти все переходные индустрии Центральной и Восточной Европы относятся к селетоидному пути развития? Этот вопрос остается сегодня без удовлетворительного ответа, а данные примеры указывают на сложность процесса трансформации каменных индустрий от палеолита среднего к палеолиту верхнему.

Глава 8

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА К ВЕРХНЕМУ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ПРИКАРПАТЬЯ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

В этой главе рассматривается проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на территории юго-запада Восточной Европы – в том ракурсе, который дает нам использование конкретных стинковских материалов. В частности, представляется очень важным выявление общности и специфики развития анализируемых материалов

на фоне изменяющихся условий и культурно-исторических трансформаций в Восточной и Центральной Европе в период среднего вюрма или во время OIS 3.

Проблема трансформации мустье в верхний палеолит имеет длинную историю. Об этом начали писать исследователи еще в начале XX в. Научная литература, посвященная данному вопросу, достаточно велика, соответствуя уровню знаний о предмете своего времени. Этот вопрос постоянно интересовал и интересует отечественных ученых [см. напр.: Рогачев, 1957; Коробков, 1978; Васильев, 2000], но я специально кратко остановлюсь на взглядах трех современных российских ученых - Г.П. Григорьева, Л.Б. Вишняцкого и М.В. Аниковича. Именно их разработки, по моему мнению, внесли за последние десятилетия наиболее заметный вклад в изучение рассматриваемой проблемы.

Важной работой, подводящей итоги исследований в указанной области за 1950-60-е годы, является монография Г.П. Григорьева [Григорьев, 1968], которая специально была посвящена данному вопросу. Автор изложил в ней наиболее популярную тогда среди отечественных исследователей точку зрения, согласно которой мустьерские варианты элементарно трансформировались в верхний палеолит [см. также: Григорьев, 1963], а классические неандертальцы постепенно эволюционировали в *Homo sapiens*. Основой такого развития, как полагал Г.П. Григорьев, являлся социальный фактор [Григорьев, 1968: 130].

Однако, уже в восьмидесятые годы, под давлением новых данных, отмечаются существенные изменения укоренившихся представлений о становлении *Homo sapiens* и верхнепалеолитической культуры. Эти идеи наиболее продуктивно были изложены в отечественном палеолитоведении прежде всего в публикациях Л.Б. Вишняцкого. В общих чертах они могут быть сведены к следующим положениям: архаичный человек с морфологическими чертами современного типа появился в Африке более 120.000 лет тому назад, а на территории Ближнего Востока несколько позднее – около 90.000 лет назад. Появились сомнения и в наличии четкой связи между типами ископаемых людей и типами каменных индустрий.

Таблица 9. Палеолитические культурные единства и группы на территории Европейского континента в среднем вюрме.

Позднейший средний палеолит.		
Мустье ашельской традиции	Франция	60-35.000 В.Р.
Позднейшее мустье	Испания	60-28.000 В.Р.
Позднейший микок	Германия	50-38.000 В.Р.
Вариант с листовидными острями	Средняя Европа	39-36.000 В.Р.

Таблица 9. Палеолитические культурные единства и группы на территории Европейского континента в среднем вюрме (продолжение).

Переходные индустрии (самый ранний верхний палеолит)		
Шательперон	Франция	>38-33.000 В.Р.
Селет	Средняя и юго-восточная Европа	43-35.000 В.Р.
Богунциен	Средняя Европа	44-38.000 В.Р.
Ежмановициен	Средняя и юго-восточная Европа	39-36.000 В.Р.
Ольшевиен	Юго-восточная Европа	36-28.000 В.Р.
Улуциен	Италия	>34-31.000 В.Р.
Древнейший поздний палеолит		
Прото-ориньяк	Средняя и юго-восточная Европа	40.000(?) В.Р.
Ранний ориньяк	Средняя Европа	38-33.000 В.Р.

Проникнув в Европу, сапиентные формы людей в течение долгого времени (15.000 лет или более) сосуществовали здесь с неандертальцами. Для иллюстрации этого положения я использовал таблицу из монографии, посвященной специально неандертальской проблеме (см. табл. 9). Там этот вопрос рассмотрен весьма обстоятельно и приведена серия абсолютных (радиоуглеродных) дат [Aufferman, Orschiedt, 2002: 84].

Таким образом, представляется очевидным сосуществование в Европе в течение почти двух десятков тысяч лет (~от 45.000 до 28.000 л.н.) самых разнообразных каменных индустрий, включая и подлинно мустьерские, и бесспорно верхнепалеолитические.

Одновременное существование архаичных и развитых индустрий хорошо прослежено в центре Русской равнины, в Костенках. Речь идет, прежде всего, о таких памятниках, как Костенки 12 и 14, где выявлены культурные слои с весьма ранними верхнепалеолитическими комплексами, которые отчетливо подразделяются на архаичный тип и более совершенный. Этот последний можно с уверенностью сопоставлять с индустриями ориньякоидного технокомплекса, включая нижний слой стоянки Костенки XVII [Борисковский, 1963]. Их датировки варьируют в пределах 38.000-32.000 (возможно, 40.000) л.н., соответствуя по времени переходным индустриям Европы [Аникович и др. 2004; Сеницын и др. 2004]. В этом плане особенный интерес представляет "горизонт очагов" из культурного слоя IVб стоянки Костенки 14 с очень развитой каменной индустрией верхнепалеолитического облика и с радиоуглеродными датами в пределах (преимущественно) от 37.000 до 35.000 л.н. По мнению автора раскопок этого памятника, слой 4б, каменная индустрия которого относится к "чистому" верхнему палеолиту, несколько древнее 40000 л.н. [Сеницын и др. 2004: 44]. Эта датировка не бесспорна и является предметом дискуссии.

На стоянке Костенки 12 сейчас обнаружены без сомнения еще более ранние слои IV и V с пока малочисленными каменными изделиями. О принадлежности их какому-то определенному технокомплексу судить еще рано. Если имеющиеся материалы слоя IV еще можно определять, как верхнепалеолитические, то атрибутировать индустрию слоя V пока преждевременно – даже в рамках археологической эпохи [Аникович и др. 2004: 29]. По совокупности стратиграфических данных и имеющихся IRSL-датировок, она достаточно осторожно датируется автором раскопок ~от 44.000 л.н. и древнее [Аникович, 2006, в печати]. Дальнейшие исследования покажут, является ли стоянка Костенки 12/V самым древним верхнепалеолитическим памятником Европы или, напротив, первой мустьерской индустрией Костенковско-Борщевского района?

В настоящее время вновь стала актуальной теория о том, что классические неандертальцы представляли собой тупиковую ветвь эволюции. Эти идеи живо обсуждались в различных научных публикациях; из отечественных ученых наиболее активно их развивал Л.Б. Вишняцкий [Вишняцкий, 1999: 43-44; 2000]. Этот исследователь обращал особое внимание на огромную роль среды обитания в развитии культуры ископаемого человека [Вишняцкий, 2002; 2004: 135]. Однако Л.Б. Вишняцкий не считает неандертальцев тупиковой ветвью, а видит в них своеобразных "дублеров" *Homo sapiens* – своего рода резервный вариант человечества [Вишняцкий, 2004: 134]. К тому же он придерживается распространенного сегодня среди ряда авторитетных специалистов по доистории [см. напр.: Аникович, 1997; Соффер, 2000: 241] мнения об отсутствии непосредственной связи между типами индустрий и формами ископаемых людей: неандертальцы и архаичные *Homo sapiens* изготавливали и пользовались одинаковыми мустьерскими орудиями [Вишняцкий, 2004: 130-131].

Указанное положение, как мне кажется, является справедливым только для региона Ближнего Востока, но не Европы. На европейской территории, если принять во внимание все ныне известные среднепалеолитические погребения [Смирнов, 1991], неандертальский тип человека всегда сопровождался обычными для мустьерской эпохи формами орудий. Исключением является находка костей типичного неандертальца в шательперронском слое французской стоянки Сан-Сезер. Однако эта находка (а возможно, и зубы из Арси-сюр-Кюр) является единичной и связана с "переходной" индустрией, что ставит исследователя перед сложными и нелегко решаемыми вопросами. Необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что кости неандертальца из Сан-Сезера найдены в слоях того временного отрезка, который следует считать пограничным, где индустрии начального верхнего палеолита и пережиточного мустье сосуществуют. Поэтому у нас нет гарантии того, что эти антропологические находки могут быть четко увязаны с открытыми на стоянке каменными индустриями. К тому же, древние антропологические остатки с территории Ближнего Востока, найденные совместно с мустьерскими каменными изделиями (Схул, Кафзех), принадлежат архаичному *Homo sapiens*, который еще относительно недавно относился отечественными антропологами к атипичным неандертальцам [Алексеев, 1985]. Полезно в этой связи ука-

зять на то, что обряды захоронений людей среднего палеолита на территории Ближнего Востока были в целом одинаковы, независимо от того, связаны ли они с неандертальцами, или с архаичными сапиенсами [Алексин, 1994: 138-139]. Все это, возможно, указывает на единство указанных форм людей, независимо от некоторой разницы в их морфологии. Напротив, все находки человеческих костей со стоянок начала верхнего палеолита, определяемых как ориньяк, всегда связаны с *Homo sapiens sapiens* [Aufferman, Orschiedt, 2002: 89-91].

Важными и интересными являются работы М.В. Аниковича, в которых учтены новейшие разработки по проблеме формирования европейского верхнего палеолита. Им по-новому рассматривается проблема становления верхнего палеолита, с использованием материалов последних раскопок Костенковско-Борщевского района, где сделаны очень важные открытия. В первую очередь, речь идет о нижних слоях уже упомянутых мною памятников Костенки 12 и 14, где проведены масштабные раскопки и основательные междисциплинарные исследования. Они не только позволили получить новые очень ранние датировки и обнаружить более древние культурные слои, но и дали возможность глубже понять процесс формирования верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы.

Весьма существенными являются методико-методологические разработки М.В. Аниковича. В своих культурно-генетических построениях ученый исходит из ряда предпосылок, по-новому сформулированных. Суть их вкратце сводится к следующему. Археологические эпохи должны восприниматься, как понятия сугубо археологические. Границы между ними устанавливаются по признаку внедрения в практику нового материала. Так по М.В. Аниковичу, эпоха верхнего палеолита может быть определена как "эпоха кости", из которой, включая, прежде всего, рог и бивень мамонта, начали изготавливаться различные изделия. Орудия из кости и рога не были характерными для эпохи мустье. Внедрение их в обиход повлекло за собой в технологическом плане такую же "революцию", как позднейшее внедрение металлов.

Разумеется, такие материалы, как кость и рог, не всегда полно представлены на палеолитических стоянках. Часто они и вообще отсутствуют. Поэтому при определении археологической эпохи ученые пользуются, главным образом, комплексами каменных орудий, которые в более благоприятных случаях обнаруживаются вместе с костяными орудиями. Однако технологический переворот, произведенный в результате внедрения кости и рога, в том числе и в самих каменных индустриях, не подлежит сомнению. Отсюда следует принципиальный вывод, что в поисках культурно-генетических связей между археологическими эпохами нельзя опираться на технологическое сходство: "генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам, должны, как правило, различаться в технологическом отношении" [Аникович, [2004]: 267]. В этом случае культурно-генетическое родство выражается, прежде всего, в *преемственности форм* каменных орудий.

Данные методико-методологические обоснования, в целом, согласуются с фактами, наблюдаемыми в палеолите Юго-Запада Восточной Европы. В частности, если сопоставить индустрию нижнего слоя Стинки 1 (как наиболее представительную) с известными региональными верхнепалеолитическими индустриями, которые могут рассматриваться в качестве "стинковских потомков" и которые можно отнести к "молдавскому селету", то очевидно принципиальное различие их технологий. Например, даже технология комплекса местонахождения Бобулешты 6, относимого к переходным индустриям, имеет, в целом, верхнепалеолитический облик. С другой стороны, технология верхнего слоя Стинки 1, при явном отличии ее от технологии нижнего слоя, все же характеризуется преобладанием плоскостной системы первичного расщепления камня, что позволяет рассматривать ее как все еще, в значительной мере, среднепалеолитическую, но с выраженными проявлениями "деградации". Этот пример указывает на очевидное различие между технологиями регионального среднего и верхнего палеолита.

Исследования М.В. Аниковича выводят на уровень очень важной проблемы понимания взаимоотношений людей современного физического облика и неандертальскими людьми, сосуществовавшими в Европе в течение многих тысячелетий [Аникович, 1997: 143]. Были ли последние полностью вытесненными сапиентными пришельцами без какого-либо скрещивания, или же современное европейское население обязано своим появлением широкой ассимиляции аборигенов пришельцами? Для продуктивного решения этой проблемы очень важное место, без сомнения, занимают материалы не только Центральной, но и Восточной Европы, где ныне открыты древнейшие памятники верхнего палеолита нашего континента. В этом плане важен общий вывод М.В. Аниковича, сформулированный следующим образом: "И археологические, и антропологические данные не дают оснований в пользу тотального вытеснения аборигенов пришлыми неантропами. Современное человечество – результат скрещивания этой формы с местными формами палеоантропов в процессе расселения человека современного вида" [Аникович, 1997: 154]. Это положение, первоначально сформулированное британским исследователем палеолита Ф. Олсворд-Джонсом, было сравнительно недавно развито и детально обосновано в России – антропологом А.Г. Козинцевым [Козинцев, 2003] и археологом М.В. Аниковичем. В этой связи очень важно специально обратить внимание на изначальное сосуществование в Европе "архаичных" и "развитых" верхнепалеолитических индустрий [Аникович, 1997: 152]. Их возможные контакты, как полагают некоторые западные исследователи (Фр. Джинджан, Я. Козловски, Ф. Базиль), позволили некоторым из них (носителям селетоидных индустрий) трансформироваться в типичный европейский верхний палеолит - в ранний граветтен (Павловьен).

Можно относиться к неандертальской проблеме по-разному, считать классических неандертальцев предками современных людей или тупиковой формой, но нельзя не учитывать того факта, что наиболее характерные признаки мустьерских индустрий того или иного региона продолжают существовать в первой половине верхнего палео-

лита. Такая преемственность, связанная, например, с обилием различных бифасов, включая Blattspitzen и Keilmesser, хорошо прослеживается на территории Центральной и Восточной Европы. Отчетливая преемственность между индустриями среднего и верхнего палеолита установлена также в Центральной и Восточной Азии [Абрамова, 1994; Вишняцкий, 1996: 172-173].

Однако представления о том, что мустье постепенно трансформируется в верхний палеолит, иллюстрируя таким образом типичную градуалистическую модель, являются в настоящее время пережитком эволюционизма конца XIX в. Сегодня эта точка зрения не представляется продуктивной, хотя можно подчеркнуть специально: почти все региональные исследования подтверждают наличие постоянного развития внутри определенных локальных вариантов. Это развитие представляет собой типичную микроэволюцию, которая направлена на изменения внутри определенных локальных образований, не преобразуя их структуры кардинальным образом. Инновации распространяются чаще всего на технику первичной и вторичной обработки. К примеру, типичное мустье фации леваллуа Среднего Приднестровья, представленное, в частности, такими стоянками, как Кетросы, Молодова 1 и 5, чьи каменные индустрии разделены огромным промежутком времени равному примерно 45.000 л.н., различается лишь количественными показателями техники первичного расщепления камня. Если в раннем комплексе, каковым является добрерупская индустрия стоянки Кетросы (около 105.000 л.н.), индекс пластин (Pam) немногим превышает 12%, а клетонский (ICI) - 21%, то в более позднем - молодовском, относящимся уже к началу среднего вюрма (около 50 т.л.н.), эти показатели изменились - Pam (для слоя 5 Молодова 1) - 20% и ICI - 18%. Отличаются эти комплексы и некоторыми иными техническими показателями, указывающими на то, что в молодовском мустье использовались более тонкие, удлинённые и более стандартизированные сколы, в то время, как по всем остальным показателям перед нами один и тот же вариант мустье.

Этот пример, как и все прочие примеры такого рода, указывают на то, что просто так, только за счет микроэволюционных процессов, никакая трансформация не превращает комплексы среднего палеолита в верхнепалеолитические. Необходимы дополнительные факторы, которые только и приведут к существенной и качественной перестройке каменных индустрий, "столкнут" их со среднепалеолитической "колеи" на верхнепалеолитическую. Одним из таких моментов, "развернувших", к примеру, развитие среднепалеолитического дуруиторо-стинковского единства в сторону верхнего палеолита, стало массовое появление листовидных острий-бифасов, появившихся в нижнем слое стоянки Стинка 1, вероятно, уже в раннем плениглияле.

Можно предположить, что основным толчком к предполагаемой аккультурации мог послужить, прежде всего, социальный фактор. Сущность его в данном случае заключалась в различной степени готовности тех или иных мустьерских коллективов к продуктивным контактам. В тех сообществах, где жестко осуществлялся принцип межгрупповой оппозиции ("мы"- "они"), и тем самым усложнялась вероятность взаимных

контактов и проникновения элементов материальной культуры, - там имелось слишком мало шансов для преобразования индустрий среднего палеолита в верхнепалеолитические. В этом плане важно обратить внимание на обширность территории, занятой таким культурным явлением, как "восточный микок" [Колесник, 1998: 19]. Например, в Восточной и Центральной Европе нет такой чересполосицы мустьерских вариантов, как на территории Франции, а там, как известно, начальный верхний палеолит (шательпероньен) имеет более молодой возраст, чем ранний верхний палеолит Юго-Восточной и Восточной Европы. Правда, в настоящее время имеются данные о наличии на кромке побережья северного Средиземноморья (Прованс и Лигурия) очень ранней верхнепалеолитической индустрии с РУ датой ~37.000 тому назад, которая сейчас описывается как прото-ориньяк [Onorati, 2004: 242].

Исходя из сказанного, можно допустить разную степень "контактности" региональных вариантов среднего палеолита, и в частности, - микокских индустрий и молодого леваллуа-мустье (т.е. типичного мустье Среднего Приднестровья). Только первый из них стал составной частью селетоидного верхнего палеолита. В этой связи можно утверждать, что в Пруто-Днестровском междуречье выявлен пласт среднепалеолитического преселета, где постоянно присутствуют бифасы листовидных форм в сочетании с кареноидными скребками и скребками на ударных площадках отщепов, массивными остриями, многочисленными выемчатыми и зубчатыми орудиями, при абсолютно господствующей среднепалеолитической технике первичного расщепления камня. Подобное сочетание форм, как известно, типично именно для стинковской индустрии, которая существовала, как в среднем палеолите, так и в самом начале регионального верхнего палеолита (но в трансформированном виде). Напротив, элементы молодого мустье, представленные техникой леваллуа и относительно высокой пластинчатостью, не оказались характерными для верхнего палеолита. Вероятным исключением, на которое ссылаются некоторые исследователи [Степанчук, Коен, 2002: 114], является слой 3 стоянки Куличивка. Но достаточно ли этих банальных технологических элементов для увязки молодого мустье и верхнего палеолита Куличивки? - Весьма сомнительно. Трудно привязать данный верхний палеолит к молодому леваллуа-мустье. Здесь полезно напомнить, что в коллекциях мустьерских слоев стоянок Молодова 1 и 5 верхнепалеолитические формы единичны, а ориньякоидные скребки вообще неизвестны. Не случайно в последнее время эти исследователи стали сравнивать данную индустрию с богунисьеном [Степанчук, Коен, 2000].

Для выявления подлинных переходных индустрий важно иметь не менее двух сопоставляемых комплексов, но лучше больше, включая, как среднепалеолитические, так и ранние верхнепалеолитические [Анисюткин, 2002]. В этом отношении стинковская последовательность представлена не только двумя слоями стоянки Стинка 1, но и памятниками более ранними. Прежде всего, это стоянки, связанные с отложениями пойменной фации аллювия II надпойменной террасы Днестра - Осыпка, Шипот 2, имеющие надежную геохронологическую позицию. К данной группе можно отнести,

учитывая значительное сходство каменного инвентаря, и богатую коллекцию кремневых изделий местонахождения Бобулешты 5. В качестве собственно верхнего палеолита возможно принять совокупность относительно ранних памятников, завершающих эту линию развития, включая нижний слой грота Брынзены 1, Корпач-мыс, Климауцы 1 и, вероятно, Зеленый хутор, где прослеживается, в той или иной мере, совокупность признаков, характерных для стинковской индустрии.

Если говорить о таком памятнике, как Бобулешты 6, который единодушно считается переходным [Кетрару, 1973: 119-121; Григорьева, 1980; Борзияк, 1980; Chetragu, 1995: 139-386; Amir Khanov, Anikovitch, Borziak, 1995: 327], то здесь имеется ряд сложностей, которые недостаточно, на мой взгляд, учитываются молдавскими коллегами. Прежде всего, мы имеем дело с памятником с разрушенным культурным слоем, где только незначительная часть каменных изделий извлечена из четвертичных отложений.

В раскопках 1968 г., которые дали наиболее ценную информацию, я принимал самое непосредственное участие в качестве заместителя начальника экспедиции (Н.А. Кетрару). Тогда мне было поручено проводить раскопки на одном из участков с сохранившимися четвертичными отложениями местонахождения Бобулешты 6, где были сделаны интересные стратиграфические наблюдения.

В этой же экспедиции, кстати, участвовали ныне известные археологи из Молдовы (И.А. Борзияк) и России (Т.Н. Дмитриева-Ярославская), которые тогда проходили у меня обязательную археологическую практику после окончания 1-го курса в университетах Кишинева и Ленинграда.

В коллекцию рассматриваемого памятника были включены, как изделия, собранные на поверхности, так и происходящие из четвертичных отложений. В разрезе мощностью около двух метров каменные изделия встречались во всех слоях, исключая голоценовый, где они были единичны. Самые многочисленные кремневые артефакты обнаружены в лессовидном суглинке, но наиболее интересная коллекция происходила из основания суглинка-кровли супеси, локализованных на небольшой площади в несколько квадратных метров. Этот материал, насчитывавший почти сотню кремневых изделий, отличался архаичностью и малым количеством поздних элементов. Таким образом, на памятнике вполне могло быть два слоя с одинаковой каменной индустрией. Только, в отличие от Стинки 1, наиболее богатым находками был именно верхний (плохо сохранившийся) слой. К сожалению, Н.А. Кетрару опубликовал коллекцию целиком [Chetragu, 1995], включая подъемный материал, тем самым лишив нас возможности увидеть здесь два комплекса. Правда, следует отметить (в качестве общего впечатления) большое сходство всех подразделений коллекции. На мой взгляд, если использовать только опубликованный материал, индустрия этого памятника не имеет существенных отличий от стинковской, на что обращал внимание и И.А. Борзияк [Борзияк, 1980: 65]. Заметна лишь более развитая техника первичного расщепления камня, где хорошо представлены объемные ядрища и малочисленные дисковидные формы. Кроме того, здесь более четко (даже по сравнению с верхним слоем Стинки 1) выражены мно-

гочисленные верхнепалеолитические формы, в первую очередь концевые скребки, которых в стинковских слоях мало. Среди интересных и специфических форм орудий, которым Н.А. Кетрару не уделил должного внимания, отмечу типичное дуруиторское острие и выразительный клювовидный резак, так же типичных для коллекций дуруиторо-стинковского единства [Борзияк, 1980: Fig. 15 – 6, 8].

Если все-таки видеть в материалах Бобулешты 6 единый комплекс, то следует признать: он представляет собой переходную индустрию, имеющую более развитый облик, чем индустрия верхнего слоя Стинки 1. Правда, вывод этот базируется на учете самых общих признаков, которые можно получить из публикации Н.А. Кетрару. В бобулештской индустрии господствуют выразительные выемчатые и зубчатые орудия, имеются скребки высоких форм, включая рабо, которые сочетаются с выразительными бифасиальными формами, включая листовидные острия. Имеется ли здесь сопряженная стинковская группа - неясно. Если использовать только данные публикации, обращает на себя внимание малочисленность ориньякоидных форм. Однако на их присутствие специально указывал И.А. Борзияк, изучавший эту коллекцию более тщательно [Борзияк, 1980: 64]. Правда, здесь, к сожалению, не исключена небольшая примесь поздних форм. К их числу можно отнести микроострие граветтского облика, которое опубликовано в специальной статье Н.А. Кетрару [Chetaru, 1995: Fig. 7 – 2]. Но эти единичные формы не оказывают существенного влияния на особенности коллекции стоянки Бобулешты 6.

В этой связи я специально акцентирую внимание на ранее сформулированной концепции И.А. Борзияка о переходных индустриях Северо-Западной Молдовы и Среднего Приднестровья, где он выделил три линии развития [Борзияк, 1980]. Исследователь исходил из господствовавшего в то время представления, что тот или иной вариант мустье обязательно дает тот или иной вариант верхнего палеолита, в соответствии с однолинейной схемой развития.

Первая линия И.А. Борзияка оказалась связана непосредственно с исходной индустрией Стинки 1, развиваясь далее через этап Климауцы 1 в направлении ориньякских памятников Карпато-Днестровского региона.

Вторая, по мнению ученого, эволюционировала от исходной мустьерской индустрии грота Бутешты, через этап Миток-Валя Изворулуй и Четэцика 1 в верхний палеолит. Здесь очевидное недоразумение состоит в том, что в индустрии разрушенного грота Бутешты практически нет никаких выразительных элементов верхнего палеолита, а многочисленные зубчатые и выемчатые орудия из румынских памятников начисто отсутствуют в Бутештах.

"Третий генетический путь перехода от мустье к позднему палеолиту в Карпато-Днестровском регионе наблюдается на примере памятников Брынзены 1 (нижний слой) и Бобулешты 6" [Борзияк, 1980: 64]. Сформировавшийся на этой основе верхний палеолит, как считал И.А. Борзияк, имел в качестве предковой формы мустье зубчатое двустороннее и мустье двустороннее в леваллуазской фации. Таким образом, третья

линия развития основывается на индустриях типа Стинка 1 и типа верхних слоев Рипичени-Извор. Сходство со стинковской индустрией заключается в присутствии в коллекции нижнего слоя грота Брынзены 1 многочисленных выемчатых и зубчатых орудий, скребков каренэ и на ударных площадках отщепов, отличаясь наличием некоторого количества пластин леваллуа. Техника леваллуа, напротив, хорошо представлена в индустрии Рипичени-Извор, где (как и в Стинке 1) имеются различные бифасы, включая листовидные остря. Здесь очевидно сочетание элементов двух индустрий, что прослеживается дополнительно в раннем "ориньяке" соседней Румынии.

В ориньякоидном верхнем палеолите региона очевидно присутствие в структурах их индустрий элементов, как стинковских, так и леваллуа-мустьерских с выразительными бифасами, которые характерны для верхних мустьерских слоев 4 и 5 стоянки Рипичени-Извор [Paunescu, 1993]. В этой связи полезно напомнить, что в свое время известный исследователь румынского палеолита К. Николаеску-Плопшор рассматривал индустрию с бифасами из Рипичени-Извор как преселет [Nicolaescu-Plopsor, 1957: 48], полагая, как это было принято в то время, наличие "плавного" перехода от мустье к верхнему палеолиту.

Новый подход к проблеме происхождения верхнего палеолита Юго-Запада Русской равнины сформулирован в одной из последних статей И.А. Борзияка, где он предлагает рассматривать стинковскую индустрию как преориньяк [Борзияк, 2003]. Данная точка зрения не может быть принята по причине недостаточной и неточной аргументации. В частности, он начисто проигнорировал стратиграфические данные Стинки 1, представив стоянку, как нестратифицированную. Этим способом И.А. Борзияк сделал предмет обсуждения бесполезным, а вполне здравая идея лишилась какой-либо основы.

Нет сомнения в том, что процесс перехода от среднего палеолита к верхнему проходил весьма сложно и представлял собой не одни элементарные процессы поступательного развития. Поэтому следует признать два варианта трансформации: линейную (спонтанную), которая прослеживается на материалах дуруиторо-стинковского единства, и так называемую "синтетическую" (стимулированную), где в переходных (Валя Изворулуй, возможно Бобулешты 6) и даже в ранних верхнепалеолитических индустриях (Рипичени-Извор, слои 1a, 1b) с датой около 29.000 л.н. отчетливо совмещаются элементы мустьерских индустрий Рипичени-Извор и Стинки 1. Правда, здесь необходимо специально подчеркнуть относительность так называемой "линейной" схемы развития дуруиторо-стинковского единства, которая была трансформирована относительно внезапным появлением здесь бифасов листовидной формы.

К сожалению, имеющиеся публикации не позволяют получить достаточно полную картину развития для сходных комплексов, необходимую для полноценного научного анализа. В силу разных причин приходится, в той или иной мере, заниматься реконструкцией недостающих или недостаточно ясно сформулированных положений. Исключением, в некоторой мере, является коллекция местонахождения Миток-Валя Изворулуй, с которой я имел возможность ознакомиться (благодаря любезности Марии

Битири-Чэртеску) непосредственно в Бухаресте. В ней имелась выразительная серия характерных для Стинки 1 орудий клювовидных форм в сочетании с различными бифасами. Некоторые из них типичны для так называемого "микока" из слоев 4-5 стоянки Рипичени-Извор. Типичные для Стинки 1 клювовидные резак опубликованы в одной из статей М. Битири [Битири 1973: Pl.1-3; Pl.3-3]. Материалы данного местонахождения, на мой взгляд, хорошо дополняют материалы из стратифицированных слоев так называемого раннего "ориньяка" Рипичени-Извор. Листовидные острия бифасы, которые характерны для этих памятников, дают основания для включения их в группу "молдавского селета".

В общих чертах трансформацию стинковской индустрии можно представить сейчас в виде трех сменяющих друг друга разновременных группировок каменных индустрий.

Первая, наиболее ранняя группировка памятников, включая нижние слои гротов Старые Дуруиторы и Выхватинцы, коллекции местонахождений Мерсына, Бобулешты 5, Ярово, Осыпка и Шипот 2, предположительно относится к периоду от рисса до самого начала вюрма (не моложе амерсфорта). Она характеризуется архаичной (клектонской) системой первичного расщепления, где пластинчатость и элементы леваллуа находятся в зачаточном состоянии. Среди изделий с вторичной обработкой многочисленны кареноидные формы, которые типичны для раннего палеолита и тайякских памятников ранней поры среднего палеолита, включая чопперы, клювовидные орудия и высокие скребки, а также многочисленные выемчатые и зубчатые орудия, скребла и более редкие тайякские острия. Бифасы единичны, но встречены отдельные атипичные листовидные формы. Отчетливо выделяется выразительная серия "ориньякоидных" скребков, в том числе на ударных площадках массивных клектонских отщепов.

Вторая группа представляет собственно "стинковскую индустрию" и характеризуется коллекциями из нижнего слоя Стинки 1, грота Буздужаны 1, а также (за пределами региона) – Мамаи в Добрудже и Бетово в бассейне Десны. Время существования этих памятников соответствует ранневюрмскому времени – от брерупа (?) до начала среднего вюрма. Техника первичного расщепления, несмотря на некоторый прогресс, является по-прежнему среднепалеолитической. Стали заметными стандартные одноплощадочные ядрища. Среди "сколов-заготовок" существенно уменьшился процент массивных клектонских отщепов, но пластинчатость и элементы леваллуа увеличилась незначительно. Среди орудий, где наиболее многочисленными остаются разнообразные клювовидные, выемчатые и зубчатые орудия, а также скребла, заметную роль продолжают играть скребки высоких форм, появляются концевые скребки, но отступают на второй план скребки на площадках. Неожиданным нужно признать "внезапное" появление типичных листовидных острий-бифасов, сопровождаемых характерными для микока бифасиальными формами с естественными обушками (Keilmesser). В этой связи полезно отметить практическое отсутствие какого бы то ни было развития в рамках данного этапа. Примерами являются выразительные технико-типологические показате-

ли стратифицированных коллекций Мамаи из рисс-вюрмских и брерупских (по К.Валоху) отложений, а также коллекции из грота Буздужаны 1. В шести слоях последнего отмечается лишь незначительная лептолитизация сколов-"заготовок", чья массивность уменьшается по направлению к верхним слоям.

Третья, самая поздняя группа, хронологически соответствующая, как можно допустить, интерстадиалу хенгело, в настоящее время представлена, главным образом, коллекцией верхнего слоя Стинки 1. В технике первичного расщепления заметно существенное изменение: почти полностью исчезла радиальная система, но технология все же осталась преимущественно среднепалеолитической. Показатель пластин увеличился значительно, но не достиг даже 18%. Среди орудий наиболее существенные изменения отмечены среди орудий верхнепалеолитической группы, где появились единичные микропластинки дюфур, что вместе с ориньякоидными скребками и отдельными резцами каренэ значительно усилило ориньякский компонент. Однако листовидные бифасы, которые являются наиболее важным показателем именно селетоидного технокомплекса, не позволяют видеть здесь собственно ориньяк.

Во всех группах постоянно присутствуют ориньякоидные формы, которые на раннем этапе следует рассматривать, как пережиток раннего палеолита. Сходные массивные скребковидные формы, как известно, обычны в раннем палеолите. В частности они многочисленны, например, в ашельских слоях пещер Кударо 1, Азых, на местонахождении Яштух [Любин, Беляева, 2004].

Только в верхнем слое Стинки 1 можно говорить о подлинно верхнепалеолитической совокупности, где особое значение имеют единичные микропластинки типа дюфур. Наличие этих форм обычно увязывается с присутствием костяных острий-наконечников [Onorati, 2004: 241], что косвенно может указывать уже на вероятное присутствие этих орудий в коллекции верхнего слоя Стинки 1, где кость не сохранилась. Правда, если принять во внимание единичность в коллекции верхнего слоя микропластинок дюфур, то можно предположить, что изготовление данных костяных острий находилось еще в зачаточном состоянии. В этом случае имеются веские основания рассматривать данный комплекс в качестве уже древнего верхнепалеолитического, подтверждая тем самым ранее высказанную гипотезу И.А. Борзняка [1976 г.].

Что касается регионального верхнего палеолита с листовидными бифасами, выразительными ориньякоидными формами, скребками на площадках отщепов и многочисленными выемчатыми и зубчатыми орудиями, то он представлен рядом памятников, датировка которых требует ясности. Решающее значение в определении их относительно раннего возраста принадлежит каменному инвентарю архаичного облика, что отнюдь не бесспорно. На мой взгляд, подобный способ определения относительной хронологии комплексов реален в том случае, если технико-типологические показатели каменного инвентаря подобных стоянок привязаны к аналогичным показателям датированных памятников регионального палеолита. В этом отношении коллекции таких стоянок, как Климауцы 1 и Брынзены 1 имеют заметное сходство с каменной индуст-

рией Стинки 1, что позволяет предполагать их относительно ранний возраст. Правда, радиоуглеродные даты, полученные для слоя 3 грота Брынзены 1, весьма разнообразны, варьируя от 26.600 до 14.700 л.н. Из них только две древнее 26.000 л.н., соответствуя предполагаемому, хотя и, на мой взгляд, несколько омоложенному, возрасту памятника [Синицын и др., 1997: 60].

В этой связи я вспоминаю устное сообщение И.А. Борзияка о том, что при небольших раскопках в гроте Брынзены 1, которые он провел совместно с С.И. Коваленко в 1980-х гг., в слое 3 было выделено два горизонта. Каменный инвентарь нижнего горизонта имел более архаичный облик. В свое время, в 1965 г., я также пытался расчленить нижний слой на два горизонта, что мне удалось сделать лишь на одном участке, где нижний горизонт был связан с суглинком более темного цвета. На других квадратах слой оставался единым. И тем не менее, я все-таки допускаю, что слой 3 не един. В частности, по моим наблюдениям, фигурка-амулет, напоминающая рыбу (характерная скорее для второй половины верхнего палеолита), вырезанная из бивня мамонта и украшенная точечным углубленным орнаментом, была извлечена из верхней части суглинка, в котором залегал слой 3. Тем не менее, сегодня, когда большая часть памятника раскопана, нам ничего не остается, как рассматривать его в качестве единого комплекса, относящегося к ранней поре верхнего палеолита. Следует отметить, что аналогичное сочетание различных элементов в каменном инвентаре характерно также для индустрии "ориньякских" слоев 1a и 1b стоянки Рипичени-Извор, расположенной недалеко от грота Брынзены 1, на противоположном берегу реки Прут. Обилие выемчатых и зубчатых орудий характерно для всех верхнепалеолитических слоев этого памятника, включая "ориньяк" и даже ранний гравет [Paunescu, 1993: 131-158].

В конечном счете, удастся проследить определенную направленность процесса трансформации регионального среднего палеолита в верхний. Основу изменений составляет техника первичного расщепления камня. На смену плоскостной, радиальной системе, господствовавшей на раннем этапе и в нижнем слое Стинки 1, приходит плюсовая, которая первоначально также является плоскостной, но угол скалывания между ударными площадками и рабочими плоскостями ядрищ становится преимущественно прямым. Наблюдается постепенный переход к краевому скалыванию, что автоматически приводит к увеличению процента сколов с параллельными и субпараллельными снятиями, к уплощению отщепов и пластин, к уменьшению их общей массивности, к увеличению общего индекса пластин почти в три раза и к заметному уменьшению процента клетонских отщепов.

Если же принять во внимание коллекцию такого переходного памятника, как Бобулешты 6, то там еще более заметен переход к объемному расщеплению. Технический прогресс отчасти сказался и в наборе орудий, среди которых появились такие обычные для верхнего палеолита формы, как концевые скребки и типичные, хотя и малочисленные, резцы. Дополнительно отмечу, что довольно медленная трансформация индустрий продолжала быть заметной и в начале верхнего палеолита, где общий про-

цент пластин даже в нижнем слое 3 грота Брынзены 1 не достигал, по моим подсчетам части коллекции, 30%. Эта черта характерна, прежде всего, для индустрий селетоидного технокомплекса.

Любопытно, что каменные индустрии дуруиторо-стинковского единства развивались первоначально в направлении ориньякоидного пути развития, долго сохраняя тайякские элементы. С учетом имеющихся на сей день источников, можно предположить: изменения и переориентация на селетоидный путь развития, вероятно, происходит лишь на этапе нижнего слоя Стинки 1.

Интересные и важные открытия на Дону, сделанные А.Е. Матюхиным, позволяют несколько дополнить рассматриваемую картину. Открытый этим исследователем верхний палеолит, относящийся, судя по РУ датам, к ранней поре, также имеет весьма архаичную технику первичного расщепления, но совершенные по обработке треугольные наконечники (Матюхин, 1994; 2004б), позволяют рассматривать эти памятники в качестве варианта стрелецкой культуры. При этом обнаруженный в нижних слоях выразительный мустьерский комплекс с пластинчатой индустрией, скорее всего, не может быть бесспорно связан с вышележащим верхним палеолитом, и вопрос происхождения остается открытым. Во всяком случае, приведенные исследователем доказательства связи регионального мустье и архаичного верхнего палеолита на сегодняшний день пока явно недостаточны (Матюхин, 2002).

Дополнительную и интересную информацию о возможной эволюции микока и формировании на его основе селета дают материалы из верхних слоев пещеры Кульна в Моравии [Валох, 1977]. Речь идет о двух самых верхних слоях (6а и 7а), связанных с отложениями среднего вюрма. По первоначальным данным К. Валоха, эти слои подстилались отложениями средневюрмского интерстадиала моерсхофд [Valoch, 1988: 164]. В это время, то есть в середине и во второй половине среднего вюрма в Европе уже встречаются первые ранние верхнепалеолитические индустрии. Поэтому нельзя исключать того, что самый верхний слой 6а, как минимум, может быть одновременным древнему верхнему палеолиту Костенок или Балканского полуострова. В этой связи нужно напомнить о том, что именно из слоя 7а происходят антропологические находки, связанные с типичным неандертальцем. Для него имеется только одна радиоуглеродная дата, которая соответствует 45.660 ± 2850/-2200 л.н. (GrN № 6060). В свете новых исследований Кульны, слой 7а сейчас относится к интерстадиалу моерсхофд [Valoch, 2002: 18], а лежащий выше слой 6а соответствует стадиалу, предшествующему непосредственно межстадиалу хенгело.

Анализ каменной индустрии из слоев 6а и 7а Кульны, которые определены как микоцкие, указывает на то, что речь идет о среднем палеолите с низкими индексами пластин (до 10%), фасетирования и леваллуа. Среди орудий преобладает группа мустье, составляя для слоя 6а - 44,6% и для слоя 7а - до 38%. Группа верхнего палеолита равна 13,1 % для слоя 6а и 12% - для слоя 7а. Зубчатых орудий (№ 43 по Ф. Борду, т.е. группа IV) в слое 6а выделено 11,1%, а в слое 7а - 8,9%. Орудий с двусторонней ретушью

сравнительно много: в слое ба их более 6%, а в слое 7а - около 8%. Преобладают характерные для микока формы, включая обычные Keilmesser, но только в слое 7а отмечены выразительные листовидные острия (Blattspizen), которых выделено 6. В этом плане, если анализировать индустрии слоев ба и 7а как единый комплекс, то возможно установить, что он входит в круг (как и Стинка 1) селетоидного технокомплекса, но в его архаичной разновидности, где сочетаются воедино среднепалеолитическая техника первичного расщепления, преимущественно мустьерский набор каменных орудий, но при заметном удельном весе верхнепалеолитических форм, включая прежде всего скребки. Показательно наличие специфических бифасиальных орудий, включая немногочисленные листовидные острия.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее значительное количество скребков и резцов отмечено в слое ба. Здесь среди скребков имеются очень выразительные, типичные формы. Исследователь стоянки указал на отсутствие существенных различий в микокских комплексах всех слоев Кульны [Valoch, 1988: 57]. Правда, на мой взгляд, каменный инвентарь самого верхнего слоя ба имеет более развитый характер (Рис. 50). Здесь необходимо указать на присутствие в слое ба такой яркой верхнепалеолитической формы, как торцовый, напоминающий гигантолит, пренуклеус с негативами пластинчатого скалывания (Рис. 50А), см. также: [Valoch, 1988: Abb. 25 - 3]. Выразительные образцы подобных ядрищ характерны не только для развитого верхнего палеолита (например, верхнего слоя стоянки Костенки 1), но и для неолита [Гиря, 1997]. К сожалению, в публикации Кульны описанию немногочисленных ядрищ уделено слишком мало места.

В совокупности все это позволяет видеть в коллекции слоя ба уже не чистый средний палеолит, а индустрию, переходную от мустье к верхнему палеолиту. К тому же этот слой датируется весьма поздним временем, предшествуя средневюрмскому интерстадиалу хенгело. В этот период не только происходил процесс интенсивного перехода от среднего палеолита к верхнему, но уже существовали комплексы, типичные для верхнего палеолита. Специально следует подчеркнуть, что в коллекциях микокских слоев грота Кульна ориньякоидных скребков, характерных для типичного селета, немного. В этом состоит отличие данного комплекса от стинковского преселета и, вероятно, молдавского селета, где указанные формы многочисленны.

Если же сопоставить микокские индустрии из слоев ба и 7а с ранним селетом, то различия не будут контрастными. В качестве примера использую два селетских комплекса Езержаны 1 и Езержаны 2 [Oliva, 1979], где мало пластин (Plat - 8,35 и 10,3%), но представлены дисковидные ядрища (24,3% и 21,3%), которых даже больше, чем призматических. Последние составляют в коллекции Езержаны 1 - 21,2%, а в коллекции Езержаны 2 - 20,3%. Столь же показательны соотношения между формами орудий среднего и верхнего палеолита. Первых выделено 73,4% и 64,2%, а вторых - 16,3% и 23,8% (Op. cit: 57-59). Все это указывает, как считает Мартин Олива (Oliva, 1979: 54),

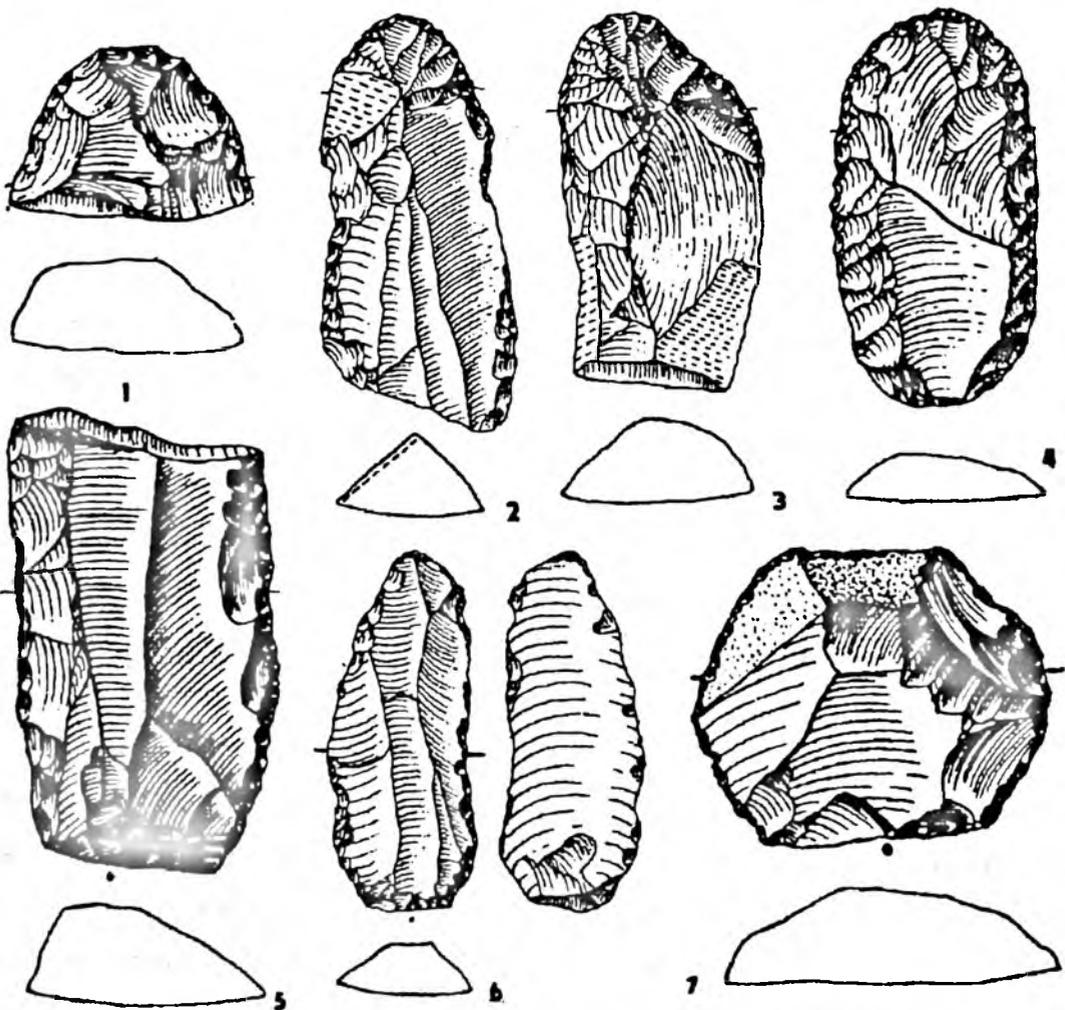
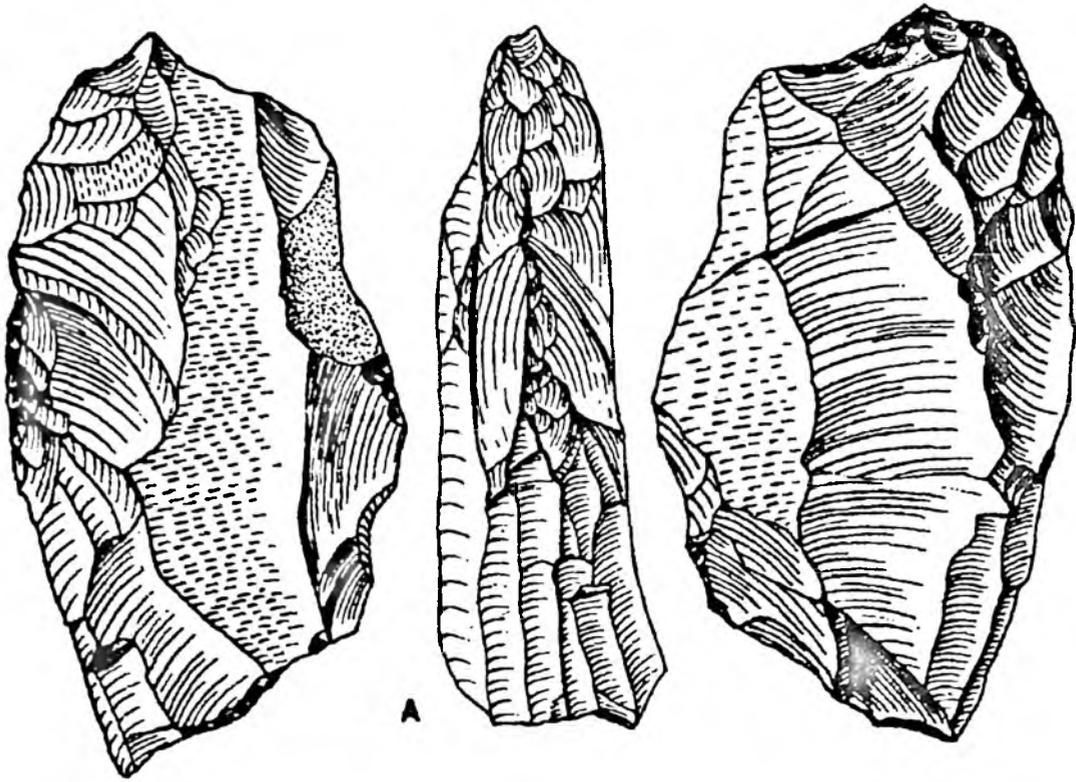

Рис. 50. Каменные орудия слоя ба стоянки Кульна. А-нуклеус. 1,2,3,4-скребки; 5-двойное скребло; 6-пластина с ретушью, 7-скребло. По К. Валоху.

на контакты финального микока, которым, по моему мнению, являются индустрия культурных слоев 7а и возможно 6а Кульны, с ранним ориньяком. Так ли это? На данный вопрос, если иметь в виду обсуждаемую ситуацию, очень сложно дать однозначный ответ.

На основе этого примера можно увидеть сходство трансформации среднего палеолита в верхний, как в типичном селете, так и в стинковской индустрии. Как в одном случае, так и в другом заметно медленное увеличение пластинчатости и орудий на пластинах, при сохранении значительной доли мустьероидных форм. Эта закономерность отчетливо подтверждает правомерность включения стинковской стратиграфической последовательности и молдавского селета, наряду с иными локальными подразделениями, в единый селетоидный ТК Центральной и Восточной Европы.

Почти все исследователи палеолита, специально занимавшиеся проблемой происхождения верхнего палеолита на территории Центральной и Восточной Европы, указывали на большую роль ориньяка в формировании индустрий селета, ссылаясь, прежде всего, на типичные ориньякоидные формы скребков и, в меньшей мере, характерных резцов.

На примере стинковской индустрии можно констатировать автохтонное развитие, но осложненное неожиданным "вторжением" микокских элементов. Сложнее выявить и показать несомненное ориньякское влияние и в классическом селете. В этом плане хороший материал для размышления дает позднейший микок Кульны, где, к примеру, в слое 7а ориньякоидные формы единичны, но выразительны и относительно многочисленны в вышележащем слое 6а (Рис. 50). Если же, в качестве дополнительного примера, мы обратимся к такой селетоидной индустрии, как богунисьен, то увидим, что эта индустрия включает три очевидных элемента: листовидные острия с бифасиальной обработкой, леваллуазскую технологию, направленную на получение качественных пластинчатых заготовок и соответствующих мустьерских орудий, а также верхнепалеолитические формы орудий. Листовидные бифасы весьма стандартны и аналогичны частично остриям ежмановицкого типа, на что обращали внимание чешские исследователи [Svoboda, 1990: 202]. Эти относительно немногочисленные листовидные бифасы, которые, по мнению некоторых исследователей, имеют сходство с аналогичными орудиями из пещеры Мауэрн [Хмелевский, 1965: 22], рассматриваются, как явный микокский элемент. Леваллуазская техника первичного расщепления камня, соответствующие леваллуазские сколы-заготовки и мустьерские формы орудий указывают на связь с леваллуазской фацией типичного мустье. Наиболее же выразительными орудиями являются верхнепалеолитические формы, многие из которых изготовлены на пластинах. Среди них наиболее интересными и показательными являются ориньякоидные скребки (ладьевидные, "с носиком", рабо), представленные выразительной серией. Таким образом, подчеркну еще раз, в индустрии богунисьена отчетливо переплелись элементы микока, леваллуа-мустье и верхнего палеолита с выраженными ориньякоидными формами. Некоторые исследователи [Valoch, 1982: 45] связывали наличие леваллуазского компо-

нента богунисьена с молодовским леваллуа-мустье (слои 1-5 Молодова 1 и слои 11-12 Молодова 5), которое в Среднем Приднестровье, как теперь выясняется, существовало в неизменном виде в течение только среднего вюрма, до интерстадиала хенгело. Таким образом, "предки" и "потомки" жили в одно и то же время. Этот факт противоречит не только молодовской аналогии, но и опровергает гипотезу в целом.

Если же дополнительно взять за основу для рассмотрения богатую коллекцию стоянки Подоли (Podoli) с индустрией типичного богунисьена [Oliva, 1981], то очевидно господство среди мустьерских орудий таких форм, которые не характерны именно для молодовского леваллуа-мустье. Это лимасы, остроконечники и скребла с распространенной ретушью, а также ладьевидные скребки и многофасеточные резцы, которых нет в типичном мустье Приднестровья [Анисюткин, [2004]: 339]. И если наличие верхнепалеолитических форм можно объяснить (хотя бы теоретически) эволюцией, то обилие нехарактерных для молодовского мустье среднепалеолитических форм указывает на явное различие.

Наиболее надежные аналогии "предковой форме" леваллуазской фации типичного мустье можно найти либо в Подолии [Ситник, 2000], либо южнее - на территории Румынии или северной части Болгарии. В данном случае речь идет о таких памятниках, как нижние слои Рипичени-Извор и Самуилица 2, где орудия с распространенной ("избыточной") ретушью обычны. Однако эта сложная проблема возможного происхождения богунисьена может быть реализована лишь в результате дальнейших исследований, связанных с появлением новых материалов.

Пример структуры индустрии богунисьена указывает на то, что эта индустрия развивалась под воздействием разных факторов. Это же можно сказать и по поводу структуры румынского раннего "ориньяка" (а на самом деле - "молдавского селета"), выявленного в слоях 1a и 1b стоянки Рипичени-Извор, где соединены элементы верхнего палеолита, мустье типа нижних слоев Рипичени-Извор, микока и стинковского преселета [Paunescu, 1988; Анисюткин, 2001]. Под бесспорным микокским влиянием, подчеркну еще раз, формировался и стинковский преселет, который стал основой для индустрии молдавского селета.

Известный в настоящее время подлинный региональный верхний палеолит имеет относительно поздний возраст. До сих пор ни в румынской Молдове, ни на Юго-Западе Русской равнины не обнаружено очень ранних памятников верхнего палеолита. Дата Миток Малу Галбен - наиболее древнего памятника верхнего палеолита румынской Молдовы - 31.850 ± 800 л.н. (GrN-12637) все же моложе 35.000 л.н. [Paunescu, 1988: 140]. По-видимому, это характерно для всей Румынии, учитывая замечание известного румынского палеогеографа Мариана Кырчемару о том, что в начале верхнего плейстоцена, "от рисс-вюрма и до интерстадиала Арси (паудорфа), на этой территории Румынии существовала лишь одна культура: мустьерская культура" [Carciumaru, 1985: 33].

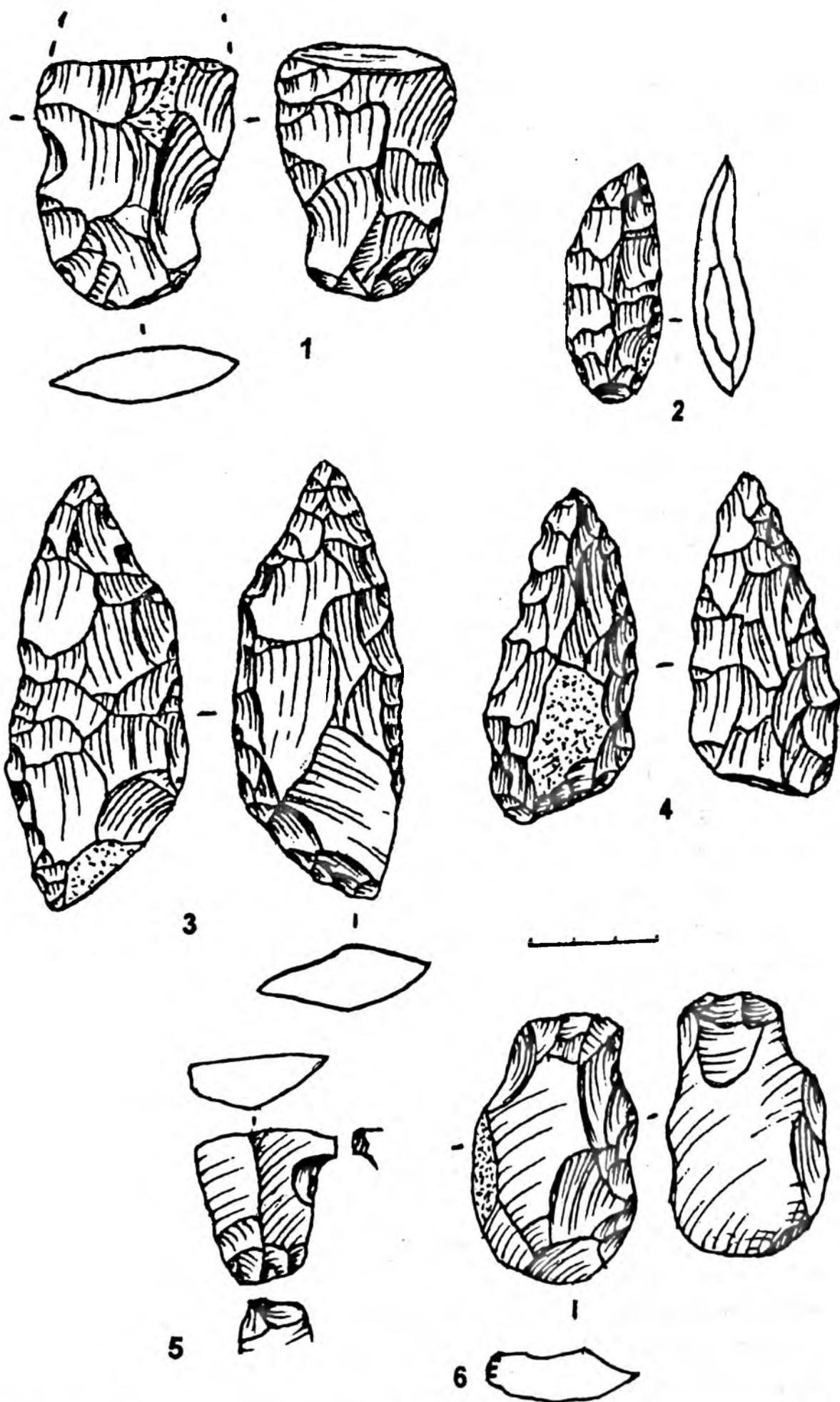

Рис. 51. Кремневые изделия из грота Буздужаны I (1,3) и местонахождения Мамая (2,4,5,6). 1,2,3,4-листовидные остря-бифасы, 5-клювовидный резак, 6-долотовидное орудие, изготовленное в манере клювовидных форм.

В этом плане, если принять во внимание микокскую индустрию слоя 5 Рипичени-Извор, а также среднепалеолитический облик каменной индустрии верхнего слоя Стинки 1, вероятный возраст которых соответствует интерстадиалу хенгело, имеются все основания для предположения об относительно позднем времени появления в регионе подлинного верхнего палеолита. Тем не менее, так называемый "молдавский селет", как и селет Центральной Европы, бесспорно трансформируется в региональный верхний палеолит.

***Время и место появления начального верхнего палеолита в Европе
(предпосылки аккультурации).***

В этом разделе необходимо рассмотреть очень интересный и важный вопрос, связанный с некоторыми наблюдениями, касающимися неожиданного появления в различных регионах Европы так называемых переходных индустрий - как мустьероидных (архаичных), так и ориньякоидных, сосуществовавших здесь с бесспорным средним палеолитом во время среднего вюрма.

Все современные данные указывают на то, что наиболее древний верхний палеолит селетоидного и даже ориньякоидного облика обнаружен в среднем вюрме (интерпленигляциале европейских исследователей), прежде всего, в Восточной и Центральной Европе [Kozłowski, 2003].

В данной связи можно поставить вопрос о причине появления переходных и ориньякоидных индустрий именно в среднем вюрме (т.е. во время OIS 3). Любопытно, что наиболее древние из них обнаружены на Балканах, в центральных районах Восточной и отчасти Центральной Европы, а также на северо-западном и западном побережье Средиземного моря (Каталония, Лигурия, Прованс). Здесь выявлена очень ранняя верхнепалеолитическая индустрия, которая описана как своеобразный *Vachokirian* Я. Козловского и прото-ориньяк или ориньяк "0" западноевропейских исследователей [Djindjian, Kozłowski, Bazile, 2004; Onoratini, 2004].

Индустрия *Vachokirian*, обнаруженная в пещере Бачо Киро (Болгария), имеет очень ранние даты. Наиболее древняя из них превышает 43.000 л.н. [Kozłowski, 1982: 168], поздняя - 38.500 ± 1750 л.н. (OxA-3213) и 37.650 ± 1450 л.н. (OxA-3183) [Kozłowski, 2003: 200-201]. Они указывают на очень раннее появление здесь подлинного верхнего палеолита. Если опираться на абсолютные радиоуглеродные даты, то это произошло в период средневюрмского интерстадиала хенгело. Столь же ранней является каменная индустрия из болгарской пещеры Темната. Указанные данные согласуются с теми, что были получены для костенковских материалов. Не исключено, что наиболее ранние индустрии древнего верхнего палеолита из Костенок 12 и, возможно, Костенок 14 имеют возраст более 40.000 л.н. Как отметил М.В. Аникович, "нижняя хронологическая граница раннего верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района определяется началом Среднего Валдая; в "абсолютном" исчислении (по ISRL датам) - 45

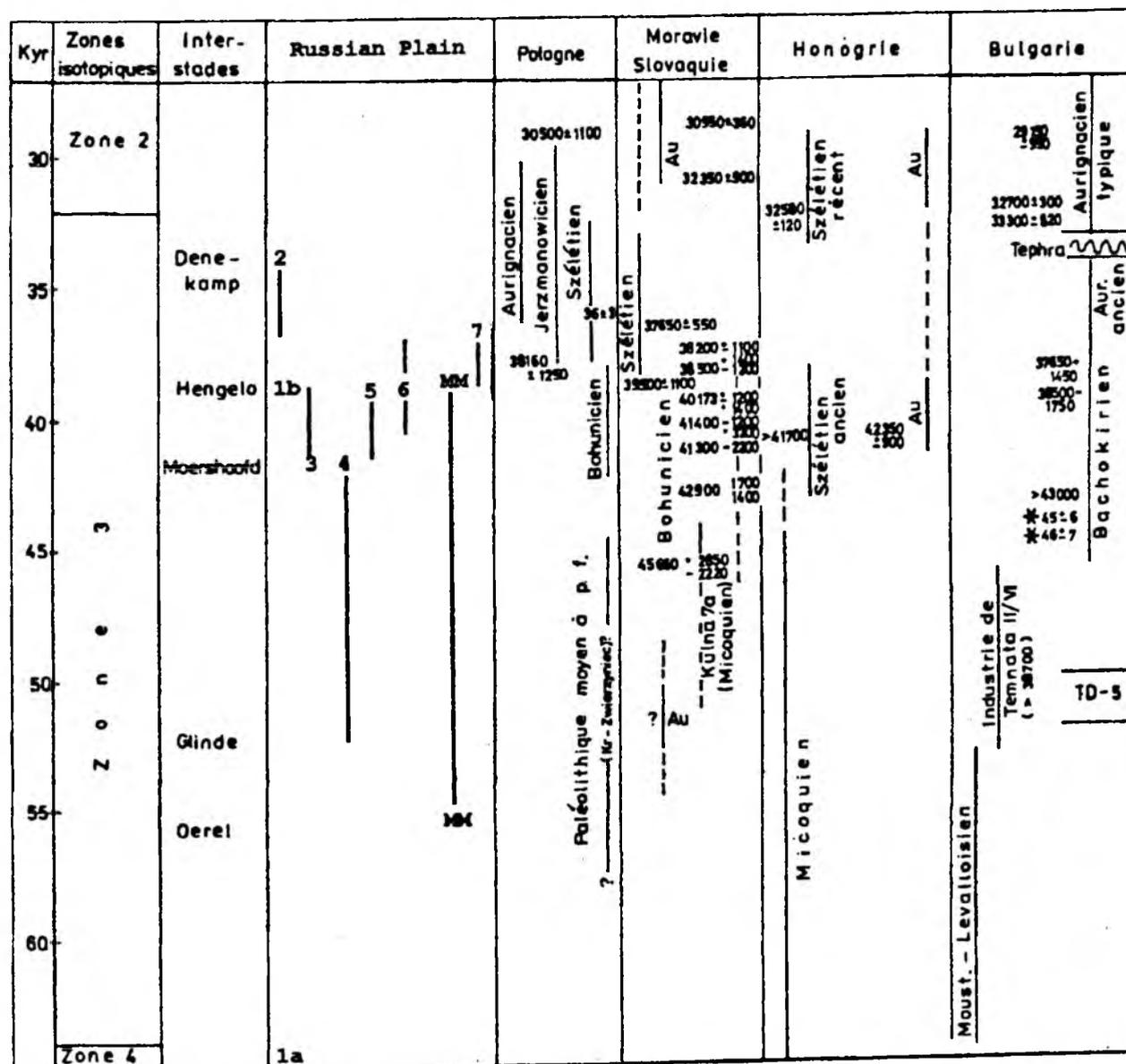

Рис. 52. Корреляция данных палеоклимата и палеолитических культурных образований в интерпленигляциале (средневалдайском мегаинтерстадиале) Центральной и Восточной Европы, организованных на основе абсолютных TL и РУ дат (по Козловскому, 2003). Условные обозначения: 1a-нижний слой Стинки 1, 1b-верхний слой Стинки 1, 2-нижний слой грота Брынзе-ны 1, 3-Шипот 1, 4-Шипот 3; 5-Костенки 1 (нижний слой), Костенки 12 (слои 3-4); 6-Бобулешты 6, 7-Бирючья балка; MM-молодовское типичное мустье.

т.л.н." [Аникович, 2004: 89]. Следовательно, если использовать изотопно-кислородную хронологическую шкалу, согласно которой средний вюрм (валдай) или OIS 3 начинается где-то около 65.000 л.н. [Hoffecker, 2002: 31], то самые ранние памятники верхнего палеолита могут быть связаны с серединой этого времени, то есть еще с интерстадиалом моерсхофд [Kozlowski, 2003: 198]. В это время на территории практически всей Европы все еще продолжали существовать разнообразные мустьерские варианты.

Почему же так называемый "переходный" процесс совпал с этим временем, достигнув апогея где-то 40.000-38.000 л.н., то есть в период относительно теплого интерстадиала хенгело? - На этот вопрос пока нет убедительного ответа. Можно предложить

лишь следующую, пока слабо обоснованную, гипотезу, если принять широко распространенное ныне положение, согласно которому верхний палеолит в чистом виде, представленный ориньякским технокомплексом, проник в Европу из неизвестных пока областей Среднего Востока [Djindjian, Kozłowski, Bazile, 2004], где предполагается формирование очень древнего преориньяка.

Наиболее благоприятные условия для подобного продвижения сложились еще (или уже!) во время OIS 4 (то есть в западноевропейском вюрме 2 или в раннем плейстоцене), когда в результате значительного похолодания уровень Мирового океана резко понизился. Причем, если говорить о позднем плейстоцене, то наиболее масштабная регрессия соответствовала именно этому времени [Веклич, 1989: 116; Aufertmann, Obschiedt, 2002]. В тот период Черное море стало закрытым водоемом. По образовавшемуся перешейку между Малой Азией и Балканами сапиентные формы людей - предполагаемые носители ориньякоидного технокомплекса - могли свободно проникать через Балканы на территорию Европейского континента. Другой "перешеек" вероятно представлял собой остров Сицилию.

В это время, как можно предположить, начались разнообразные контакты с жившими здесь неандертальцами, что привело через некоторое время к появлению архаичных селетоидных индустрий. Последние, как справедливо отметил М.В. Аникович, несмотря на наблюдаемую культурную специфику, проявлявшуюся в разных регионах Европы, представляли своеобразное "европейское единство", исторический смысл которого состоял в аккультурации и ассимиляции местных мустьерцев пришлым населением, принесшим сложившиеся традиции верхнего палеолита [Аникович, 2004: 90]. В свою очередь, предполагаемые стинковские "пресапиенсы" и возможные "неандертальцы" Рипичени-Извор "получили" бифасиальные формы от соседей - носителей традиций восточного микока, воочию продемонстрировав несколько иной, более сложный сценарий развития. Однако начать интенсивное освоение этой территории стало возможно лишь значительно позднее, в условиях более благоприятного климата средне-вюрмских межстадиалов, ибо в предшествующем стадиале (OIS 4) природные условия были очень суровыми. Некоторыми российскими геологами они характеризуются как близкие настоящей природной катастрофе [Лаврушин и др. 2002: 145]. В интерстадиале хенгело, напротив, условия для жизни людей становятся более благоприятными, что связано с распространением теплолюбивых форм растений, включая дуб, граб и орешник [Болиховская, Пашкевич, 1982], увеличивших возможности собирательства (Рис.54) – дополнительного источника пищи.

Нельзя, однако, исключать и того факта, что пресапиенсы проникли в Европу по этому "мосту" еще раньше, в риссе (около 200.000 л.н.), во время еще более масштабной морской регрессии. Возможно именно это явление фиксируется тайякоидной индустрией типа Дуруиторы, для которой характерно сочетание архаичной техники первичного расщепления камня и относительно многочисленных кареноидных форм орудий, включая ориньякоидные скребки. На этой основе, как можно допустить, сформировал-

ся стинковский преселет. Индустрия последнего, как уже отмечалось выше, стала основой этого своеобразного варианта регионального верхнего палеолита, для которого характерно сочетание форм ориньяка (скребки высокой формы), селета (листовидные острия-бифасы) и долго сохраняющихся архаичных пережитков технологии среднего палеолита.

Глава 9

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ СТИНКА 1

Стоянка Стинка 1, представленная двумя разновозрастными культурными слоями, дала очень специфическую среднепалеолитическую каменную индустрию, которая контрастно отличается от "чистых" мустьерских индустрий. Эта индустрия, если иметь в виду, прежде всего, нижний культурный слой, имеет много общего с соответствующими индустриями Центральной и Восточной Европы. Общими чертами являются листовидные острия-бифасы, архаичная техника первичного расщепления и (часто) ориньякоидные скребки. На основе среднепалеолитических индустрий с бифасами (прежде всего, микока), как известно, появляется селет, который представляет собой архаичный вариант верхнего палеолита.

Стинковский вариант преселета из нижнего слоя Стинки 1 (и молдавского селета) сформировался на ином фундаменте, на основе своеобразного тайяка, где бифасиальные формы были редки и атипичны. В этом одна из специфических сторон данного варианта. Здесь необходимо специально обратить внимание на то, что эквивалентный понятию тайяк термин "таубахиен", введенный в свое время К. Валохом (1984) и широко применяемый исследователями палеолита Центральной Европы, имеет ряд существенных недостатков по причине чрезвычайной расплывчатости, а поэтому не используется здесь для определения тайякоидной дуруиторской индустрии. Достаточно указать в этой связи на то, что в "таубахиен" включены памятники, как миндельского (Изерни) и миндель-рисского (Бильцингслебен) возраста, так и ранневюрмские (Тата). Основанием для этого служат весьма общие признаки, включая, в первую очередь, мелкие размеры изделий [Valoch, 1984].

В какой-то мере сходной со стинковской являлась, как можно предположить, модель развития мустьерской индустрии стоянки Рипичени-Извор, которая преобразовалась из типичного мустье с редкими бифасами нижних слоев в "микок" верхних слоев 4-5. Здесь, как и в стинковской индустрии, изменилось только количество и качество бифасиальных форм, но не общая структура набора каменных орудий и приемов вторичной обработки, которые остались неизменными. В этом плане достойно внимания то, что как в одном случае, так и в другом "источником влияния" был мустьероидный микок. Этот факт дает интересный материал к размышлению, если считать данный процесс аккультурацией. Только ли ориньяк играл при процессе аккультурации веду

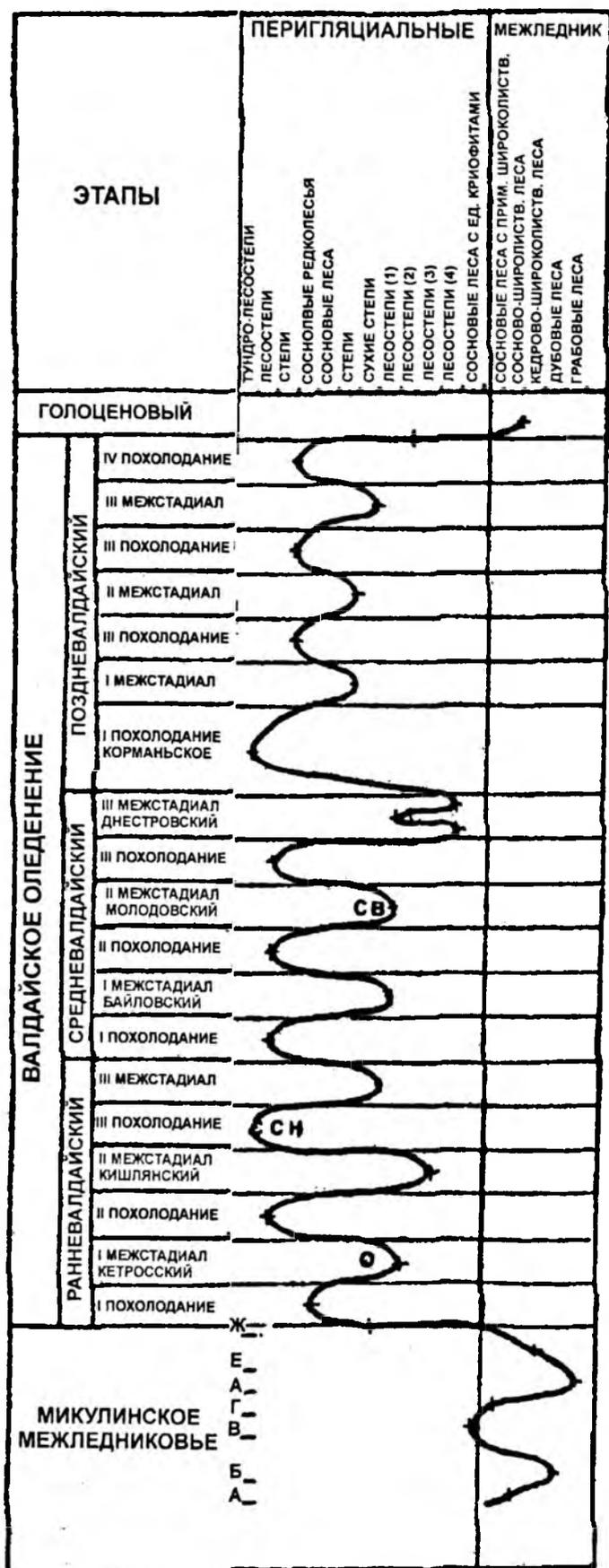

Рис. 53. Корреляция палеоклиматических и палинологических данных позднего плейстоцена на территории юго-западной части Русской равнины (по Болиховской Н.С.) и расположение на этой временной шкале среднепалеолитических памятников стинковского типа (по Н.К. Анисюткину). Условные обозначения: О - Осыпка, Шипот 2, Кетросы (микокский комплекс из пойменных отложений); СН - нижний культурный слой стоянки Стинки 1; СВ - верхний слой стоянки Стинки 1.

щую роль? Этот вопрос останется актуальным для тех исследователей, которые будут работать над этой проблемой в дальнейшем.

Второй неожиданный вопрос, который ставит материал стоянки Стинка 1, связан с наличием в коллекциях стинковских памятников постоянно высокого процента орудий верхнепалеолитического облика, включая такие, как скребки на ударных площадках отщепов и ориньякоидных форм. Последние отличаются часто очень высоким качеством и почти всегда многочисленны во всех коллекциях. Постоянно, независимо от условий залегания и времени (даже в региональном верхнем палеолите) много выразительных выемчатых и зубчатых орудий. Одновременно отмечается архаика в технике первичного расщепления, которая проявляется обилием массивных клетонских отщепов при малочисленности пластин. Процент последних даже в индустрии верхнего слоя Стинки 1 не выше 18%. Подобное явление характерно и для самого верхнего слоя 2 грота Буздужаны 1, где показатель пластин составляет всего 12,4%. Относительная архаика техники расщепления сохраняется и в соседнем селете.

Здесь следует предложить несколько объяснений. Одно из них может быть связано с тем, что варианты среднепалеолитических индустрий, представляющих стинковского-дуруиторское единство, созданы сапиентными людьми, которые проникли в Европу еще в рисское время (индустрия типа Старые Дуруиторы-Мерсына-Ярово) и которые развивались обособленно до раннего плениглияциала, где преориньякоидная линия развития неожиданно (под влиянием?) трансформировалась в преселет. В определенной мере сходное явление было отмечено в свое время К. Валохом в Моравии, где специфическая "преориньякская" индустрия Krumlowien, на основе которой сформировался региональный ориньяк, возможно, уходила корнями, по предположению исследователя, в тайяк типа Фонтешвад [Valoch, 1976]. Как известно, в гроте Фонтешвад вместе с тайякскими каменными изделиями найдены черепа палеоантропов (пресапиепсов) с выраженными сапиентными признаками. Однако эта весьма продуктивная, но достаточно смелая, на мой взгляд, гипотеза требует сегодня дополнительных подтверждений. В этом плане стинковские материалы хорошо согласуются с давно изложенной идеей К. Валоха, подкрепляя ее новыми данными.

Установлено, что индустрии селетоидного технокомплекса сосуществовали в среднем вюрме, как это теперь известно на материалах Костенок 12 и 14, с подлинным ориньякоидным верхним палеолитом.

Выразительные ориньякоидные формы, прежде всего скребки, типичны для селета Словакии, на что в свое время обращал особое внимание такой талантливый чешский исследователь палеолита, как Ф. Прошек [Prosek, 1953; Prosek, Lozek, 1954: 50]. Найдены они и в прочих индустриях селетоидного пути развития, включая богунисьен, стрелецкую культуру и молдавский селет, но не обнаружены в альтмюльской группе, расположенной на западе ареала, в Германии. Здесь, если говорить о пещере Мауэрн (Weinberghohle) - самом выразительном памятнике с подобной индустрией, верхнепалеолитические элементы вообще не отмечены [Bohmers, 1951: 69], но обнаружены ве-

ликолепные, стандартные листовидные остря. Скребоквидные формы найдены только в залегающем ниже (микокском) слое, где листовидные остря отсутствуют [Bohmers, 1951: 75]. Правда, на некоторых других стоянках этой группы резцы и скребки встречаются сравнительно часто [Бозинский, 2002: 9].

Последний пример в очередной раз указывает на наличие определенного своеобразия в пределах рассматриваемого массива памятников, образующих селетоидный технокомплекс. Почти внезапное появление бифасиальных форм в ряде среднепалеолитических индустрий может указывать на то, что процесс аккультурации, в понимании которого я ориентируюсь на работы М.В. Аниковича (1997) и антрополога А.Г. Козинцева (2003, 2004), не был простым и односторонним. Известно, что творцами микокской индустрии, на базе которой сформировался селет, могли быть неандертальцы. Кости последнего, напомню еще раз, найдены в микокском слое 7а грота Кульна в Моравии [Valoch, 1988: 261]. Закономерен вопрос о возможности непосредственного участия неандертальцев в формировании мустьероидных культур начальной поры верхнего палеолита в Центральной и Восточной Европе, включая, прежде всего, селет. Здесь это предположение можно считать вполне допустимым, особенно, если учесть относительно поздний возраст слоя 7а из пещеры Кульна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Материалы стоянки Стинка 1 и ряда памятников с индустрией стинковского типа позволяют дополнительно поставить ряд важных и актуальных вопросов в изучении не только регионального палеолита, но и палеолита Европы. Удалось, прежде всего на материалах Стинки 1, обнаружить и описать специфическую среднепалеолитическую и переходную каменную индустрию, проливающую свет на некоторые особенности происхождения регионального верхнего палеолита и, в первую очередь, его архаичного варианта, который должен рассматриваться, как одно из проявлений единого селетоидного технокомплекса. В целом, стинковская индустрия характеризуется обилием выемчатых и зубчатых орудий, наличием листовидных острий-бифасов, скребков на ударных площадках отщепов и выразительных ориньякоидных форм, включая, прежде всего, кареноидные скребки. Все эти элементы хорошо представлены и в ряде памятников регионального верхнего палеолита, представляющих собой так называемую "ориньякоидную" группу или "молдавский селет" Я. Козловского. Нельзя исключать и того, что отмечаемый в восточной части Румынии "ориньяк" (Миток Малу Галбен), на деле является той же селетоидной индустрией, но без листовидных бифасов, которые, вероятно, были заменены характерными для центральноевропейского ориньяка костяными острями.

Интересно, что стинковский преселет демонстрирует нам возможность определенной "переориентации" с одного пути развития (ориньякоидного) на иной (селетоидный). В данном случае на раннем этапе в индустрии наиболее заметны ориньякоидные

элементы (скребки каренэ и с носиком), а в дальнейшем - селетоидные, связанные с появлением выразительных бифасиальных форм, включая листовидные острия, при сохранении прежних элементов, образующих характерные сопряженные группы. Как уже было отмечено выше, этот "перелом" наметился еще в раннем пленигляциале, по видимому, в период существования индустрии нижнего слоя стоянки Стинка 1. Однако реальностью он стал позднее, уже в средневюрмское время.

Общий характер обработки листовидных острий-бифасов, имеющих сравнительно массивные поперечные сечения, как в коллекции нижнего слоя, так и верхнего, позволяет предположить, что развитие стинковской индустрии проходило по центрально-европейскому (селетскому) сценарию. Специфика заключается в постоянном относительном обилии ориньякоидных форм скребков, а также выемчатых и зубчатых орудий, как на среднепалеолитическом этапе, так и позднее.

Хронология каменной индустрии нижнего культурного слоя Стинки 1 базируется на литолого-стратиграфической основе и совокупности палинологических данных, позволяя отнести комплекс к очень холодному и ариднему стадиалу раннего пленигляциала (OIS 4). Однако здесь нельзя исключать и более поздней датировки, согласно которой эта индустрия соответствует раннему стадиалу среднего вюрма (OIS 3). С отложениями последнего связаны основные слои молодовского леваллуа-мустье (Молодова 1/4 и Молодова 5/11). В этих слоях выявлена пыльца холодолюбивых растений, обнаружены обломки костей северного оленя и сугубо арктических форм - копытных леммингов.

В случае принятия «короткой хронологии» (OIS 3) имеются веские основания говорить о «взрывном» характере заметной трансформации индустрии нижнего слоя в индустрию верхнего: за десяток тысяч лет произошли очень существенные изменения. В этой связи необходимо напомнить о примерах практического отсутствия всякого развития, которые предоставляют стратиграфические колонки Мамаи и грота Буздужаны, указывая, при наличии на Стинке 1 отчетливого хиатуса между четвертичными отложениями и их заметное различие, на вероятность более ранней датировки.

Спорным является предположение о том, что типичные листовидные бифасы стали обычными только на этапе формирования отложений нижнего слоя Стинки 1, а именно во время OIS 4. Этому противоречат материалы стоянки Мамаи. Они указывают на более раннее появление типичных листовидных острий-бифасов, обнаруженных в отложениях начала позднего плейстоцена (OIS 5). В этом плане правомерна альтернативная точка зрения, согласно которой аналогичные бифасы являются результатом автотонного развития. Сходные по форме, хотя единичные и более примитивные по обработке, бифасы найдены в Молдавии, в слое 3 грота Старые Дуруиторы, а также в коллекции местонахождения Бобулешты 5. Но, с другой стороны, вполне допустимо, что типичные листовидные бифасы были принесены на территорию Добруджи несколько раньше, чем в Приднестровье.

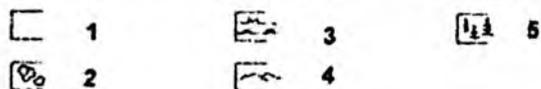

Рис. 54. Природно-ландшафтные зоны в позднем плейстоцене на территории Европы (по Aufermann, Orschiedt, 2002).

Верхняя часть. Типы растительности на территории Европы во время OIS 4 (около 65 т.л.н.). Условные обозначения: 1-хвойные леса, 2-лиственные леса, 3-вечнозеленые леса средиземноморского типа, 4-тундры и холодные степи, 5-аридные холодные степи, 6-полупустыни, 7-участки освободившейся (в результате морской регрессии) от воды суши, 8-граница ледникового покрова; пп-полярная пустыня.

Нижняя часть. Типы растительности на территории Европы во время среднеюрмского интерстадиала хенгело (39-36 т.л.н.). Условные обозначения: 1-границы ледника, 2-лиственные леса, 3-лесотундра, 4-полупустыни, 5-хвойные леса; пп-полярная пустыня.

Здесь важный материал для размышлений мы получаем из стратиграфической последовательности стоянки Рипичени-Извор, где многочисленные и разнообразные бифасы появляются как бы внезапно в отложениях именно среднего вюрма [Раунеску, 1993].

В свете новых данных, на Балканах, в Центральной и Восточной Европе установлены две группы древнейшего верхнего палеолита, которые можно отнести к ориньякоидному и селетоидному технокомплексам. Первая из них является "чистым" верхним палеолитом, вторая отличается отчетливо выраженными архаичными мустьероидными чертами. К этой последней относится и индустрия верхнего слоя Стинки 1. Оба ТК продолжают свое развитие в верхнем палеолите.

Здесь можно увидеть абсолютно иную, не свойственную среднему палеолиту модель развития, которая отличается от выявленной Ф. Бордом для мустье модели "кустящихся индустрий" [Bordes, 1950]. На смену мустьерскому разнообразию приходит верхнепалеолитическое относительное однообразие. Некоторое разнообразие сохраняется только в пределах большого селетоидного ТК, представляющего ранние верхнепалеолитические индустрии архаичного типа.

Позднее культурный мир верхнего палеолита вновь станет разнообразным, но уже на иной технологической основе. На первоначальном же этапе развития мы видим отчетливо выраженную тенденцию к консолидации, что, возможно, в очередной раз косвенно подтверждает аккультурационную модель формирования и развития культур архаичного верхнего палеолита.

ЛИТЕРАТУРА.

- Абрамова З.А.** Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. - Палеолит Мира. Исследования по археологии древнего каменного века. – СПб: Наука, 1994. – С. 63-135.
- Алексеев В.П.** Человек: эволюция и таксономия (некоторые теоретические вопросы). – М.: Наука, 1985. С. 287.
- Алекшин В.А.** Новые данные о мустьерских погребениях Ближнего Востока // АВ. - №3. – СПб, 1994. - С. 136-143.
- Амирханов Х.А.** Зарайская стоянка: проблемы стратиграфии и структуры поселения в свете раскопок последних лет // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. - Воронеж: Истоки, 2004. - С. 81-82.
- Аникович М.В.** Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука. 1977. - С. 94-112.
- Аникович М.В.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ. - № 3. – СПб, 1994. - С. 144-157.
- Аникович М.В.** Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека

современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симп. "Первичное расселение человечества". – М., 1997. – С. 143–155.

- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2003. - № 2(14). - С. 15-29.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. - С. 86-91.
- Аникович М.В.** Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // *Stratum plus*. 2001-2002. В начале был камень. - № 1. - Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест, [2004]. - С. 266-290.
- Аникович М.В.** О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2006. - № 1(25). – В печати.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Попов В.В., Кузьмина И.Е., Левковская Г.М., Поспелова Г.А., Форман Ст., Холлидэй В.Т.** Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. - С. 18-38.
- Анисюткин Н.К.** Новая палеолитическая стоянка Стинка на Среднем Днестре // БКИЧП. - Вып. 31. – М., 1966. - С. 131-136.
- Анисюткин Н.К.** Мустьерская стоянка Стинка на Среднем Днестре // АСГЭ. - № 11. – Л., 1969. - С. 5-17.
- Анисюткин Н.К.** Орудия клвовидных форм в раннем и среднем палеолите// СА. - 1973. - № 1. - С. 226-234.
- Анисюткин Н.К.** Об археологических культурах мустье// АСГЭ. - № 18. - Л., 1977. - С. 5-9.
- Анисюткин Н.К.** Раннемустьерское местонахождение Осыпка и некоторые вопросы зубчатого мустье в междуречье Днестра и Прута // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. - С. 7-14.
- Анисюткин Н.К.** Варианты среднего палеолита Приднестровья // АСГЭ. - № 19. – Л., 1978. - С.5-21.
- Анисюткин Н.К.** Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. - СПб: Европейский дом, 2001. – 308 с.
- Анисюткин Н.К.** О верхнепалеолитических формах в среднем палеолите Юго-Запада Русской равнины // *Stratum plus*, 2001-2002. В начале был камень. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест, [2004]. - С. 338-339.
- Анисюткин Н.К.** К проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2002. - № 1(9). - С. 43-46.
- Анисюткин Н.К., Борзьяк И.А., Кетрару Н.А.** Первобытный человек в гротах Тринка 1-III. Кишинев: Штиинца, 1986. – 128 с.

- Археология Украинской ССР.** - Т. 1. - Первобытная археология. – Киев: Наукова думка, 1985. 567 с.
- Беляева В.И.** Палеолитическая стоянка Пушкари. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. 156 с.
- Беляева Е.В.** Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ) - СПб: Петербургское Востоковедение, 1999. 212 с.
- Бозинский Г.** Верхний палеолит Германии в структуре палеолита Европы // Верхний палеолит - верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. - СПб: ООО АкадемПринт, 2002. - С. 8-20.
- Болиховская Н.С.** Растительность и климат Среднего Приднестровья в позднем плейстоцене // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. - С. 103-124.
- Болиховская Н.С.** Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. – М.: Московский государственный университет, 1995. – 270 с.
- Болиховская Н.С., Пашкевич Г.А.** Динамика растительности в окрестностях стоянки Молодова 1 в позднем плейстоцене // Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М., 1982. - С. 120-145.
- Борзняк И.А.** Рецензия. М. Bitiri. Paleoliticul in Tara Oasului // СА. - 1976. - № 2. - С. 265-271.
- Борзняк И.А.** Проблема перехода от мустье к позднему палеолиту // Известия АН Молдавской ССР. - 1980. - № 2. - Кишинев. - С. 59-67.
- Борзняк И.А.** Верхнепалеолитическая стоянка Климауцы 1 на Среднем Днестре // ЛИМ. - 1974-1976. – Кишинев: Штиинца, 1981. - С. 3-24.
- Борзняк И.А.** "Стинковская культура" или преориньяк? // Варіабельність середнього палеоліту України. – Киев: "Шлях", 2003. - С. 123-129.
- Борисковский П.И.** Очерки по палеолиту бассейна Дона. – МИА. - № 121. - М-Л: АН СССР, 1963. – 232 с.
- Былинский Е.Н.** Объем микулинского межледникового и проблема корреляции микулинских морских трансгрессий на севере Европы и черноморском побережье Кавказа // Четвертичный период. Палеогеография и литология. – Кишинев: Штиинца, 1989. - С. 32-39.
- Валох К.** Раскопки в пещере Кульна в Моравском карсте и их значение для изучения палеолита Чехословакии // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. - С. 15-28.
- Валох К.** Начало верхнего палеолита в Средней Европе. //БКИЧП. - № 36. – М.: Наука, 1969. - С. 63-74.
- Васильев С.А.** Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири. //Stratum plus, № 1. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. 2000, с. 178-210.
- Васильев С.А.** Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на

будущее // *Stratum plus*. 2001-2002. В начале был камень. - № 1. - Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест, [2004]. - С. 21-170.

- Веклич М.Ф.** Этапы развития природы Черного и Азовского морей в четвертичное время и их корреляция с континентальными обстановками // Четвертичный период. Палеогеография и литология. – Кишинев: "Штиинца", 1989. - С. 102-118.
- Вишняцкий Л.Б.** Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб: Европейский Дом, 1996. - 213 с.
- Вишняцкий Л.Б.** История одной случайности или происхождение человека // *Stratum plus*. Время собирать камни. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999. – С. 10-51.
- Вишняцкий Л.Б.** "Верхнепалеолитическая революция": география, хронология, причины // *Stratum-plus*. Культурная антропология. Археология. - №1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. - С. 245-271.
- Вишняцкий Л.Б.** Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты // Верхний палеолит - верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. - СПб: ООО АкадемПринт, 2002. - С. 42-45.
- Вишняцкий Л.Б.** Человек в лабиринте эволюции. СПб: Весь Мир, 2004. - 156 с.
- Гвоздовер М.Д., Лазуков Г.И.** Геолого-геоморфологическая и археологическая характеристика мустьерских местонахождений // Природа и древний человек (основные этапы развития природы палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене). – Москва: Мысль, 1981. - С. 107-127.
- Герасименко Н.П.** Природная среда обитания палеолитического человека Западного Крыма и Донбасса в последнем ледниковом периоде // Варіабельність середнього палеоліту України. - Киев: "Шлях", 2003. - С. 116-122.
- Гиря Е.Ю.** Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Часть 2. - СПб: ООО АкадемПринт", 1997. – 198 с.
- Гладилин В.Н.** Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 232 с.
- Григорьев Г.П.** К вопросу о происхождении ориньякской культуры во Франции // ВА. - 1963. - Вып. 14. - - С. 25-39.
- Григорьев Г.П.** Начало верхнего палеолита и происхождение *Homo sapiens*. Л.: Наука, 1968. 180 с.
- Григорьев Г.П.** Понятие: ранняя пора верхнего палеолита // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. - С. 100-101.
- Григорьева Г.В.** Позднепалеолитические памятники междуречья Днестра и Прута // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. – Киев, 1975. - С. 21.
- Григорьева Г.В.** Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии // Перво

- бытная археология. Поиски и находки. – Киев: Наукова думка, 1980. - С. 71-82.
- Григорьева Г.В., Анисюткин Н.К.** Позднепалеолитический комплекс стоянки Стинка 1 // Археологія. 1982. № 38. - С. 82-90.
- Давид А.И.** Териофауна плейстоцена Молдавии. – Кишинев: "Штиинца", АН Молдавской ССР, 1980. 186 с.
- Демиденко Ю.Э.** Кииккобинский тип микокских индустрий среднего палеолита Крыма: дискретная культура "шарантоидного парамикока" или индустриальное проявление крайней степени кремнеобработки крымской микокской традиции? // Вариабельність середнього палеоліту України. – Киев: Шлях, 2003. - С. 140-171.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К.** Ашельские комплексы Мугоджарских гор. - Новосибирск: Наука, 2001. - 135 с.
- Жебера К.** Принципы стратиграфии и периодизации палеолита Чехословакии // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. - XVIII. –М. 1961. - С. 28-39.
- Жерихин В.В.** Избранные труды по палеоэкологии и филогенетике. – М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2003. – 542 с.
- Иванова И.К.** Геологический возраст ископаемого человека. – М.: Наука, 1965. 192 с.
- Иванова И.К.** Геологическое строение долины реки Днестр в районе мустьерского местонахождения Стинка// БКИЧП. № 36. М., 1969. - С. 129-136.
- Иванова И.К.** Геология и геоморфология окрестностей стоянки Кетросы //Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. - С. 59-80.
- Иванова И.К., Болиховская Н.С., Ренгартен Н.В.** Геологический возраст и природная обстановка мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: Наука, 1981. - С. 152-161.
- Кетрару Н.А.** История исследования палеолитических гротов Северо-Запада Молдавии // ОПМ. - Кишинев, 1965. - С. 60-77.
- Кетрару Н.А.** Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.1. Кишинев, 1973. – 175 с.
- Кетрару Н.А., Анисюткин Н.К.** Мерсына. Новое нижнепалеолитическое местонахождение в Молдавии. – Кишинев, Штиинца, 1967. 40 с.
- Коваленко С.И.** Поздний палеолит Молдавского Приднестровья. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – СПб, 1993. 19 с.
- Козинцев А.Г.** От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция. Проблема перехода от среднего палеолита к верхнему // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2003 - № 1(13). - С. 58-64.
- Козинцев А.Г.** Сунгирь: старый спор, новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2004. - № 1 (17). - С. 19-27.
- Колесник А.В.** Ручные рубила среднего палеолита Восточной Европы// АА. Донецк. 1998. № 7. С. 3-24.

- Колесник А.В.** Средний палеолит Донбасса. – Донецк: ООО Лебедь, 2003. – 294 с.
- Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П.** Ранний палеолит Крыма. – Киев: Наукова думка, 1993. – 223 с.
- Коробков И.И.** Нуклеусы Яштуха // Палеолит и неолит СССР. V. МИА. - № 131. – М-Л.: Наука, 1965. - С. 76-110.
- Коробков И.И.** К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. // Палеолит и неолит СССР. VI. МИА. - № 173. – Л.: Наука, 1971. - С. 61-99.
- Коробков И.И.** Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и среднего Востока. Палеолит мира. – Л.: Наука, 1978. - С. 9-185.
- Коробкова Г.Ф., Кигурадзе Т.В.** К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулавери-кльде // КСИА. - Вып. 132. – М., 1972. - С. 53-58.
- Коробкова Г.Ф., Скакун Н.Н., Шаровская Т.А.** Определение функций каменных орудий по макропризнакам // XI Конгресс ИНКВА. - Тезисы докладов. – Т. 3. – Москва, 1982. – С. 173-174.
- Кулаковская Л.В.** Середньопалеолітичні варіації на заході України // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ: Шлях, 2003. - С. 10-31.
- Кухарчук Ю.В.** Новые данные о каменной индустрии мустьерского местонахождения Чулатово 3 // АА. Донецк. - 1996. – № 5. - С. 109-116.
- Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А., Холмовой Г.В.** Календарно-событийная стратиграфия позднего неоплейстоцена // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. - Материалы совещания. - Т. I. – Смоленск, 2002. - С. 143-145.
- Любин В.П.** Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Исследования по археологии древнего каменного века. - Палеолит мира. – Л.: "Наука", 1989. - С. 9-142.
- Любин В.П., Беляева Е.В.** Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1 (Центральный Кавказ). – СПб: «Петербургское Востоковедение», 2004. – 272 с.
- Матюхин А.Е.** Палеолитические мастерские в бассейне нижнего Дона // АВ. - № 3. - СПб, 1994. - С. 25-37.
- Матюхин А.Е.** О ранней поре и генезисе позднего палеолита бассейна Нижнего Дона. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. // Костенки в контексте палеолита Евразии. Вып. 1. СПб, 2002, с. 81-101.
- Матюхин А.Е.** О соотношении типологического, технологического и функционального подходов в первобытной археологии // Stratum plus. 2001-2002. В начале был камень. - № 1. - Санкт-Петербург - Кишинев - Одесса - Бухарест, [2004]. - С. 291-308.
- Матюхин А.Е.** Среднепалеолитические комплексы Русской равнины, содержащие двусторонне обработанные орудия // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2004. - 1(17). - С. 7-18.

- Матюхин А.Е.** Мустьерские и позднепалеолитические индустрии в устье Северского Донца // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии. Воронеж: Истоки, 2004. - С.112-114.
- Нехорошев П.Е.** Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб: Европейский Дом, 1999. – 174 с.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. – Материалы и исследования по археологии. - № 157. Л.: Наука, 1966. – 154 с.
- Праслов Н.Д.** Ранний палеолит Русской равнины и Крыма. // Палеолит СССР. - Археология СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 94-134.
- Пашкевич Г.А.** Палинологическое исследование разреза стоянки Кормань 4 // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. – М.: Наука, 1977. - С. 105-112.
- Ренгартен Н.В.** Литологические критерии реконструкции палеоклимата и история формирования отложений стоянки Кормань IV // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. – М.: Наука, 1977. - С. 78-97.
- Ренгартен Н.В.** Состав и условия образования четвертичных отложений Кишлянского Яра // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М.: "Наука", 1981. - С. 80-93.
- Рогачев А.Н.** Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону // МИА. - № 45. - М-Л.: АН СССР, 1955. – 164 с.
- Рогачев А.Н.** Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района // Палеолит и неолит. III. – МИА. - № 59. - М-Л.: АН СССР, 1957. - С. 9-134.
- Сапожников И.В.** Палеолит степей Нижнего Приднестровья. Часть 1. – Одесса, 1994. – 78 с.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д. (Ред.)**. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. - СПб: АкадемПринт, 1997. – 141 с.
- Синицын А.А., Хоффекер Дж.Ф., Синицына Г.В., Спиридонова Е.А., Гуськова Е.Г., Форман Ст., Очередной А.К., Бессуднов А.А., Миронов Д.С., Рейнольдс Б.** Костенки 14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. – Воронеж: Истоки, 2004. - С. 39-59.
- Ситник О.С.** Стінківська мустьєрська культура: аналіз та інтерпретація джерел // АА. Донецк. - 1999. - № 8. – С. 171-191.
- Сытник А.С.** Новые памятники стинковской индустрии на Днестре и их культурно-историческая интерпретация. // Stratum Plus. Время последних неандертальцев. – 2000. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. - С. 332-350.
- Ситник О.С.** Середній палеоліт Поділля. Львів, 2000. 369 с.
- Ситник О.С.** Середній палеоліт Поділля // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Київ, 2003. – 32 с.
- Смирнов Ю.А.** Мустьерские погребения Евразии. Наука, М. 1991. – 341 с.
- Соффер О.** Неандертальские рефугиумы и архаичный образ жизни. //Stratum plus. Вре

мя последних неандертальцев. - 2000. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. - С. 236-244.

- Станко В.Н.** Мирное. проблема мезолита степей Северного Причерноморья. – Киев: Наукова думка, 1982. - 17 с.
- Степанчук В.Н., Коен В.Ю.** Индустрия третьего слоя стоянки Кульчивка, Западная Украина // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. // Труды Костенковской экспедиции. Институт Истории Материальной Культуры РАН. СПб, Костенки в контексте палеолита Евразии. Серия: Исследования. Вып. 1, 2002. С. 102-115.
- Сулейманов Р.Х.** Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан, 1972. – 172 с.
- Тарасов Л.М.** Мустьерская стоянка Бетово и ее природное окружение // Палеоэкология древнего человека. – М.: Наука, 1977. - С. 18-38.
- Тарасов Л.М.** Палеолит бассейна Десны. - Автореферат диссертации на соискание на учной степени доктора исторических наук. – Л., 1991. – 46 с.
- Тарасов Л.М.** О переходе от мустье к позднему палеолиту // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. – Липецк, 1999. - С. 26-31.
- Тостевин Г.** Это случилось дважды: межрегиональная диффузия в Центральной Европе, Восточной Европе и Леванте в период от 60 до 30 тысяч лет назад // *Stratum plus*. Культурная антропология. Археология. - 2000. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. - С. 216-235.
- Хмелевский В.** Археологические культуры верхнего плейстоцена на территории Польши // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. – М.: Наука, 1965. - С.15-23.
- Цвейбель Д.С., Колесник А.В.** Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминка в Донбассе //РА. - 1992. - № 4. - С. 119-130.
- Чабай В.П.** Особенности перехода от среднего палеолита к позднему палеолиту в Крыму. // *Stratum plus*. Время последних неандертальцев. - 2000. - № 1. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса-Бухарест. - С. 54-83.
- Чабай В.П.** Крым в контексте вариабельности среднего палеолита Восточной Европы // Вариабельність середнього палеоліту України. – Київ: "Шлях", 2003. - С. 78-105.
- Черныш А.П.** Поздний палеолит Среднего Приднестровья. // Палеолит Среднего Приднестровья. – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. – Вып. XV. М. Наука. 1959. - С. 5-214.
- Черныш А.П.** Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV. – М.: Наука, 1977. - С. 7-77.
- Щелинский В.Е.** К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Ленинград: Наука, 1983. - С. 72-133.

- Щелинский В.Е.** Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (По материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины). - Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. - Санкт-Петербург, 1994. – 40 с.
- Щелинский В.Е.** Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азык // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб: Наука, 1994. - С. 22-43.
- Amirkhanov H.A., Anikovitch M.V., Borziak I.A.** Probleme de la transition du Mousterien au Paleolithique superieur sur le territoire de la plaine Russe et du Caucause // L'Anthropologie (Paris). - 1993. - Tome 97. - N. 2/3. - P. 311-330.
- Auffermann B., Orschiedt J.** Die Neandertalen. Eine Spurensuche. Archaologie in Deutschland. – Stuttgart, 2002. – 110 S.
- Bitiri M.** Citeva date cu privire la Paleoliticul de la Mitoc-Valea Izvorului // Studii si materiale istorie. - 1973. - III. - Suceava. - P. 27-35.
- Boeda E.** Caracteristiques techniques des chaines operatoires lithiques des niveaux micoquiens de Kulna // Paleo-Supplement № 1. - 1995. - P. 57-77.
- Bohmers A.** Die Hohlen von Mauern. – Palaeohistoria. - I. - 1951. Grohningen. 107 S.
- Bordes F.** L'evolution buissonnante des industries en Europe occidentale. Considerations theoretiques sur la Paleolithique ancien et moyen // L'Anthropologie. - 1950. - T. 54. - P. 393-420.
- Bordes F.** Typologie du Paleolithique ancien et moyen. - Mem. 1. - Bordeaux. - 1961. – 95 p.
- Bordes F.** Le Mousterien a denticules // Arheoloski vestnik. - Lyublyana. - 1962-1963. - P. 43-49.
- Bordes F., Bourgon M.** Le complexe Mousterien: Mousterien, Levalloisien et Tayacien // L'Anthropologie. Paris. - 1951. – T. 55. - P. 1-23.
- Bordes F., Sonneville-Bordes D.** The significance in Palaeolithic assemblages // World Archaeology. London. - 1970. - Vol. 2. - n. 1. - P. 61-73.
- Bosinski G.** Die Mittelpalaolithischen Funde im Westlichen Mitteleuropa. - Fundamenta, Reihe A/4. - 1967. – 206 S.
- Breuil Henri.** Les industries a eclats du Paleolithique inferieur. I. Le Clactonien // Prehistoire. Paris. - 1932. – T. I. - Fas. II. - P. 125-190.
- Chadelle J-P., Geneste J-M., Plisson H.** Processus fonctionels de formation des assemblages technologiques dans les sites du Paleolithique superieur. Les pointes de projectiles lithiques du Solutreen de la grotte de Combe Sauniere (Dordogne, France) // 25 ans d'etudes technologiques en Prehistoire. XI Rencontres Internationales d'Archeologie et d'Historie d'Antibes. Ed. APDCA, Juan-les-Pins. - 1991. - P. 275-287.
- Carciumaru M.** La relation Homme-environnement element important de la dynamique de la Societe Humaine au cours du Paleolithique et de l'Epipaleolithique sur la territoire de la Roumanie. //Dacia. Bucarest. - 1985. - N.S. T. XXIX, 1-2. - P. 7-34.
- Chetraru N.** Contributii la cunoasterea Paleoliticului inferior in Moldova // II. Istorie veche

- si arheologie. - Anuarul, II. - Chisinau. - 1995. - P. 93-172.
- Chetraru N.** Bobulesti VI - o statiune de la inceputul Paleoliticului superior in Moldova // II. Istorie veche si arheologie. - Anuarul, II. - Chisinau. - 1995. - P. 139-172.
- Chirica V., Borziac I., Chetraru N.** Gisements du Paleolithique superieur ancien entre la Dniestr et la Tissa. Ed. Helios. - Iasi. 1996. - P. 5-71.
- Collins Desmond M.** Metrischer und typologischer Bewais fur die Selbststandigkeit der Kulturtraditionen des Acheuliens und Clactoniens in England und Deutschland // Jahresschrift mitteldeutsche Vorgeschichte. - 52. - Halle (Saale), 1968. - S. 27-38.
- Delpech F., Geneste J-M., Rigaud J-Ph., Tixer J-P.** Les industries anterieures a la derniere glaciation en Aquitaine septentrionale: chronologie, paleoenvironnements, technologie, typologie et economie de subsistence // Paleo-Supplement № 1. - 1995. - P. 133-163.
- Djindjian F.** Chronologie et climato-stratigraphie du Paleolithique Superieur ancien francaise a partir des donnees du Perigord // Chronologie geophysiques et archeologiques du Paleolithique Superieur. - Bari, 2003. - P. 283-298.
- Demars P-Y, Laurent P.** Types d'outils lithiques du Paleolithique superieur en Europe. - Presses du CNRS, Paris. - 1992. - 160 p.
- Doronichev V.B., Blackwell B.A.B., Golovanova L.V., Levkovskaya G.M., Pospelova G.A.** Treugol'naya cave in the Northern Caucasus: Chronology, Paleoenvironments, Industries, and relationship to the lower Paleolithic in Eastern Europe // Eurasian Prehistory. - 2004. - 2 (1). - P. 77-144.
- Freericks M.** Transition du Paleolithique moyen au Paleolithique superieur en Allemagne: quelques exemples. // Paleo-Supplement № 1. - 1995. - P. 117-121.
- Haesaerts P., Sirakova S.** Le Paleolithique moyen a pointes foliacees de Mouselievo // Middle and early Upper Palaeolithic in Balcan. - Warszawa-Krakow. - 1979. - P. 35-63.
- Gladilin V.N., Demimenko Y.E.** On the Origins of Early Upper Paleolithic industries with Leaf Points in the Carphato-Balcan region // Feuilles de Pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithique Superieur Europeen. Etudes Recherches archeologique de l'Universite de Liege. - 1990. - P. 115-124.
- Gamble C.** The Palaeolithic settlement of Europe. - Cambridge world archaeology. - Cambridge press. - Cambridge, 1985. - 471 p.
- Hoffecker John F.** Desolate landscapes. Ice-Age Settlement in Eastern Europe. - Rutgers University Press. - New Brunswick, New Jersey, and London. - 2002. - 298 p.
- Ivanova I.K.** Etude geologique des gisements Paleolithique de L'U.R.S.S. // L'Anthropologie. - 1969. - T. 73. - N. 1-2. - P. 5-48.
- Kelley H.** Contribution a l'etude de la technique de la taille levalloisienne // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. - 1954. - LI, fasc. 3-4. - P. 149-169.
- Kozłowski J. K. (Ed.)** Excavation in the Bacho Kiro cave. -Panstwowe wydawnictwo naukowe. - Warszawa, 1982. 173 p.

- Kozłowski J.K., Dagnan-Ginter A., Gatsov I., Sirakova S.** Upper Palaeolithic assemblages // Excavation in the Bacho Kiro. - Warszawa. - 1982. - P. 119-159.
- Kozłowski J. K.** La signification des "outils foliacées" // Paleo - Supplement № 1. Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale. Actes du colloque de Miskolc. - 1995. - P. 91-99.
- Kozłowski J. K.** The first half of the last Interpleniglacial: chronology, environment and cultures // Chronologiques géophysiques et archéologiques du Paléolithique Supérieur. Comptes-rendus du Colloque international de Ravello (3-8 mai 1994). – Bari, 2003. - P. 197-204.
- Kulakovskaya L., Haesaerts P., Borsiac I., Damblon F., Geneste J-M., Meignen L., Sytnik O. Molodova V:** a reference sequence for the transition from Middle to Upper Palaeolithic // European Association of Archaeologists. - 9 Annual Meeting. 10-14 September. - St. Petersburg, 2003. - P. 75-76.
- Lumley de H., Bottet B.** Remplissage et évolution des industries de la Baum-Bonne // Congrès Préhistorique de Monaco, XVI Session. - 1959.
- Mania D., Toepfer V.** Königsau. Gliederung, Ökologie und mittelpaläolithische Funde der letzten Eiszeit. – Berlin, 1973. - 164 S. 73 Taf.
- Mania D.** Silexgeräten von Bilzingsleben // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. - 34, Heft 4. – Berlin, 1993. - S. 473-477.
- Narr K., Lass G.** Jabrud: Mikroskopische Gebrauchsspuren // Quartar. - Bd. 45/46. - 1995. - S. 37-68.
- Nicolaescu-Plopsor C.S.** La Paleolithique dans la République Populaire Roumaine // Dacia, N.S. - I. - Bucuresti. - 1957. - P. 41-60.
- Noiret P.** La Paleolithique Supérieure de la Moldavie // L'Anthropologie. Paris. - 2004. – T. 108 - P. 425-470.
- Oliva M.** Die Herkunft des Szeletien im Lichte neuer Funde von Jezerany // Casopis moravského muzea. – LXIV. – Brno, 1979. - S. 45-78.
- Oliva M.** Die Bogunicien-Station bei Podolí und ihre Stellung im beginnenden Jungpaläolithikum // Casopis moravského muzea. - LXVI. - Brno, 1981. - S. 7-45.
- Onoratini G.** Le Protoaurignacien: première culture de l'homme moderne de Provence et Ligurie // L'Anthropologie, Paris. - 2004. - 108. - P. 239-249.
- Paunescu A., Mogosanu F., Carciumaru M.** Unele considerații privind paleoliticul mijlociu din Dobrogea // Pontica. - V. - 1972. - P. 73-86.
- Paunescu A.** La passage du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur entre Carpates et le Prut // L'Homme de Neandertal. - Vol. 8. - La Mutation. – Liège, 1988. - P. 133-147.
- Paunescu A.** Ripiceni-Izvor. Paleolitic și mezolitic. Bucuresti, 1993. 228 p.
- Pfeifer L.** Die Werkzeuge des Steinzeit-Menschen. Aus der technologischen Abteilung des städtischen Museums in Weimar. – Jena, 1920.
- Prosek Fr.** Szeletien na Slovensku // Slovenska Archaeologia. - 1953. - 1. - Bratislava. - S.

133-194.

- Prosek F., Lozek V.** Stratigraficke otazky Ceskoslovenskeho paleolitu // Památky archeologicke. - XLV. – 1954. - S. 35-68.
- Ringer A., Kordos L., E. Krolopp.** Le complexe Babonyen - Szeletien en Hongrie // Paleo - Supplement № 1. Les industries a pointes foliacees d'Europe Centrale. - 1995. - P. 27-30.
- Schafer D.** Taubach. Zur Merkmalsanalyse von Feuersteinartefakten der mittelpalaolithischen Travertinfundstelle sowie zu ihrem Verhältnis zur Technologie anderer alt- und mittelpalaolithischen Fundplätze // Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift. - 1981. - 22. - S. 369-396.
- Svoboda J.** The Bohunician // Feuilles de pierre. Les industries a pointes foliacees du Paleolithique superieur europeen. – Krakow, 1989 E.R.A.U.L. - No 42. – Liege, 1990. - P. 199-211.
- Tuffreau A.** La gisement Paleolithique moyen de Biache-Saint-Vaast. Vol. 1. - Memoires de la Societe prehistorique Francaise. – T. 21. - 1988.
- Valoch K.** Die Hohlen Sipka und Certova dira bei Stramberg. //Anthropos. – 17. - N.S. - 9. - 1965. - P. 5-125.
- Valoch K.** Gisement du Pleistocene a Mamaia sur la cote a Mere Noire // La Prehistoire. Problemes et Tendances. - 1968. - P. 465-472.
- Valoch K.** Neue mittelpalaolithischen industrien in Sudmahren // Anthropologie, Brno. - 1976. - XIV. - 1,2. - S. 55-64.
- Valoch K.** Neue palaolithische Funde von Brno-Bohunice // Casopis moravskeho musea. - Acta Musei Moraviae. - 1982. - LXVII. - S. 31-48.
- Valoch K.** La Taubachien, sa geochronologie, paleoecologie et paleoethnologie. //L'Anthropologie, Paris. - 1984. - 88. - P. 193-208.
- Valoch K.** Die erforschung der Kulna-Hohle. – Brno, 1988.
- Valoch K.** Les industries du Paleolithique moyen du Mamaia-Sat, Roumanie // L'Anthropologie, Paris. - 1993. – T. 97. - 2/3. - P. 239-264.
- Valoch K.** Eine Notgrabung in der Kulna-Hohle im Mahrtschen Karst // Acta Musei Moraviae. - Sci. soc. LXXXVII. – Brno, 2002. - S. 3-34.
- Vertes L.** Das Mousterien in Ungarn // Eiszeitalter und Gegenwart. - Band 10. - Ohringen, 1959. – S. 21-40.
- Wymer J.** Paleolithic sites of East Anglia. – Cambridge, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

- АА – Археологический альманах (Донецк).
- АВ – Археологические Вести.
- АИМ – Археологические исследования в Молдавии (Кишинев).
- АК – Археологическая культура.

- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
 БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода.
 ВА – Вопросы антропологии.
 ИП - Ископаемая почва.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
 Л – Ленинград.
 М – Москва.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 ОПМ – Охрана природы Молдавии (Кишинев).
 РА – Российская археология.
 РУ – Радиоуглеродные (даты).
 СА – Советская археология.
 СПб – Санкт-Петербург.
 ТКИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода.
 ТК - технокомплекс.
 OIS - кислородно-изотопная стадия.

SUMMARY

Stinka site is located on the right bank of the river Dniestr close to Khotin town in the Chernovitsk region of the Ukraine. It was discovered by the author in 1964 and was under his excavations in 1965, 1966, 1967 and 1969. The geologist-geomorphological investigations by geological party of the Commission for Study of the Quaternary Period from Academy of Sciences of the USSR (headed by I.K.Ivanova) took place in 1967 and next year (in 1968) the palinological analyses were carried out. There were distinguished two definite complexes - the Upper Paleolithic (Gravettian) and the Middle Paleolithic located in the different areas of a promontory corresponding to the IVth terrace of Dniestr. The Middle Paleolithic one was uncovered in the area of 240 sq.m and was presented by two cultural layers. The lowest of those separated from the upper layer by a sterile horizon up to 0,4 m width was investigated in a small excavation area (within 30 sq.m) in situ. The hearth and three pits to the east and to the south-east aside from it were discovered there. Faunal remains were not presented. Lithological-stratigraphical and palinological data enabled to associate the deposits with a very cold stadial - presumably OIS 4 and the overlaying sequences including the upper cultural layer - to a temperate interstadial (possibly Hengelo), the Middle Wurm (OIS 3).

The lithic industry of the lower cultural layer was presented by 1620 artifacts made of flint and quartzite, among those were 180 cores, 268 tools; the upper cultural layer yielded 390 artifacts numbering 39 cores and 102 tools. Both industries obtain many common features and were produced of the same rough materials, though the lower cultural layer looks rather archaic.

The Middle Paleolithic technique totally dominates in the lower cultural layer (discoid cores prevail) with a lot of sidescrapers, notched and denticulate tools, presented are carinated scrapers, rapiers and butt-end-scrapers. Numerous are bifaces including blattspitzens and keilmessers of the German terminology. The industry is defined as "Preszeletian" Stinka type.

The lithic industry of the upper cultural layer also comprises the same forms of tools, among those common are Aurignacoid scrapers and burins, also 2 microblades of Dufour type are found. This industry may be considered as the initial phase of the regional Szeletian (Moldovian Szeletian after J.K.Kozlowski).

The analogs of Stinka 1 assemblages were discovered in the region on the number of sites as well as in Dobruzha (Mamaia-Sat) and in Desna basin (Betovo). The present variant of the Middle Paleolithic coexisted in the region with Molodova Levallois-Mousterian. The local Upper Paleolithic with Aurignacoid forms, butt-scrapers, numerous denticulate and notched tools together with leaf-shaped bifaces according to the author's and some paleolithic researchers opinions from Moldova, Ukraine and Russia derive from the present variant of the Middle Paleolithic (Preszeletian Stinka type).

Подписано в печать 01.12.2005

Отпечатано в типографии ООО «Копи-Р»

Санкт-Петербург, ул. Пестеля, д. 11

Тираж 300 экз.